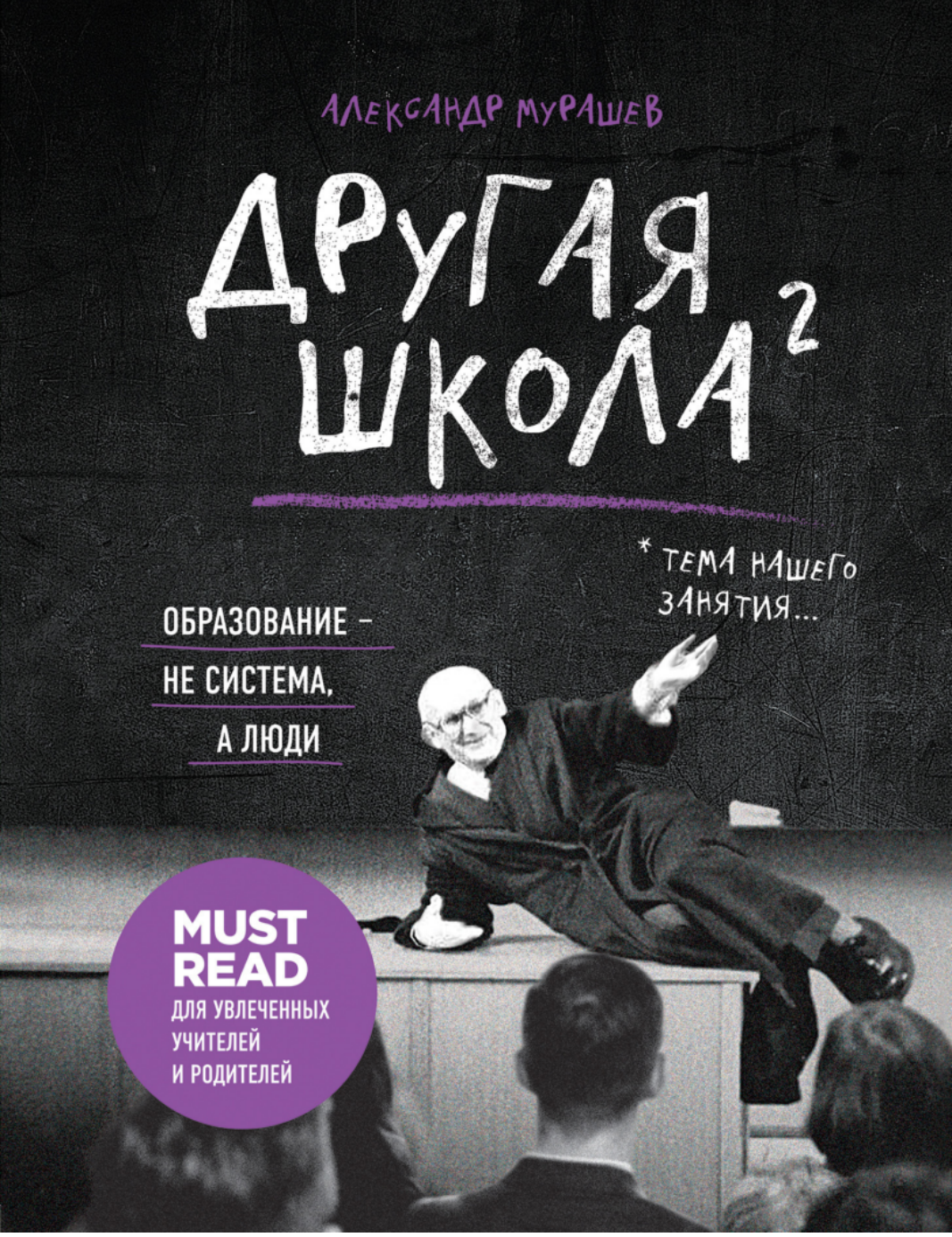
АЛЕКСАНДР МУРАШЕВ

ДРУГАЯ ШКОЛА 2

ОБРАЗОВАНИЕ – НЕ СИСТЕМА, А ЛЮДИ



MUST READ
ДЛЯ УВЛЕЧЕННЫХ УЧИТЕЛЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Открыв эту книгу, вы станете участником эксперимента. Я называю его «путешествием внутрь школы». В течение 9 месяцев я общался с десятками учителей и школьников. С ученым Робертом Сапольски и легендарным преподавателем Кеном Робинсоном. Я буквально жил в «Новой школе» — пространстве, объединившем педагогов из районных и региональных учебных заведений, методистов программы «Учитель для России» и выпускников школы Тубельского. Мне хотелось собрать ящик с инструментами, с которым можно будет отправиться в любое учебное заведение в любом регионе России. Тот, что не потребует от преподавателей и родителей никаких особенных ресурсов. Кроме одного: желания пробовать что-то новое в общении с детьми. Для меня это не просто книга, это целый опыт. Проживая его вместе с героями, вы поймете: каждый из нас может создать для своего ребенка среду, в которой ему будет интересно учиться, познавать мир и себя». Александр Мурашев В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

- Александр Мурашев
  -
  - Предисловие
  - 08:00
  - 08:15
  - 08:30
  - 09:20
  - 10:00
  - 10:10
  - 10:50
  - 11:00
  - 11:10
  - 11:50
  - 12:30
  - 13:20
  - 14:10
  - 14:50
  - 15:10
  - 15:25
  - 15:40
  - 16:15
  - 16:25
  - 16:30

- ○ 17:10
- ○ 17:50
- ○ 18:05
- ○ 18:15
- ○ 18:30
- ○ 19:10
- ○ 19:50
- ○ 20:05
- ○ 20:20
- ○ 20:30
- ○ 21:45
- ○ Письма самим себе в детство
- ○ Письмо самому себе

Александр Мурашев
Другая школа 2. Образование — не система, а люди

Посвящается Сэру Кену Робинсону.

Не могу представить эту книгу без нашего с ним разговора

© Мурашев А., текст, 2021
© ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Эта книга похожа на триллер: у героев есть всего один день на то, чтобы спасти мир. Сделать это, конечно, можно только в школе. Это вовремя: образование — самая инерционная, сопротивляющаяся изменениям, трудно обучаемая часть жизни, все знают, что это надо менять, но никто не знает, какими должны быть изменения. Все ищут идеальное будущее школы, но обнаруживают под грузом прежних решений.

Эта книга рассказывает о том, как это будущее может случиться: история разыгрывается по минутам, она увидена разными глазами, в ней сотни персонажей, она полна страсти и жизни. Постепенно ты понимаешь, что все участники этой истории — и ученики, и учителя, и причастные — все они супергерои. Но природу их суперспособностей определить трудно. Они не летают, не проходят сквозь стены. Они умеют что-то другое, знают что-то более важное.

Я уверен, что будущее образования — это люди, которые показывают друг другу: мир полон невероятных возможностей, ты не одинок, жизнь начинается каждую минуту. Книга, ее герои говорят: это будущее и мечты уже здесь. Следя за этим «триллером», ты сам становишься супергероем, способным смотреть на мир с открытыми глазами, постоянно совершая открытия. И теперь осталось самое главное — чтобы этот походный набор с советами по эксплуатации мечт очутился у всех. Эта книга о школе? Скорее, о том, что счастье — это прямо

сейчас. Потому что история, рассказанная здесь, помогает увидеть: суперспособности есть у каждого. И все только начинается.

Филипп Дзядко, главный редактор Arzamas

Кому-то может показаться, что эта книга — фэнтези. Не про реальную школу, а про Хогвартс. Но только не мне. Потому что в свое время я прошел Хогвартс. Я думал, что больше не встречу таких учителей-кентавров: наполовину людей, наполовину волшебников. И вдруг целая книжка про них. Я получил огромное удовольствие — удовольствие от узнавания, удовольствие от воспоминаний — и завидую тем, кто никогда не испытывал ничего подобного. Потому что с этой книжкой вы испытаете.

Олег Батлук, писатель

У нас не много книг о школе, тем более — о школе изнутри, с изнанки и под лупой. «Другая школа». Почему «другая»? В этом и пытается разобраться Александр Мурашев. Автор пишет только о том, что чувствует он, что нравится ему, что удивляет его. И это создает эффект живого рассказа, сопричастности, включенности даже тогда, когда сам видишь ситуацию иначе. Думаю, книга будет интересна всем, кому интересна современная школа.

Марьяна Безруких, психолог

Предисловие

Прямо сейчас вы перевернете страницу и станете участником эксперимента, который продолжался девять месяцев.

Я называю его «Путешествие внутрь школы».

Ругать учебные заведения стало уже хорошим тоном. За оторванность школьных предметов от реальной жизни, передозировку домашней работой, за архаичность школы в целом… Причин столько, что из них давно можно было составить отдельную энциклопедию. Но один из героев этой книги очень точно подметил: «Современная школа — это несколько сломавшихся механизмов, которые пора отремонтировать».

Книга, которую вы держите в руках, — набор инструментов для того, чтобы это сделать.

Директор небольшой датской гимназии подарил мне прекрасную метафору: образование — это треугольник, где стороны — это дети, школа и родители. Вот почему мне хотелось построить эту книгу так, словно вы провели один день в школе, в которой хотели бы учиться сами. С преподавателями, на чьих уроках интересно даже взрослым. С родителями, которые ищут баланс между знаниями и счастьем своего ребенка. Наконец, с самими детьми, которые открыто говорят о том, чего хотят от школы, учителей, родителей, жизни. Десятки голосов, которые отвечают на самые острые вопросы о современном образовании, подхватывают друг друга, ведут вас по виртуальным коридорам и откровенно рассказывают о своих личных находках.

«Голоса» — это не метафора. На страницах книги вы найдете QR-коды. Наведите камеру смартфона на любой из них, и герои книги с вами заговорят. Помните, как в детстве мы раскрывали книжки с объемными картинками и начиналось волшебство?

Для того чтобы рассказать эту историю, я девять месяцев прожил в «Новой школе» — пространстве, объединившем педагогов из районных и региональных учебных заведений, методистов программы «Учитель для России» и выпускников школы Тубельского. Я оставлял пометки, сидел на уроках, запоминал мелкие детали и часами общался с учителями, родителями и детьми. А дальше литрами пил кофе и судорожно пытался понять, как мне теперь сделать самое важное. Как бережно передать на бумаге сотни гигабайт аудиозаписей и личный опыт совершенно разных людей. Педагогический стаж которых в некоторых случаях насчитывал десятки лет.

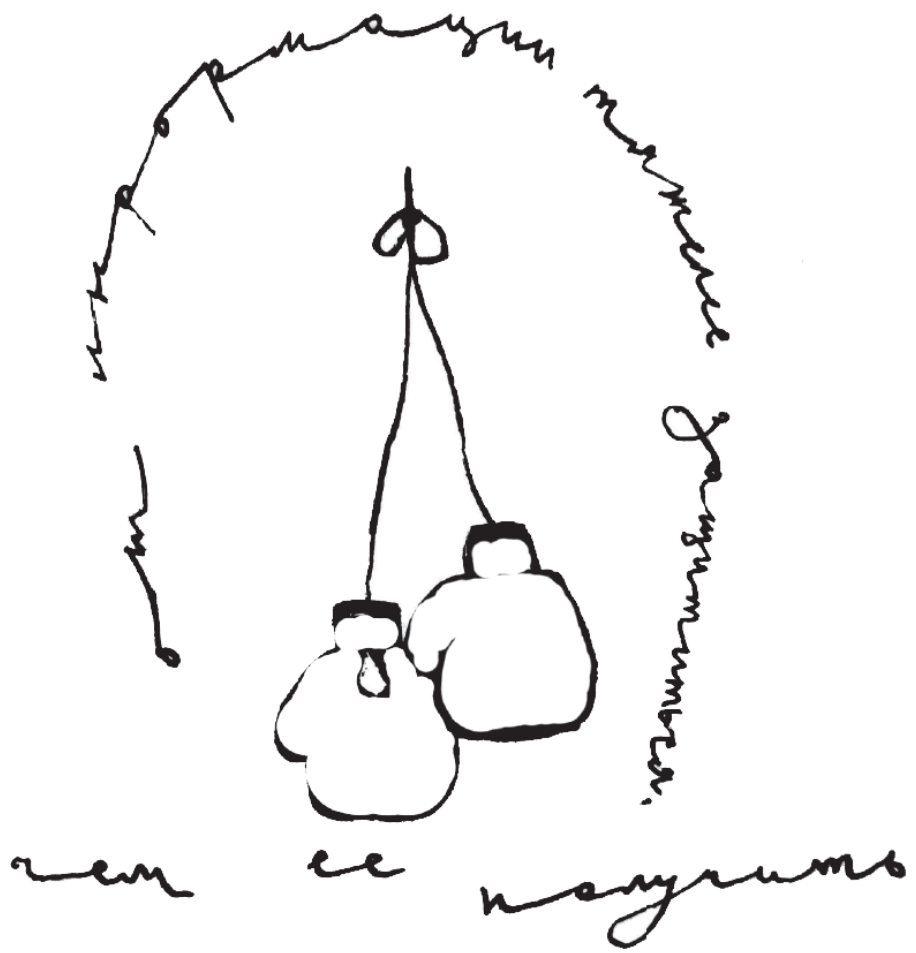
Мне хотелось собрать ящик с инструментами, с которым можно будет отправиться в любую школу в любом регионе

России. Тот, что не потребует от преподавателей и родителей никаких особенных ресурсов. Кроме одного — желания пробовать что-то новое в общении с детьми.

Писатель Уилл Уайз однажды сказал: «Вместо передачи информации ты можешь создать для людей опыт. И, проживая его, они поймут, на что способны сами».

Для меня это не просто книга, это — целый опыт. Проживая его вместе с героями рассказанной истории, вы поймете: каждый из нас может создать для своего ребенка среду, в которой ему будет интересно учиться, познавать мир и себя.

P.S.
Все иллюстрации выполнены детьми.
С некоторыми из них вы встретитесь на страницах книги.



08:00
Первый звонок

Все, что нужно знать о современной школе, я понял в день, когда учителям пришло письмо о заложенной в здании бомбе.

На первый урок у младших классов я пришел, вооружившись ноутбуком и пачкой листков для записей. На втором — в кабинет бесшумно вошел завуч, что-то прошептал на ухо учителю, а затем попросил всех выйти в коридор. С вещами.

Несколько минут спустя четыреста человек заполнили площадку у школы. По неуверенным переглядываниям и нервному смеху было понятно: еще никто не понимает, что же действительно произошло.

Где-то внутри себя я готовился к ощущению неуправляемого хаоса, которым всегда сопровождалась внезапная эвакуация в моей школе. Я уже знал, как это будет выглядеть: учителя попытаются выстроить детей группами, повышая голос и путаясь в своих же собственных действиях. А информацию о происходящем придется узнавать не от преподавателей, а от своих же одноклассников. Словно в стерильный школьный мир внезапно врывалось что-то настоящее. И к этому никто оказывался не готов.

За следующие несколько минут выяснилось, что в школе, как в бункере на случай апокалипсиса, есть все необходимое. Февральским утром дети вышли одетыми и не мерзли, а пледов и воды хватило на всех. Не было и следа паники. Школьники вовремя узнавали информацию и стояли организованными группами, как будто ожидая начала концерта. Преподаватели даже не прерывали уроков, просто сменили кабинеты на уличную площадку.

Рядом со мной запускались прямые трансляции в соцсетях. Те, кто жил поблизости, предлагали другим остаться переждать у них дома. И еще до новостей о том, что тревога оказалась ложной, стало понятно, что в этом и есть суть школы как таковой. Быть местом, которое *действительно* готовит к взрослой жизни. К реальным ситуациям с реальными условиями — как обещали каждому из нас первого сентября, когда мы стояли с букетами для учителей и еще не знали, что именно нас ждет в следующие одиннадцать лет.

Преподаватели в Скандинавии говорят, что прежде всего школа должна научить одному — умению быстро адаптироваться к окружающему миру.

Потому что этот мир стремительно меняется, а школа — нет. Знания повсюду, на расстоянии вытянутой руки и двух кликов. От информации тяжелее защититься, чем ее получить. Ученики больше не уважают учителя только за то, что он знает теорему Пифагора или помнит, в каком году было Ледовое побоище. А школа — больше не место, где мы получаем сакральные знания, которые нельзя найти где-то еще. И если у преподавателя отобрали возможность передавать информацию, то какие инструменты у него остаются? Как сказал бы писатель Дэвид Фостер Уоллес: «Те, благодаря которым мы в конце концов становимся собой».

«Лучшее, что могут сделать родители, — научить детей обходиться без них».

Юлия Вешникова

Школьная стена

Как будто подтверждая эту мысль, я упираюсь взглядом в надпись, оставленную на расписанной мелками стене, которая в школе призвана утолить неизбежную детскую жажду вандализма. Напоминания о днях рождения, цитаты и рисунки — все это уже давно превратило стену в самостоятельный арт-объект. «Лучшее, что могут сделать родители, — научить детей обходиться без них», — написано чуть выше остальных фраз. Сразу за стеной — место, которое ты на инстинктивном уровне боишься больше всего.

Но вход выглядит совсем не так, как ты этого ожидаешь.

08:15
Кабинет директора «Счастье или ЕГЭ?»

На двери — почти граффити: трафаретный портрет человека в очках и с бородой. Несколько секунд я размышляю, каким может быть директор школы, который изображен на этом рисунке. Встречая Кирилла Медведева впервые, ты действительно оказываешься в плотном кольце из собственных стереотипов: на инстинктивном уровне перед директором хочется извиниться даже за то, чего еще не совершал. Пару лет назад мне уже приходилось ощущать нечто подобное, когда в датской школе я спросил у модно одетого хипстера, не видел ли он директора Стеффана. Оказалось, что видел — хотя бы потому, что Стеффаном оказался он сам. «Разрыв шаблона» выглядит примерно так: когда самые интересные и глубокие разговоры случаются с людьми, которые выглядят совсем не так, как ты этого ожидаешь.

В первый момент сбивает с толку, что Кирилл достаточно молод — гораздо моложе многих своих коллег. То немногое, что я о нем знаю, похоже на бриф из папки для журналистов, которую пресс-атташе раздают журналистам перед началом интервью со знаменитостью. В прошлом — завуч одной из сильнейших математических школ России, преподаватель математики, методист программы «Учитель для России». При этом ни педагогом, ни тем более директором Кирилл становиться не собирался.

«Есть уверенные в себе люди, которые приходят в образование, не задавая себе вопрос: «Могу ли я чем-то навредить детям?» — говорит мне Кирилл. — Но вот меня этот вопрос волновал очень сильно. На первых курсах механико-математического факультета мне казалось, что шестиклассники подготовлены лучше меня — ведь я в их возрасте не решал таких же задач. Но во время аспирантуры у студентов было принято вести уроки в школах, и мне это понравилось — хотя свой самый первый урок я помню до сих пор. Поначалу школьники еще вели себя нормально, а потом начали мяукать и мычать, пускать мне в спину бумажные самолетики и отказываться делать задания. И я подумал, что для меня все происходящее будет вызовом. Мне было интересно решить этот вопрос как математическую задачку. Придумать, как с ней разобраться».

Когда на следующий день у школьников нашлись «экзотические причины» не сделать домашнее задание, Кирилл объявил о появлении системы «жесткая жесть». «В семестр или полугодие у меня можно было допустить не больше двух

официальных «забываний» домашней работы. В остальных случаях я сразу ставил «два», — рассказывает Кирилл. — При этом чем хуже была оценка, тем шире открывались возможности. У тебя всегда были легальные способы решить проблему, а не уклониться от нее. Сдав контрольную на «два», ты мог сделать работу над ошибками и получить оценку лучше. Более того, «двойку» *нужно было* переделать. Не сделаешь работу над ошибками — получишь еще одну «двойку». Это была геометрическая прогрессия, как будто включался счетчик. Можно было «подписать контракт» на средний балл, обещая, что получишь определенную отметку. Или кому-то помочь и получить за это бонус. На отметки я смотрел статистически.

Всем родителям объяснял, что нужно обращать внимание не на конкретную двойку, а на то, где она находится на кривой, в динамике.

Потому что даже худшая оценка будет воспринята нормально, если это не инструмент учительского давления и не факт моей психологической разгрузки. «Двойка» — это всего лишь фиксация определенного объема труда».

По этой же причине у Кирилла нельзя было списывать: обнаружив одинаковые работы, он мог, например, порвать у школьника тетрадку. «Вся моя система была настроена на помощь, — говорит Кирилл. — Списывая, ребенок не помогает себе. Он нарушает механику взаимодействия со мной на уровне доверительных отношений. Я не хотел, чтобы от меня пытались укрыться, как от «карательной системы». На моих уроках с учителем можно было проговорить все, что с тобой происходит, но это не отменит обязательного задания».

Став директором, Кирилл Медведев все чаще начал слышать от родителей вопрос: «Вы про счастье или про ЕГЭ?» «Как будто всегда есть либо одно, либо другое — причем подготовка к ЕГЭ заведомо снижает уровень счастья, — говорит Кирилл. — Но в том-то и дело, чтобы работать на стыке. Проще всего построить школу, где в течение десяти лет детей натаскивают на определенный результат. Но нужно ли это ребенку? Лично я считаю, что делать целью обучения сдачу экзаменов — это ошибка».

Десять лет назад преподавателя Кирилла Медведева удивило неосознанное стремление детей нарушать границы. «Парни постарше часто хотели пожать мне руку, — вспоминает Кирилл. — И сразу же возникала мысль: что ты должен сделать в ответ? Никто ведь не учит, как поступать, если девятиклассник хлопает тебя по плечу со словами: «Кирилл Владимирович, проверите работу?» И ты сразу же думаешь: это провокация? Он

поспорил со своими друзьями и в следующий раз уже хлопнет тебя по голове? Или наоборот: он *так сильно* тебе доверяет, что может позволить себе общаться подобным образом? Вдруг он только нащупал контакт, а ты его отстранил».

В нескольких тысячах интервью на школьную тему мои собеседники из раза в раз подтверждали простую мысль: мы всегда запоминаем не знания, а людей.

Вовремя сказанное слово, важный для нас совет, тот самый «нащупанный контакт». Правда, остается скучный и рациональный здравый смысл — и он напоминает, что есть грань, которую лучше всего описала преподавательница МГУ Татьяна Краснова. Тонкую линию между «счастьем и ЕГЭ» она сравнила со сжатием шланга в тот момент, когда ты хочешь полить сад. Если просто держать водопроводный шланг в руке, то вода будет стекать на цветы, которые растут прямо перед тобой. Но стоит немножко сжать ладонь — и появится мощная струя воды, которая доберется даже до растений вдалеке. Почти как в математической задаче, в конце появляется вопрос: в какой момент нужно сжимать шланг? И насколько сильно?

«Я считаю, что в отношениях с детьми нет единой границы, — говорит мне Кирилл. — Есть шкала, по которой ты все время двигаешься: от большей демократии к большей авторитарности. В зависимости от того, что требуется сейчас. Как учитель, ты всегда находишься в неравной позиции по отношению к ученику. Например, нарушение физической границы может происходить только в определенном возрасте и определенных условиях. Например, маленький ребенок сильно расстроен, и педагог придержал его за плечо. Это очень деликатный момент: если малыш бежит к вам с распростертыми объятиями и обнимает за ногу, то отталкивать его нельзя хотя бы потому, что он не поймет такого поступка со стороны взрослого».

«Невозможно добиться дисциплины без попыток разобраться в себе».

Кирилл Медведев

У самих школьников вопрос границ решается куда проще: любой старшеклассник за первые минуты общения безошибочно считывает, как будет себя вести с учителем. Вчерашний выпускник педагогических вузов традиционно пользуется куда меньшим пиететом по сравнению с аксакалом педагогики. Тем, кто своими молчаливыми размышлениями над вопросом «кого вызвать к доске» может довести до исступления целый класс.

Из любопытства я часто спрашивал людей об уважении к преподавателю, и в половине случаев выяснялось, что признание люди путали со страхом. Поэтому в каждом разговоре с учителями я решил спрашивать, из чего складывается уважение к учителю сейчас, когда функция «педагога как передатчика знаний» устарела. «Работая в школе, я сталкивался не только с

проблемой неадекватного отношения учителя к ученику, но и неадекватного отношения преподавателя к себе, — говорит в ответ Кирилл. — В этой профессии твое личное состояние не только быстро отражается на окружающих, оно еще и «зеркалится» тебе детьми. Для меня синдром нездоровой ситуации — когда преподаватель начинает фразу со слов: «Эти дети невыносимы! Что с ними можно сделать?» Потому что это — вынесение диагноза самому себе. Ожидаешь хамства и неуважения? Воспринимаешь любую конфликтную ситуацию как личное оскорбление? Дети проявят ровно то, чего ты от них ждешь.

Большая часть проблем с дисциплиной в классе — сигнал внутренних сложностей учителя.

Не получится добиться дисциплины без попыток разобраться в себе, не проработав собственные нерешенные вопросы».

На пути в учительскую Кирилл вспоминает недавний уход одного из преподавателей «из-за неуважения школьников». «История звучала так: «Я вышла из кабинета, а ребенок взял ручку из лежавшего на моем столе пенала», — рассказывает Кирилл. — «Это был особенный ребенок, ему все пытались помочь, и он просто мог не понять, что перед ним был пенал преподавателя — дети иногда не ценят чужую собственность. Может быть, он искал ручку, чтобы что-то записать». В ответ я спросил: «А что *вы* как учитель с этим сделали? Как проработали ситуацию? С кем поделились?» — «Я ни во что не включалась. Но так я работать не могу». Мне кажется, что это вообще типично для нашей сферы образования: не разбираться в сути проблемы, не рефлексировать на тему своих отношений с другими».

Лучшие из встреченных мной директоров знали о каждом своем ученике хотя бы одну маленькую деталь. Не нужно много усилий, чтобы задать школьнику вопрос наподобие «Как поживает твоя сестра?». Но этот нехитрый прием дает детям ощущение, что каждый из них *значим сам по себе*. Как там звучало? Люди могут забыть, что ты говорил или делал, но они никогда не забудут, как ты заставил их себя чувствовать. Многие выпускники рассказывали мне, насколько сильно они ценили то, что директор даже просто знал их имена.

При появлении Кирилла хохот детей в коридорах школы не сменяется отрепетированным виноватым видом, и с каждым встречным Медведев перекидывается несколькими фразами. «Когда я был методистом в «Учителе для России», мы работали с детьми, травмированными другими педагогами, — Кирилл открывает передо мной дверь в еще один кабинет, который у большинства из нас ассоциируется с наказанием. — Эти школьники начинали урок с фраз «Мы этого не поймем», «Нам уже это объясняли» и «Что вы от нас хотите?». У них не было других средств общения, с помощью которых они могли бы объяснить свою боль, страдания и сложности. Это все падало грузом на учителя. На моих глазах молодые ребята выходили работать учителями в сентябре, а уже в ноябре заболевали — кто гриппом, у кого обострялись хронические заболевания. Потому что дети всегда тебе очень быстро возвращают твое же состояние в самых разных вариантах, да еще и в стократном размере. К этому нужно быть готовым».

За время короткого перерыва между уроками я успеваю поговорить с учителями о том, как победить в себе «внутреннюю Марьиванну», которой им быть не хочется. «Матвей, ты когда-нибудь общался с преподавателем на «ты»?» — спрашивает проходящего мимо старшеклассника учитель математики Юрий Подкопаев. «Общался, и мне это очень не понравилось», —

отвечает школьник. Я чувствую, как мои глаза округляются: разве не о таком преподавателе-друге мечтает большинство детей? Заметив мой невысказанный вопрос, Матвей объясняет: вместе с переходом на «ты» преподаватель дал ему надежду, что теперь отношения будут другими — ровно до следующего отчитывания за ошибки. Одним неформальным общением не добьешься доверия. Для этого понадобятся другие инструменты, многие из которых я увижу уже на следующем уроке.

Изучая расписание, я наткнусь на уроки литературы у старшеклассников, где они должны проходить «Войну и мир» сразу у двух разных преподавателей. В предвкушении того, как можно подать эпопею Толстого в век, когда текст больше одной страницы — уже лонгрид, я отправляюсь на урок к Сергею Волкову. Там я получу ответы сразу на два вопроса: «Почему им не интересна классика?» и «Почему они ничего не читают?».

08:30
Урок литературы «Представьте, что за вас гибнут люди»

Длинными штрихами преподаватель Сергей Волков делит школьную доску на три части. «У нас есть три сюжетные линии и шестьсот героев, — поясняет Волков. — «Война и мир» — это Большой адронный коллайдер. Огромное пространство, где сталкивается множество частиц и людей. И за кем-то автор следит с особенным интересом».

По напряженным лицам и сбивчивым вопросам понятно, что книгу никто из учеников не прочел. На эпопею Толстого дети реагируют вяло: отношения Николая Ростова и Пьера Безухова для них безнадежно далеки. Ровно до определенного момента. «Ростов говорит Пьеру: «Государство — это хорошо. Вы с этим не согласны? Что ж, получите пулю». Как поступить, если помощь другим обязывает тебя выстраивать отношения с государством?» Внезапно Сергей Волков возвращает весь класс к реальности, рассказывая о благотворителе Нюте Федермессер, которая ради помощи пациентам хосписов баллотировалась в Мосгордуму. «Кто-нибудь из вас знает, что такое хоспис?» — спрашивает Волков, рисуя школьникам картину мест, в которых люди проводят последние месяцы своей жизни. Может быть, это искреннее подростковое желание изменить мир, а может, Сергею Волкову удалось разбудить что-то в детях. Но в ответ на вопросы о проявлениях несправедливости и пределах компромисса школьники начинают отзываться.

Чем дальше, тем больше происходящее становится похоже на спектакль. Старшеклассники сидят затаив дыхание. Волков возвращается к Толстому. «Чем роман-эпопея отличается от простого романа? — продолжает он закидывать сидящих в классе вопросами. — Обычно в произведении есть фрагмент реальности, и автор хочет, чтобы мы судили по нему о жизни. Есть начало — пролог, есть конец — эпилог. Выстроенная линия и ведущие к ней обстоятельства. Но это же не работает! Почему?» Класс все еще настороженно молчит. «Потому что у жизни нет начала и конца. Нет главного и второстепенного. Нет движения от одного к другому.

Жизнь — это очень сложное, разветвленное и непонятно к чему ведущее нечто.

Толстой начинает ткать этот ковер на наших глазах: если заканчивается произведение, заканчивается и кусок жизни».

Урок Сергея Волкова

Волков рассказывает школьникам о том, что Кутузов посылает четыре тысячи солдат перекрыть дорогу Наполеону. Сутки эти люди должны будут сдерживать французскую армию, чтобы русские смогли отступить. И Кутузов, отправляя своих солдат на бой, понимает, что подавляющее большинство из них погибнет. Каково это — принять такое решение? «Представьте, что за вас гибнут люди, — обращается к старшеклассникам преподаватель, и в классе повисает тишина. — Четыре тысячи человек. Сколько пространства они занимают? Встаньте и посмотрите из окна на футбольное поле. Посчитайте, поместится ли там четыре тысячи человек?» Ученики подходят к окну и, перебивая друг друга, начинают спорить и производить математические расчеты. В этот самый момент описанная Толстым история становится ближе.

«Не могу понять, хороший сейчас был урок или нет, — говорит мне Сергей Волков, закрывая дверь опустевшего после занятия кабинета. — Я часто задавал себе этот вопрос раньше. И пришел к выводу, что **хороший урок — это когда мне, ученику, хочется вернуться и договорить.** Я сам не понял, что произошло в эти сорок минут, но я бы хотел продолжить. Если урок прошел так — значит, все получилось».

Возможно, одна из причин вернуться — то, что Волков сознательно уделяет внимание незначительным (на первый взгляд) деталям. «Я помню свои личные обиды на учителей. В старших классах у меня была серьезная любовь. А преподаватель нес что-то в духе «вы еще дети и ничего не понимаете», — вспоминает Сергей. — Я был тогда в ужасе: как этот человек может с нами работать, если мои чувства для него — ерунда? Мне очень важно, что ощущает человек, с которым я нахожусь во взаимодействии. И это внимание проявляется задолго до урока. Я

люблю приходить пораньше, чтобы увидеть, с каким настроением они входят в класс. Обязательно замечу: «Отличная прическа» или «Что-то ты невесел». Мне нужно завести со школьниками разговор до того, как у нас начнется урок.

Большая часть моих преподавательских усилий уходит именно на поддержку контакта с учениками.

На внимательное слушание, заинтересованный разговор. Потому что, если происходящее не цепляет их эмоционально, если они никак не включены, я сам перестаю понимать, зачем я все это делаю. Вот сейчас я попросил детей посчитать, влезут ли четыре тысячи человек на футбольное поле, просто для того, чтобы они встали и начали спорить. Когда примеряешь на себя, услышанное перестает быть чем-то абстрактным. И «держать» школьников нужно не дисциплиной, а разговором, который цепляет их внутренние крючки».

«Мне очень важно, что ощущает человек, с которым я нахожусь во взаимодействии».

Сергей Волков

«Я как-то был на открытом уроке в сельской школе, куда приехала группа педагогов из 50 человек, — продолжает Волков, пока мы идем по коридору. — Бедная учительница на глазах полусотни проверяющих вела занятие. А потом комиссия приступила к оценке. Оказалось, что существует целых 25 пунктов, по которым определяется хороший урок. Например, включил проектор — получил определенное количество баллов. И в конце занятия по цифрам все было прекрасно, а по ощущениям урок не получился. Внутри себя я понял почему: это был симулякр, хорошо сделанная пустая оболочка. У преподавателя был шок, когда на уроке ученица не поняла вопроса. «Ты что, с ума сошла?» — сказала она в ответ с яростью. А для меня такие ситуации — как раз начало хорошего урока. Ты не понимаешь, я сам не понимаю — отлично, будем вместе разбираться. Значит, тебя что-то зацепило, нам есть о чем поговорить».

В 1976 году молодой Дастин Хоффман готовился к роли в легендарном «Марафонце», где его герой мучается от бессонницы трое суток. Хоффман подошел к съемкам со всей серьезностью: не спал три дня, не принимал душ и не чистил зубы. Когда на съемках изможденный актер встретился с экранным партнером Лоуренсом Оливье, тот с удивлением и по-отечески спросил: «Мой дорогой мальчик, а вы не пробовали *просто играть*?» Когда-то от одного преподавателя я услышал, что учитель должен быть

актером, включая в нужный момент ради ученика «горящий взгляд». И, наблюдая за Волковым, я думаю: неужели ему *всегда* интересны дети, даже если они говорят что-то откровенно глупое? Или он просто хороший актер? «Я спрашиваю у детей только то, что мне искренне интересно самому, — говорит Сергей. — Задаю вопрос, на который не знаю ответа, и пытаюсь вместе с ними размышлять.

Мне кажется, что урок не должен быть «другой реальностью», где люди сорок минут говорят специальными голосами не о том, о чем они разговаривают обычно. Урок — это продолжение жизни.

Вот почему я люблю беседу, из которой вынимаются важные точки и связываются между собой. Тогда у детей пропадает ощущение, что урок — это понарошку. Общаясь с классом, мне важно показать, что у тебя есть отдельные ниточки своих разговоров с каждым. Это как лунная дорожка: все стоят на берегу, но ощущение, что свет на поверхности воды идет только к тебе».

boop

09:20
«Гуглим, пока не найдем правильный источник»

«Я считаю, что «Война и мир» — это скучнейший роман, который нужно убрать из школьной программы», — начинает следующий урок литературы Анастасия Серазетдинова.

В ответ повисает тишина, и удивление школьников становится почти осязаемым. Одна из учениц выходит из ступора первой: «В смысле? Это не так». Ее фраза оборачивается стартовой точкой для дискуссии «Что хотел сказать автор?». Причем ученики во многом попытаются переубедить учителя в том, что Толстой школьной программе все-таки необходим.

Перед началом урока литературы я испытаю жгучий укол ревности — причем к преподавателю. Собрав вокруг себя компанию старшеклассников, я, с интонациями автора социологического исследования, начну выяснять их честное мнение о школе и уроках. Умение разговорить даже дружелюбно настроенных подростков требует максимальной уязвимости и искренности. Ты всегда либо свой, либо чужой, неизбежно проходя стадию оценивания: можно ли тебе доверять? Чего ты действительно хочешь? Стоило мне доказать, что я «свой» (или самонадеянно решить, что у меня это получилось), как в кабинет зашла Анастасия Серазетдинова, и дети мгновенно переключили внимание на нее. Пройдет немного времени, и я оставлю себе новую заметку на полях. Кое-что важное, к чему буду возвращаться снова и снова: **хороший учитель — это человек, которому доверяешь.**

Бывший журналист, рассказывавший телезрителям о запуске ракет на Чукотке, Серазетдинова — подтверждение идеи, что интерес к детям важнее диплома и десятилетий преподавательского стажа. Когда-то Настю выгнали с последнего курса педагогического университета с формулировкой «с такими взглядами в школе преподавать нельзя». В первом же выпуске у Серазетдиновой были 100-балльники по ЕГЭ и участники региональной олимпиады по литературе, поступившие в Британскую школу дизайна и переехавшие учиться в Милан. «Я пришла в школу, когда мне было 23, и сразу взяла девятый класс, увидев перед собой не детей, а огромных мужиков, — говорит Серазетдинова. — И тогда я научилась показывать, что я опытнее. На замечания школьников: «Вы же молодая», я отвечала: «Да, но смотри — я умею вот это и это. Ты хочешь у меня учиться или будешь со мной соревноваться?» При этом у меня никогда в жизни не было ощущения, что меня не уважают. Скорее дети прощупывали мои границы».

Как и Сергей Волков, Серазетдинова старается замечать детей. «Чем старше ребенок, тем меньше ему говорят о том, что он прекрасен. Поэтому перед уроком в классе я всегда подмечаю: «Слушай, ты так здорово сегодня выглядишь», «У тебя такая красивая юбка» или «Ты такой красавчик», — рассказывает Анастасия. **— При этом за восемь лет преподавания я сделала**

вывод, что по отношению к детям всегда нужно быть открытым, но не нужно раскрываться им так же, как они это делают с тобой». Минуту спустя я понимаю, о чем идет речь. Когда-то старшеклассницы приходили к Серазетдиновой рассказать про самые личные подробности своей жизни. «Девочки понимали, что им безопасно об этом говорить, потому что точно знали: я сохраню все услышанное в секрете, — говорит Настя. — Они доверяли мне вещи, с которыми потом было тяжело уже мне. Ведь не бывает тех, кто держит все в себе, — даже Толстой писал дневники. А дети приходят рассказать, потому что иначе они лопнут. Я спрашивала: «Чего ты сейчас от меня хочешь? Что я должна сделать в ответ?» Как правило, школьники отвечали: «Просто послушать».

«Умение разговорить даже дружелюбно настроенных подростков требует максимальной уязвимости и искренности».

Анастасия Серазетдинова

Несколько раз я проводил на радио эксперимент: приглашал подростков в студию, где в прямом эфире они давали советы родителям о том, как общаться с детьми. Дело даже не только в том, что после каждой программы на детей по-новому смотрели и их родители, и слушатели. После каждого выпуска подростки расцветали как цветок, который давно требовал полива. «Как здорово, когда тебя впервые в жизни слушают», — призналась

одна из школьниц после программы.

«Все педагогические приемы мне показала моя учительница химии, — рассказывает после урока Настя. — Она всегда говорила: «Первое, что ты должен сделать, — удивить детей. Вызвать у них любопытство. Не сможешь этого сделать — будешь мучиться целый урок, все усилия будут впустую». Одна из преподавательниц филологического факультета МГУ рассказывала мне, как заходила в аудиторию с громким возгласом: «А Цветаева — лесбиянка!» В ответ студенты удивленно затихали, и тогда она быстро накидывала все, что хотела сказать, а дальше начинался живой разговор с учениками. Важен эффект неожиданности: как ты зайдешь в кабинет, так урок и проведешь. Поэтому я прихожу к десятому классу со словами: «Птички мои!», и они сразу реагируют: «Кто?!» Или иногда, еще из коридора, я начинаю громко говорить, растягивая слова: «Итак, я проверила работы…»

Нужно разорвать шаблон, совершить то, что преподаватель «не должен делать». После такого начала дети в классе всегда будут «твоими».

Фильмы в жанре «мокьюментари» часто используют такой прием: имитируя репортерскую камеру, мы наблюдаем за происходящим глазами оператора. До тех пор, пока не увлекаемся историей и не замечаем, что дрожащей камеры больше нет: мы давно смотрим традиционно снятый художественный фильм. Еще только зайдя в класс, Серазетдинова рассаживает школьников вокруг себя, создавая скорее атмосферу задушевного разговора у костра, а не классического кабинета. В какой-то момент Настя отходит и наблюдает, как дети обсуждают между собой произведение сами. Я пытаюсь выцепить фразы — ведь не может быть, чтобы *абсолютно все* были включены в процесс, когда у тебя есть легальная возможность поговорить под общий шум обо всем, что угодно.

Все-таки может.

Школьники действительно с жаром спорят о том, что только что прочли. Правда, в какой-то момент я слышу от Насти: «Не говори ничего от себя, иди по тексту», и это выводит меня из состояния задумчивости. Как это увязывается с идеей критического осмысления произведения? «Очень тяжело увязывается, — соглашается после урока Серазетдинова. — Потому что есть тонкая грань: размышлять, но не вычитывать того, чего в книге нет. Одна из моих учениц часто начинает с фраз в духе: «А если бы Раскольников не убил старуху, то…» И мне сразу приходится ее прерывать: «Он точно убил, это факт». **Мне очень нравится метафора, что литература — это танго.**

Один — ведущий, другой — ведомый. И когда оба партнера танцуют, они должны сопротивляться друг другу. Даже если ты ведомый, ты должен хотя бы чуть-чуть сопротивляться ведущему — иначе с тобой будет неинтересно танцевать. Я все время напоминаю детям: ведущий — это текст. Но вы должны ему сопротивляться».

Совсем недавно таких бурных обсуждений не было. Еще в начале года в ответ на призыв порассуждать дети просто молчали. Один из учеников в классе так не хотел делиться с Настей своим мнением о русской литературе, что его нельзя было загнать в класс. «То, что они сейчас рассуждают без меня, — это большая победа, — говорит Настя. — Поначалу они всего боялись. Как я их раскрыла? Ждала и не мешала им говорить. Задавала наводящие вопросы вроде «Как считаете, где происходит действие?» и затем просто слушала. Я всегда повторяю детям: говорите все, что приходит на ум, — сначала выйдет шлак, а там разберемся. Теперь они говорят сразу все, а потом мы вместе начинаем отметать: это не то, а вот это уже близко».

Практически ни на один вопрос школьников Серазетдинова не отвечает сама. Если кто-то в классе спрашивает, нужна ли в тексте запятая, Настя будничным голосом произносит: «Гуглим». Весь класс начинает копаться в телефонах, как будто соревнуясь в скорости поиска информации.

«Все говорят, что телефоны в школах необходимо запретить, а я считаю, что они нужны — просто важно научить ими пользоваться, — объясняет мне Серазетдинова. — Дети ведь не умеют гуглить. Первое время на предложение найти информацию я слышала от учеников: «Тут ничего не понятно» или «На этом сайте написано так, а на этом по-другому». Тогда я отвечала: «Супер. Гуглим до тех пор, пока не найдем правильный источник».

Разговор с Анастасией Серазетдиновой

Напоследок я подмечаю еще один инструмент удержания внимания: юмор. «Я забыла сегодня книгу, но я сильная и независимая женщина, так что обойдусь без текста», — говорит Настя своим ученикам под их одобрительный хохот. «Юмор мне кажется самым важным инструментом учителя, — подтверждает после урока Серазетдинова. — По-моему, с детьми без него нельзя. У меня на юморе строится очень многое: пока я не пошучу, не подколю, урок не получится. Меня однажды попросили прочитать лекцию про искусство перед аудиторией, состоявшей из 150 математиков. И я придумала тему: «Как обокрасть музей». Каким образом своровать картину, что с ней потом делать, кто в истории уже совершал такое преступление. Первым, что я сказала собравшимся, было: «Вы думаете, что я буду вам про искусство рассказывать? Мы сейчас с вами будем планировать ограбление музея». И один мальчик на первом ряду тут же отреагировал: «А вот это уже интересно».

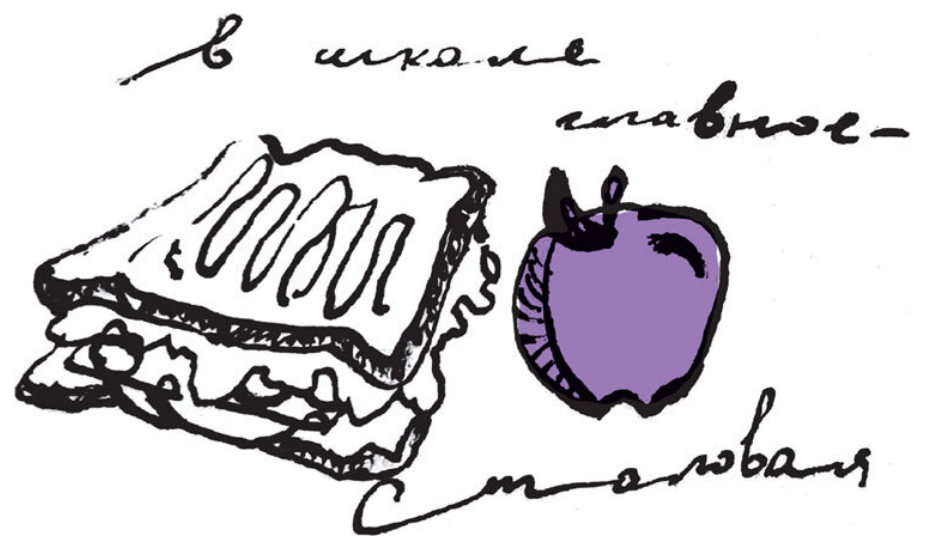
Класс наполняется новыми старшеклассниками, заходящими в кабинет с таким видом, словно они ошиблись дверью. «Ну что? Идите сюда, мои маленькие друзья», — призывает Настя, и за секунду до закрытия двери я слышу в ответ смех.

Да. Это действительно работает.

10:00
Столовая

За столом сидят десять старшеклассников и преподаватель математики Юрий Подкопаев. Клетчатая рубашка с закатанными рукавами, брюки, трехдневная небритость: Подкопаев выглядит как друг родителей, которому ты скорее расскажешь о своих проблемах, чем собственным маме и папе. Ведь даже если он назовет тебя бестолочью, ты получишь от него совет, а не осуждение. Некоторое время я наблюдаю за учителем и учениками, пытаясь что-то прочесть по языку жестов. **Можно долго рассуждать про границы дружбы и преподавания, но когда старшеклассники общаются с преподавателем не вынужденно, а искренне — это признак здоровой атмосферы в школе.**

До начала следующего урока остается несколько минут, и у меня внезапно появляется желание отомстить за все муки, которым подвергали меня учителя математики. Мне хотелось сделать это еще в день получения аттестата: объяснить преподавателям математики, что их предмет далеко не всем пригодится в жизни. «Я с этим согласен, — внезапно ставит меня в тупик Подкопаев. — И родителям я говорю то же самое: без алгебры с геометрией можно стать умным, хорошим и образованным человеком. **Просто для меня математика — это один из способов развития определенных навыков мышления.** В жизни всегда будут ситуации, когда нужно будет классифицировать объекты. В любом новом городе у нас есть стабильные и переменные: Центральный вокзал, аптека, знак «Аварийный выход» с зеленой фигурой бегущего человека. И математика очень четко учит их различать».



Через десять минут Подкопаев на моих глазах превращается в философа Декарта, который сначала убеждал оппонентов согласиться с ним, а потом сам же объяснял им, почему был не прав. «Математика все упорядочивает, поэтому она полезна тем, кто не выносит хаоса, — говорит Подкопаев. — Алгебра и геометрия позволяют человеческому мозгу сыграть в игру. По сути, ты строишь мир по определенным законам, а потом в этом же мире начинаешь действовать. Например, учитель показывает, как одно и то же число можно представить в различных системах счисления. И вдруг в классе находятся два человека, которые начинают с удовольствием переводить в различные системы номера кабинетов или автобусов, в которых они ездят до школы. Задача учителя — сделать так, чтобы ученики получили удовольствие от этой неочевидной игры. Например, я сохраняю любознательность ребенка, когда рассказываю ему, что в шестнадцатеричной системе счисления появляются буквы, а 1FC — это тоже число. Или на геометрии мы строим четырехугольную пирамиду, тетраэдр, и вдруг начинаем сечь ее плоскость, получая различные фигуры. Для всех это может быть ерундой, но для двух человек в классе я словно показал шедевр Рафаэля».

Разговор с Юрием Подкопаевым

«Вот чем уникальна теорема Пифагора? — задает мне вопрос Подкопаев, прежде чем сам же на него отвечает: — У нее больше ста видов доказательств.

И ты на одном примере можешь показать ребенку, сколько в мире существует разных возможностей.

Сейчас пятиклассники в восторге от идеи координатной плоскости. Ставишь точки по координатам, последовательно их соединяешь — и получается зайчик. Как?! Безжизненные цифры, которые мы привыкли использовать для умножения или сложения, вдруг превращаются на экране компьютера в зверька. Или мы можем перенести задачу на скорость, время и расстояние в интернет. Я читаю им условия: сколько секунд будет скачиваться приложение в зависимости от скорости интернет-соединения и размера файла? В такие моменты детям становится очевидна связь предмета с их собственной жизнью».

Для меня в этом ответ на вопрос, как строится хороший урок. В разговорах с преподавателями часто можно услышать фразу: «Неужели мы должны все время развлекать школьников, придумывая, как их заинтересовать?» Но понятие «интерес» — куда шире. Когда ты объясняешь ребенку, как он сможет использовать полученные им знания, или когда он понимает, зачем должен выучить ненавистную ему математику (например, для поступления на выбранную им специальность), именно в этот момент у него появляется желание что-то изучить. Когда легендарного основателя «Класс-центра» Сергея Казарновского учителя спрашивают: «Я что, должен быть все время интересен своим ученикам?», он дает им книгу Станиславского «Моя жизнь в искусстве». Со словами: «А как же? **Быть интересным — это форма уважения к другому человеку**».

На примере математики Юрий Подкопаев объясняет детям, что такое отрицание. В качестве противопоставления фразе «Все кошки черные» школьники отвечают: «Все кошки — не черные». В ответ Подкопаев приводит пятиклассников в восторг объяснением, что для отрицания будет достаточно одного контрприема: «Но есть одна рыжая». «Мы все пользуемся логикой, но детей поражает, когда ты показываешь ее в виде законов, которыми можно осмысленно пользоваться, — объясняет Юрий. — Мне кажется, в этом суть математики — подкреплять

твои догадки и ощущения. У меня есть для школьников такой пример: текстовое описание, как проехать от одной станции метро до другой с тремя пересадками. Абзац текста: выйти, перейти на другую платформу, зайти в последний вагон из центра… А затем я показываю им схему метро. Дети на нее смотрят и мгновенно понимают: важно, в какой последовательности соединяются объекты, но не важно, на каком расстоянии они находятся друг от друга — ведь в тоннеле метро ты не выйдешь. Задача математики — научить выделять такие существенные и несущественные факторы».

Лучше всего важность существенных и несущественных факторов показал один подающий надежды отличник, пытавшийся на глазах у Подкопаева решить математическую задачу. «У него все никак не получалось, хотя задание было простым, — вспоминает Подкопаев. — И вдруг стало понятно, что парень не знает, как употребить число 1974. В задаче было написано: «В 1974 году…», и ученик использовал все числа, кроме этого. Он не смог выделить важную информацию и искренне не понимал, зачем авторы задачи включили это число в условие. Представляете, как сильно кипел его мозг? Для того чтобы такого не случалось, я в свои задачи намеренно добавляю «ненужные» условия. «Оранжевый трамвай следует по маршруту 11, со станции «Первомайская» в сторону «Партизанской». Трамвай движется со скоростью 30 км/ч. В этот момент по пешеходному переходу идет мужчина в черных очках и жилетке. В его мобильном телефоне Nokia играет мелодия…» И даже для пятиклассника бывает трудно вычеркнуть лишние условия».

«Суть математики — подкреплять твои догадки и ощущения». Юрий Подкопаев

Пару лет назад Подкопаев проводил тестирование в одной из московских школ и намеренно дал детям уравнение, в котором ответ мог быть любым: истина при любом значении переменных. Восьмиклассники, как один, зашли в тупик — это выходило за привычные им алгоритмы решения задач. Ученики, а еще больше учителя, обвинили Юрия в том, что он дал задание, которого «нет в бланках ЕГЭ». «Я спросил: «Стойте, вы ради ЕГЭ детей учите? Вы хотите научить их только действовать по алгоритму? Потому что моя задача как учителя точно выходит за рамки стандартных тестов». Последняя фраза убеждает меня сходить на урок математики, любой из которых я хотел забыть с момента школьного выпускного.

По пути в кабинет мы проходим мимо детских цитат, развешанных на дверях в классы.

«Ошибайся снова, ошибайся лучше», — написано на входе в кабинет.

«Я считаю, что в школах такое большое количество предметов, потому что каждый преподаватель хочет с помощью своего урока развить у ребенка определенные навыки, — говорит мне Подкопаев. — Я как математик добиваюсь этого своими методами. Уверен, что историк может точно так же с помощью графиков научить работать со шкалой и координатной осью. То, чему учу я, можно узнать и на физике: задача про массовые доли — это ведь не что иное, как система уравнений. При этом на математике ученик ноет и ничего не понимает, а через кабинет на уроке физики уже понимает все. Как?

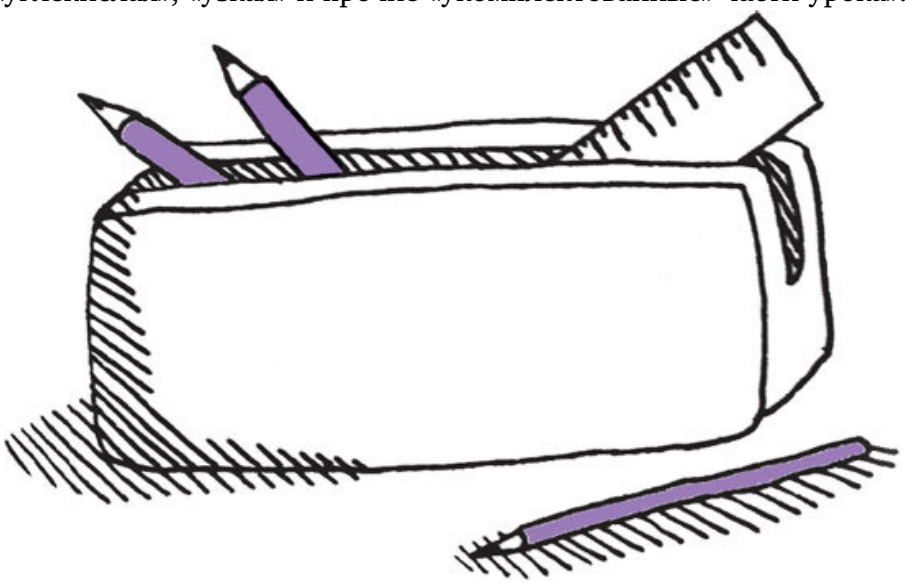
Наша преподавательская задача — перебрать максимальное количество ключей.

И когда учителя говорят: «Он необучаем», это означает, что мы не нашли ключик к этому ребенку. Может быть, попробовали пять вариантов, а шестой — нет. И замок не щелкнул».

10:10
Математика «Усатая часть урока»

За минуту до начала занятия Юрий Подкопаев включает проектор, и на интерактивной доске появляется надпись: «Уважаемая часть урока». После пары смешков в классе возникает тишина. Перед учениками и мной — математическая задача. Но никто из класса не хватается за ручки.

Первое, что меня интересует: почему «уважаемая»? И второе — почему никто не приступает к решению, а учителя это явно устраивает? «Начало каждого урока у нас предсказуемо и разнообразно одновременно, — объясняет мне позже Подкопаев. — Мы всегда стартуем с «демонстрационных» заданий на экране, которые нужно решить в уме. Такой ритуал учит сразу трем вещам: считать устно, внимательно слушать другого человека и сконцентрированно смотреть на экран. А заодно тренирует память и скорость решения математических задач». Хорошо, но почему «уважаемая»? «Эта игра появилась случайно: один из школьников по ошибке прочитал не «устная», а «усатая», — говорит Юрий. — С тех пор каждый раз я использую новое слово, которое становится сюрпризом для детей: «углекислая», «узкая» и прочие «укомплектованные» части урока».



Таким способом Подкопаев объясняет школьникам простую мысль: **математические задачи гораздо легче решить, если их для начала внимательно рассмотреть.** Потому что в любой из них всегда можно что-то вынести за скобки, что-то представить в

уме, а от какой-то части задания вообще избавиться. «Самый простой вариант «увлеченной» части урока — я зачитываю по очереди три задания, каждое из которых можно решить устно, — рассказывает Подкопаев. — Во время чтения соблюдается абсолютная тишина, формулировка каждой задачи звучит ровно два раза, и никаких ответов после этого школьники не получают. Для решения в уме каждого из трех заданий дается по сорок секунд. После этого мы обсуждаем абсолютно все ответы, отмечаем удачные решения, пробуем оценить логику и красоту идей, приводящих к решению».

Красоту идей? Мы точно говорим о математике?

Другой вариант «управляющей» части урока как раз начинается с проектора: перед школьниками на экране по очереди появляются три задания. Каждый слайд замирает ровно на минуту, и прикасаться к пишущим принадлежностям нельзя. Потом ровно на десять секунд возникает заставка, и за это время школьникам нужно успеть записать ответ. «После третьей задачи мы пробуем вспомнить, какими именно были задания, сравниваем решения и получившиеся ответы, — говорит Подкопаев. — Если приходим к нескольким результатам, обсуждаем каждый. Для этой «установочной» части урока у нас есть специальная «полутетрадка»: разрезанная пополам тетрадь в клетку. В нее можно записывать решения как в черновик — в свободном виде. А еще можно отдавать эту «полутетрадь» на проверку соседу».

Подкопаев выходит с листком к доске и, с интонацией конферансье, дважды читает задание: «Если из половины числа вычесть его треть, мы получим две пятых. Каково это число?» В тот же момент на слайде появляется координатная линия с десятью точками и дробями. И надпись: «Запомните координаты точек A, C, M и H». «Для многих детей запомнить такие вещи за минуту, а потом схватить ручку и быстро записать — просто невыполнимое задание», — говорит мне Подкопаев.

Во время урока я замечаю еще одну странную вещь: **пока ученик выходит к доске, преподаватель садится на его место и начинает что-то рисовать в тетрадке школьника.** «Ученик решает задачу у доски, а я оформляю решение у него в тетради, — объясняет Юрий. — С одной стороны, школьникам радостно, что преподаватель все рисует сам: я действительно пишу красивым почерком, играю шрифтами, оформляю схему решения. Если в задаче два мотоциклиста едут навстречу друг другу, то я рисую две фигуры в шлемах. Человек возвращается за свой стол, и у него в тетради есть и схема, и решение: не надо быстро переписывать с доски. С другой стороны, родители

поняли, что если у ребенка в тетради запись сделана учителем, значит, школьник был на уроке активным. И они начинают у детей спрашивать: «Почему ты сегодня не выходил к доске? У тебя в тетрадке нет ничего написанного учителем!»

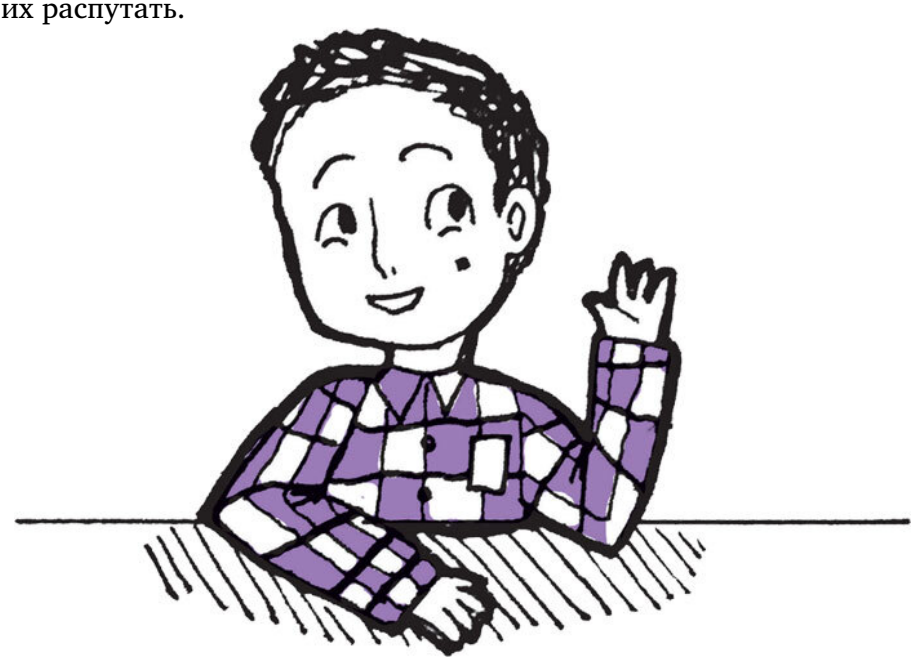
Математические задачи гораздо легче решить, если их для начала внимательно рассмотреть.

Правда, опытным путем Подкопаев понял, что такая схема лучше работает в пятом классе — десятиклассники уже слишком взрослые для рисунков в тетрадке. Поэтому они просто фотографируют доску, а потом, в своем темпе, переносят все с изображения в тетрадь. «Им важно «пройти руками» и зафиксировать *свой* способ решения, — говорит Подкопаев. — А если все запишу я, то это будет *мой* способ».

10:50
Библиотека «Со мной можно о многом»

Глядя на развешанные листки на стене, я одновременно испытываю внутри себя желание разбить первую попавшуюся под руку вещь и стиснуть зубы. Это ведь только похоже на фрагменты текста. Присмотришься внимательнее и обнаружишь, что безжизненные стены школьной библиотеки кричат от выплеснутой боли и одиночества.

Выставку «Со мной можно о многом» придумала десятиклассница Соня. Хотя какая выставка — скорее это похоже на исповедь. Из экспонатов тут анонимные продолжения фраз «Другие совсем не замечают, что…» и «Мне бы хотелось, чтобы люди почаще…». То, что одноклассники Сони хотели бы сказать взрослым в форме письма, как будто обращенному самому себе. Десятки узелков, и между строк — едва слышная просьба помочь их распутать.



Портрет школьника, и чуть пониже: «Другие совсем не замечают, что я нуждаюсь в поддержке. Но это и по моей вине тоже: я всю жизнь прячусь в ракушку и не показываю те эмоции, которые не предназначены для всех. Иногда мне бывает плохо, но я этого не показываю, хотя, наверное, стоило бы. Но без поддержки сложно эту ракушку выбросить». И следом еще: «Другие совсем не замечают, что я подавлена и расстроена, что у

меня проблемы, что я не вижу своего будущего и целыми днями иногда лежу в кровати, потому что нет жизненных сил, даже чтобы встать с нее».

Портрет школьника. «В каких-то ситуациях достаточно формального «Все хорошо?», просто чтобы почувствовать, что ты не один». Портрет. «Люди зачастую боятся людей, которые чем-то отличаются от них». Портрет. «Даже самое простое ваше участие, даже напряженный взгляд в мою сторону поможет мне понять, что я не один на один с этой проблемой. И это осознание очень помогает».

Работая в самых разных изданиях, я не понимал, почему так происходит. Почему при обсуждении всего, что связано с детьми — от принятия нового закона до перестрелки в школе, — мы идем за комментариями к кому угодно. Позволяем высказаться директорам и учителям, психологам и юристам. Но никогда — самим детям.

Портрет. «От учителей мне будет достаточно вопроса, все ли со мной хорошо. Потому что я вижу, что они замечают, что мне плохо, и не трогают меня в эти моменты, и я им безумно благодарна за это».

Неужели мы действительно так мало их слушаем, что они доверяют самые сокровенные слова не нам, а бумаге?

«Бывает такое, что я рассказываю друзьям о своих проблемах, но они как-то не очень соотносят себя с ними и, соответственно, не могут помочь».

«Со мной можно о многом». Послушать голоса можно тут

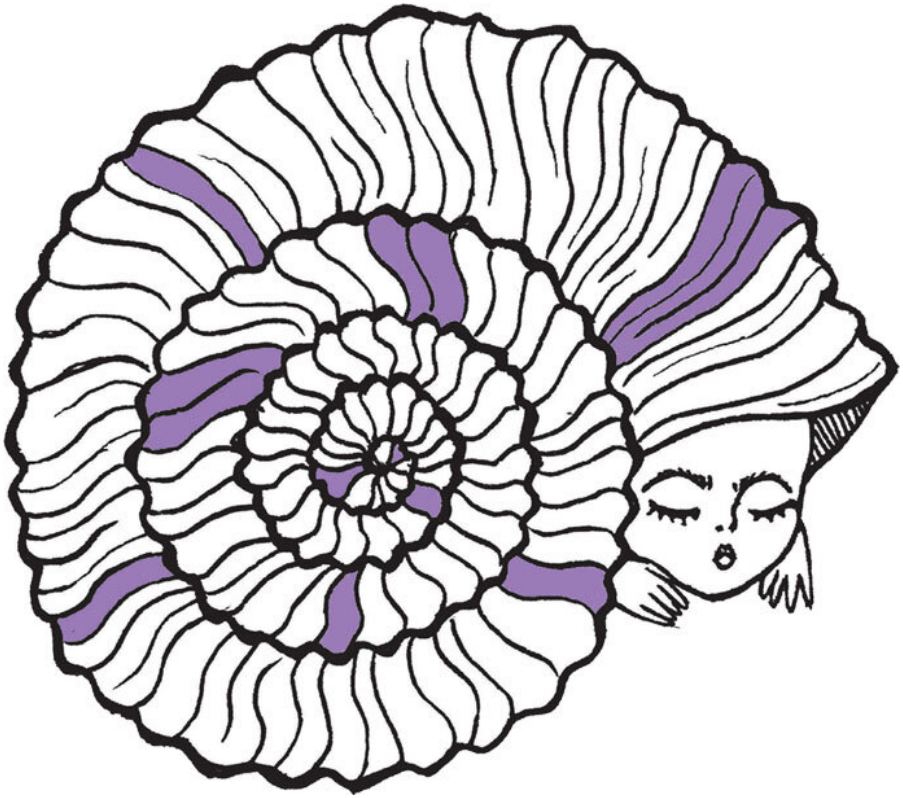
Когда при тебе кто-то остается таким обнаженным, таким уязвимым, тебе самому становится немного не по себе. Внутрь привычной брони из взрослой самоуверенности заползает давно забытый, липкий страх, что ты на самом деле совсем не вписываешься в окружающий мир. Страх, что тебе, как Холдену

Колфилду, нужно будет громко хлопать дверью, чтобы мир тебя заметил. На разных этапах своей жизни почти каждый из нас клялся, что не будет таким, как наши родители. Никогда не скажет своим детям: «Какие у тебя проблемы?», никогда не отвернется от их боли, не придавая ей значения. И вдруг, став родителем, многие из нас внезапно вздрагивают от того, что произнесли до боли знакомую фразу.

В какой же момент мы перестаем помнить то, через что проходили сами?

Несколько лет назад работающий с подростками психолог рассказал мне о том, почему родители отмахиваются в ответ на попытки детей рассказать о суицидальных мыслях. «Для взрослых это настолько тяжелая информация, что они предпочитают от нее закрыться», — сказал мой собеседник. Чуть позже в Швеции я услышал от одного преподавателя самый необычный ответ на вопрос «Для чего нам сейчас нужна школа?». Он звучал так: «Это место, которое должно повысить твою самооценку». Потому что — допустите эту мысль хотя бы на мгновение — навык здорового отношения к себе важнее, чем умение писать и считать. На твердом фундаменте у тебя не возникнет страхов, что кто-то другой лучше, а ожидания родителей, учителей и одноклассников не придавят тебя так, что ты каждый день будешь ощущать свою незначительность.

Маленькие дети получают нашу любовь и внимание, умиление и помощь. У них всегда самые красивые рисунки, самый красивый голос, у них куча возможностей попробовать новое. Но вот дети переходят в среднюю школу, и их прежняя жизнь заканчивается. На горизонте появляются ОГЭ и ЕГЭ, ответственность за свои действия и необходимость в обязательном порядке «определиться с будущим» (желательно — один раз и на всю жизнь). Они остаются один на один с недоумением: что же вдруг произошло? К ним внезапно предъявляют взрослые требования, вот только как взрослым вести себя не дают. За те два года, что я делаю интервью с подростками в разных версиях, я слышу от них фразу: «Кажется, что меня не существует».



К моменту, когда все написанное превращается в многослойный хор, я начинаю понимать истинный смысл внимания, о котором говорили Сергей Волков или Анастасия Серазетдинова. Даже простое участие, даже простое «Как ты?» помогает почувствовать, что ты… просто есть. И кто знает, возможно, человеку, который сидит рядом с вами в эту секунду, на самом деле не нужно больше ничего. Несколько лет назад один житель Нью-Йорка решил провести эксперимент — обращаясь к прохожим на улице, он искренне спрашивал: «Как ты?» Каждый пятый начинал плакать.

Во время одного из радиоэфиров, который я вел, мне дозвонился папа и вкрадчивым голосом попросил совета. «Ребенок хочет поступать в один вуз, но я-то знаю, что ему лучше в другой, — сказал он. — **Посоветуйте, как… по-доброму надломить волю ребенка?**» Может быть, **школа изменится в тот момент, когда она станет пространством, в котором мы позволим детям хотя бы иногда высказывать то, что они чувствуют и что сами от нее хотят.** Пространством, которое даст ученикам возможность разделить с другими свою боль и чувства, которые пугают их самих.

МЕНЯ
УЧАТ
ВСЕМУ

11:00
Учительская Почему важно не любить детей

На сцене играла музыкальная группа, актеры произносили свои монологи, но ровно через пятнадцать минут стало понятно: сцена и зал — две непересекающиеся реальности. Зрители погружались не в происходящее на сцене, а в свои телефоны, перешептывались и напряженно разглядывали носки ботинок. Даже громкий звук и внезапные выкрики актеров не могли привлечь внимание зала. Так прошел первый в моей жизни спектакль, с которого я ушел.

Плохой урок — как плохой спектакль. Когда преподаватель и сидящие перед ним ученики живут в параллельных реальностях, не спасут методички или манипулирование голосом. «Я не понимаю советов опытных коллег занять «специальную позу» во время урока, — говорит мне учительница русского языка в начальных классах Евгения Шпакова. — Когда ты искренне хочешь услышать ребенка, ты естественен. Я не могу вести занятие и отслеживать то, как я стою. Если бы я хотела быть актрисой, то пошла бы в театральное».

В последний раз, **когда Шпакова почувствовала, что дети не воспринимают урока после перемены, она предложила каждому передвинуться вместе с партой туда, где ему хочется быть.** «Я подумала: что мы делаем, когда переезжаем в новую квартиру? Меняем обстановку «под себя». Так мы начали делать и здесь. Я на своем кресле подъехала к окну и села ко всему классу спиной. Дети расселись в разных точках кабинета. И это стало переломным моментом: они раскрепостились и быстрее вошли в учебный процесс. Теперь я все время их переставляю и пересаживаю. Классный кабинет — это общее пространство без «моего» места».

Когда слышишь о том, что человек не собирался быть преподавателем, — можешь быть уверен, что история о приходе в профессию будет любопытной. «При рождении у моего младшего брата была родовая травма: обвитие шеи пуповиной. Сейчас он вырос и стал успешным мужчиной, а в детстве поздно начал говорить и быстро уставал, — рассказывает Шпакова. — У него не получалось учить стихи, и я ему помогала. Представьте: мне — четырнадцать, брату — семь. Он пытается вспомнить строчку из басни Крылова «Свинья под дубом». Я показываю ему картинку, на которой изображено животное под деревом. Он вспоминает

первую строку. Я показываю ему изображение желудей. «Наелась желудей досыта, до отвала», — говорил он. И так до конца стихотворения».

Теперь, чтобы сделать скучный диктант интереснее, Шпакова может неожиданно для детей прочитать его с французским акцентом — так, что весь класс будет хохотать и ждать каждую следующую строчку. Или перед началом урока дети выстроятся группой, декламируя по одному стиху, а меня — как зрителя — попросят угадать настроение, которое они должны изобразить. Очень расстраиваясь, что я не сразу его угадал.

Урок Евгении Шпаковой начинается

«Желтые карточки», как и большинство преподавательских находок Евгении, были придуманы вместе с детьми. «Мы с учениками однажды проанализировали, почему у них бывает плаксивое состояние, — рассказывает мне Шпакова. — Вот тебе нужно сделать работу, а у тебя ничего не получается. И тогда мы вместе разработали упражнение «Желтые карточки».

Ты пришел на урок, а накануне поссорился с родителями или просто устал и не можешь сосредоточиться. Тогда ты можешь подойти к учительскому столу, взять из стопки карточку и сделать то, что на ней написано.

Если злишься — нужно обежать вокруг уличного столба три раза или что-нибудь выкрикнуть. Если ты не можешь собраться на уроке физкультуры — можно просто пойти полежать на мате. И никто не задаст тебе ни единого вопроса».

В прошлой школе Евгении Шпаковой предстояло отругать ударившего одноклассницу мальчика. Позвав его «на разговор», она увидела, что ученик приближается, инстинктивно сжимаясь в ожидании наказания. «Первой фразой я сказала ему: «Знаешь, я тебе понимаю. Она тебя достала, да?» — рассказывает Шпакова. — От неожиданности школьник сразу размяк и кивнул головой. А я его действительно понимала, есть же девочки-задиры. После этого я продолжила: «Но ты же понимаешь, что так поступать — это все равно ни в какие ворота? Бывают люди, которые нас раздражают. Давай подумаем, что в таких случаях можно сделать?» И мы стали вместе накидывать самые разные варианты: убежать, умыться холодной водой, побить боксерскую грушу. «Ну сожми кулаки и побегай. А потом подтянись два

раза», — сказала я ему, и он так и сделал. Это были все те же самые воспитательные моменты, но все прошло иначе, чем если бы я начала с фразы: «Как ты мог девочку обидеть?»

В следующую секунду Шпакова произнесет то, что заставит меня поперхнуться: «Вообще я не люблю детей». И как часто бывает с обрывками важного разговора, для составления пазла нужны все детали. «Мы вкладываем разные понятия в слово «любовь», — объясняет Шпакова. — Для меня это очень сильное чувство, которое я испытываю по отношению к своим детям. А моих учеников должны любить их родители. К тому же любовь в случае с детьми иногда мешает видеть реальность и абстрагироваться. Наоборот: я считаю, что если я как учитель их *не* люблю, а просто хорошо отношусь и могу посмотреть со стороны — это плюс».

«Для меня хороший учитель — это человек с огромной корзинкой, в которой лежит куча пирожков: хочешь — с мясом, а хочешь — с вареньем, — объясняет Женя. — **В нужный момент ты точно так же можешь вытащить из своей корзинки любую методику.**

А еще хороший учитель — человек чуткий, который всегда может отказаться от своих амбиций в пользу детей. Иногда приходишь с продуманным планом урока, а дети совсем другое хотят. И в такой момент важно не действовать в духе «я придумал классный урок и все равно его проведу». Иногда нужно быть гибким: если чувствуешь, что не идет, — отбрось. Это пойдет на пользу всем. Сегодня один из учеников, зевая, признался мне: «Хочу порисовать». Я предложила ему заняться рисунком, но он сделал выбор остаться на уроке. И я его за это поблагодарила. Мне кажется, если есть понимание состояния ребенка, то диалог с его стороны возможен. Мне, как взрослому человеку, что, не бывает скучно? Я не злюсь? Не хочу сказать кому-то грубое слово? Хочу. И порисовать вместо скучного занятия хочу. Какое я право имею осуждать других?»

Со своим третьим классом Женя Шпакова тоже когда-то отказалась от амбиций: забросив учебник по литературе, она начала читать детям «Робинзона Крузо». Так Шпакова открыла

для себя метапредметность, соединяя несколько уроков в одном, на манер финской модели «обучения через явления». «Заданием школьников было находить непонятные слова и записывать их, а потом для урока русского составлять из них кроссворды, — рассказывает Шпакова. — Попутно мы проводили урок «Окружающий мир»: смотрели, откуда Крузо выплыл и где находится остров, куда он направляется. На уроке труда мы соорудили пещеру Робинзона Крузо. Другая группа школьников решила на основе книги придумывать задачи по математике. Например, Крузо плыл с такой-то скоростью и делал загоны для коз с таким-то периметром — они как раз в это время проходили задачи на движение. Команды проверяли точность задач друг друга. Итогом эксперимента стала книга для тех, кто читает о приключениях Робинзона Крузо».

Если спросить у Жени Шпаковой, каким стало самое запоминающееся изменение плана, она скажет: тот день, когда целый класс придумал себе генеалогическое древо. «В одной из школ мои ученики не приносили домашнего задания. Дети упорно повторяли: «Мы забыли его дома». И я чувствовала сопротивление — ведь когда они хотят, они его приносят, — рассказывает Женя. — Тогда я решила придумать генеалогическое древо, создав из целого класса одну большую виртуальную семью. Кто-то захотел стать пиратом, кто-то — капитаном корабля. Каждый выбрал роль: стать бабушкой, дедушкой, с фамилиями и отчествами. Один ученик вообще решил стать попугаем, а не человеком. Представляете, какое это было взаимодействие друг с другом? У главного героя по задумке была фамилия Сиротин: он потерялся во время войны, и такую фамилию ему выдали в детском саду. В итоге мы не только сделали на уроке ИЗО портрет своей «семьи», но и устроили квест: нужно было догадаться, кому из членов семьи принадлежит тот или иной предмет. Но я чувствовала, что по какой-то причине задуманное у нас не получалось. А потом догадалась: почти все дети были из неполных семей — у кого-то родители находились в процессе развода, кому-то вообще хотелось от родных отгородиться. И для меня это был переломный момент. Я по-настоящему поняла: **что бы я ни придумала, нужно чувствовать детей и в любой момент иметь в себе силы от этого отказаться**».

11:10
Школьный класс «Право на ошибку»

«Страшный», — произносит Евгения Шпакова, и десять первоклашек начинают синхронно топать ногами. «Ужасный!» — нагнетает преподаватель в ответ. Топот усиливается. «Отвратительный», — почти шепчет педагог. Шум в кабинете достигает своего пика. «Улыбаться», — меняет тон учительница, и секунду спустя весь класс начинает крутить руками, как будто наматывая невидимый клубок ниток. «Улыбка», — обращается к ним Шпакова, и шестнадцать человек начинают размахивать руками.

Эту игру придумали сами дети. Крутить руками нужно, если сказанное учителем слово — это глагол. Топать ногами — если прилагательное. Махать руками, как будто ты в фан-зоне на рок-концерте, — если прозвучало существительное. Мнения, впрочем, расходятся: на «улыбке» кто-то начинает топать, а на «страшном» — размахивать руками.

«Спасибо тем, кто запутался, — говорит Евгения. — Без вас мы бы не выяснили, как будет правильно».

Есть одна вещь, которая звучала от преподавателей, на чьих уроках было интересно мне самому: **нездоровое отношение к собственной ошибке в детстве рождает целый клубок проблем во взрослой жизни.** «Раньше я предлагала детям пользоваться карандашом, чтобы всегда можно было стереть написанное, — говорит мне после урока Шпакова. — Но они так привыкли исправлять все в любой момент, что некоторым потом было психологически тяжело писать ручкой. Теперь я сразу подмечаю таких детей и в случае ошибки говорю им: «Все нормально, просто зачеркни, и пойдем дальше». Рано или поздно дети столкнутся с ситуацией, когда им нужно написать тест ручкой и написанное исправить не получится».

Великий грузинский педагог Шалва Амонашвили когда-то совершил маленькую революцию, отменив в школе использование красной ручки — после того, как одна из его учениц расплакалась из-за полученных замечаний. С тех пор Шалва сформулировал свой педагогический принцип: не тыкай детей в ошибки — им нужно восхождение, а не спотыкание. «Это хорошая мысль, но мне кажется, что совсем исключая красную ручку, мы «стелем соломку» и забываем, что живем в реальном мире, — говорит мне Шпакова. — Потому что **важно не как мы пишем, а что пишем**. Я знала учителя, который зеленой ручкой писал слово «грязно».

Какая разница, каким цветом ты пишешь это слово? Со своими учениками я действую иначе: могу иногда написать им: «Ой, жаль, буква потерялась». И тут же подчеркну элемент, который мне нравится. А если понимаю, что человек не может без ошибок то пишу: «Почти точно. Еще чуть-чуть, и все бы получилось».

Шпакова говорит, что учитель не всегда должен создавать для детей ситуацию успеха — иногда в буквальном смысле. «Однажды на уроке физкультуры я видела папу, который выпендривался с баскетбольным мячом и не хотел отдавать его детям, — говорит она. — Все родители и учителя потом накинулись на него с обвинениями, а мне интуитивно хотелось этого папу защитить. Потому что **дети должны столкнуться в жизни с ситуацией, когда им чего-то не дадут**. И нужно самому в таком случае понять, в чем твоя сила. Объединиться и отобрать мяч? Или уступить и взять другой? **Ошибки продвигают нас дальше, чем достижения,** — и задача учителя в том, чтобы научить ошибаться. Я всегда говорю детям: «Скажи, даже если не уверен». И чтобы им было легче, добавляю: «Чего ты волнуешься? Я только во взрослом возрасте узнала, что третья планета от Солнца — это Земля».

Из всех услышанных мной историй про ошибку больше всего мне запомнилась та, где Юрий Подкопаев объяснил детям, чему равняется корень из двадцати семи. Уверенным преподавательским жестом Подкопаев вывел на доске цифру 5 и повернулся к своему классу в ожидании. С доски задачу молча переписали все — кроме ученика Томаса. «Юрий Анатольевич, — сказал он неуверенным голосом, — а у меня получилось 5,2». «Плохо, Томас, — ответил Подкопаев, — решай заново». «Да, это у меня ошибка», — согласился ученик. И через минуту пришел к тому же ответу. «У вас… точно правильно?» — уточнил Томас. «*Что?* — рассвирепел Юрий Анатольевич. — Ты во мне, *в учителе*, сомневаешься? Ты что о себе возомнил?». «А давайте я тоже проверю», — вызвалась одноклассница Томаса Варя. «По тонкому льду ходите, Варвара», — пригрозил Юрий Анатольевич. «Ничего, я привыкла», — отрезала школьница.

Несколько мгновений спустя Варя пришла к такому же ответу, что и Томас. По классу прошелся гул возмущения. «Томас, жму твою мужественную руку — молодец, что проверил. Варя, продолжай балансировать на тонком льду, у тебя прекрасно это получается, — сказал в ответ Подкопаев. — А для вас всех это урок: думайте своей головой. Учитель — не бог, он тоже может ошибаться».

За время написания книги я иногда рассказывал эту историю на своих выступлениях и каждый раз думал: сколько из

присутствующих в зале преподавателей будут готовы сделать так же? Сколько из них признают, что тоже могут ошибаться — да еще и на глазах у целого класса? «Да что же я такой лузер», — вдруг произносит учитель информатики Владимир Погодин на глазах у целого класса — и меня, как невольного свидетеля. Следующий урок, на который я приду, обернется терапией. Причем и для ученика, и для педагога одновременно.

А в пересказе все увиденное мной напоминает киносценарий.

11:50
Урок информатики Как победить чувство вины

Место действия — класс информатики. Десятиклассник **Макар**, склонившись над компьютером, возмущается бессмысленностью заданий из контрольной работы. Преподаватель **Владимир Погодин** — как ни странно — целиком на его стороне. Как будто одновременно изображая и плохого, и хорошего полицейского, учитель объясняет ученику, почему тестовые задания все-таки нужны.

— Честно скажу: тесты — не самое полезное, чем мы можем заниматься в жизни.

— Макар, эти тесты призваны закрыть жуткие огрехи в программе 6-го класса, допущенные людьми, которых мы никогда в жизни не видели.

— Я пытался оправдать тесты, и у меня не получилось.

— А я попытаюсь. Как учитель, я хочу, чтобы вы усвоили базовые математические операции. Потому что однажды вам начнут предъявлять претензии в духе «что же вы в этом ничего не рубите?». А мне хочется, чтобы вы рубили. И вот эта чепуха — средство, которое поможет вам этого добиться. Давайте решим ее устно.

— Эту задачу?

— Конечно. Они все решаются устно, в этом вся суть.

— Наверняка. Но посчитать же все нужно?

— Зачем? Давайте посчитаем устно. Я точно знаю: важны не ответы, а способы, с помощью которых мы к ним приходим. Если мы все решили правильно, но при этом одинаковым образом, то чего мы добились? Вот если мы нашли другой путь, тогда это открытие.

Ученик и преподаватель начинают решать тест вместе. Процесс идет с трудом. Макар сомневается — главным образом, в себе.

— Шестнадцать — это какая степень двойки?

— Четвертая.

— Отлично! Два в третьей на два в восьмой на тысячу. Устно! Что получается? Два в одиннадцатой на тысячу, отлично! А теперь переводим биты в килобайты. На что нужно поделить?

Макар обхватывает голову руками и признается, что чувствует себя плохо оттого, что ничего не понимает и делает столько ошибок.

— Вы же не стали хуже оттого, что не знаете степени двойки. Просто вы испытываете из-за этого чувство вины, которое вам внедрили другие. Так вот: ваш учитель говорит — срочно перестаньте его испытывать! Что там у нас? Восьмибитная кодировка. Нормальные люди говорят «однобайтовая», но эти мерзавцы хотят вас запутать…

В конце концов задача решена. Макар выходит за дверь. Уставший, но довольный.

«Хороший мальчишка, хотя его и считают нарушителем дисциплины, — говорит Погодин, провожая взглядом ученика. — На химии вылил кому-то на волосы краску, после чего сам уладил со всеми конфликт. А потом пришли взрослые и все испортили. Как всегда».

Первое, что замечаешь в этом преподавателе: азарт и горящие глаза, с которыми Погодин общается с детьми. «Слушайте, ну программа ведь всегда одинаковая, неужели вам не надоедает преподавать одни и те же тесты?» — напрямую спрашиваю я. «Тесты одинаковые, зато дети разные. С кем-то можно вот так поговорить, с кем-то нужно общаться последовательно и обстоятельно, иначе влезешь в личные границы человека, — говорит в ответ Погодин. — А кого-то нужно вообще оставить в покое. Эти задачи — просто повод, и дети это постепенно понимают.

На точных науках люди часто думают, что ответом они чего-то добиваются, а в реальности конечная цифра не имеет никакого значения.

Важно, *какой ты* в этот момент — и что ты выбрал для того, чтобы решить так или иначе. *Как* ты дошел, а не *к чему* ты пришел. Потому что ответ запрограммирован, но всегда можно найти разные способы решения. Зайти через другой вход и даже внутри самой скучной вещи на свете обеспечить себе выбор. Но дети пока не понимают ценности этого выбора. Одна девочка, которой важен результат, сегодня расплакалась, когда мы с ней об этом говорили».

Как одна мелочь — слово, запах, звук — может вызвать в памяти целую киноленту воспоминаний, так и во время рассказа Погодина я вздрагиваю от уже испытанных когда-то ощущений. Последний год школы, когда от тебя все ждут определенного результата. И если ты его не достигнешь, то в лучшем случае на тебе будет клеймо неудачника, не сдавшего вступительные экзамены или ЕГЭ. В худшем — ты не будешь знать, как справиться с этим давлением. «Эта девочка предъявляет к себе завышенные требования, а в восьмом классе они в школе и так непомерно высокие, — говорит Погодин. — Но я же не могу при

всех задать ей вопрос: «Кто предъявил вам эти требования?» Я знаю ответ, но нужно, чтобы она сама к нему пришла. Все это сделали с ребенком мама и папа. И теперь их дочка мечется в замкнутом круге, потому что не может соответствовать ожидаемому от нее уровню. Когда эта девочка заплакала, ее одноклассники замолчали и погрузились в тест, а мы с ней за 15 минут что-то успели проговорить. Она *очень-очень* хочет успеха. И когда у нее что-то не получается, она начинает себя казнить. В итоге она ошибается еще больше — и еще больше себя казнит. Спасать ее нужно сейчас, до выпускного класса». Я оставляю себе еще одну заметку на полях: **хороший учитель — не только актер, но и психолог.** В этом я убеждаюсь за следующие несколько минут разговора.

Однажды во время приватного разговора бывший декан факультета журналистики в Санкт-Петербургском университете тихим голосом рассказал мне, как его уже много лет мучает один эпизод. Когда первокурсник Леонид Парфенов поднял руку на его лекции и поправил его — преподавателя! — на глазах у всего курса. Декан и сам понял, что перепутал дату, но, оглядев аудиторию, решил, что не может позволить себе ошибиться. Огрызнувшись в ответ, учитель обвинил в неправоте своего студента. Десятилетия спустя эта история продолжала неприятно скрести декана где-то глубоко внутри — и вроде бы уже сделать ничего нельзя, а все равно хочется запрыгнуть в машину времени и усмирить собственную гордыню. «**Пьедестал, на который мы,**

учителя, себя возводим, нам же очень сильно мешает жить, — говорит Погодин. — Мало того, он мешает нашим ученикам ощущать, что они живут. А убрать его очень трудно. Потому что для этого нужно работать с собой».

Впрочем, даже достигнув уровня осознанности успешного гуру йоги, Погодин признается: да, иногда дети в классе все равно его раздражают. Да, иногда — как и каждому учителю в каждом школьном классе мира — ему хочется попросить детей «закрыть дверь с той стороны». Разница — в осознании. За долю секунды до того, как ты это произнесешь, существует момент выбора собственной реакции. «Дети всегда тебя тестируют, — говорит Погодин. — Иногда они ведут себя недопустимо. Тогда у меня периодически случаются срывы, и я начинаю делать замечания. Дети потом «стряхивают» их с себя достаточно быстро, их ведь регулярно поучают взрослые. А я себя потом долго казню, потому что проблема не в них, а во мне. **Чувство раздражения всегда означает, что ты ставишь себя выше обстоятельств и окружающих людей.** Что ты достоин большего, а тебе дают *вот это*. Важно понимать: ты всегда получаешь то, что заслужил».

Разговор с Владимиром Погодиным

В 17 лет мне показалось, что я впервые в жизни узнал своего отца. Одно из счастливых воспоминаний моего детства: мы с папой сидим у железной дороги и наперебой по лязгу рельсов пытаемся угадать, какой поезд сейчас перед нами проедет: электричка или товарняк. В тот день поезд все никак не приезжал, зато мои собственные мысли с лихвой заглушали образовавшуюся тишину. Это было время протеста и накопленных обид: я злился на отца за то, что он устранился из моей жизни и не проявлял к ней интереса. «Я боюсь старости», — вдруг сказал мне папа, и я посмотрел на него с удивлением. На секунду словно с грохотом рухнула стена и передо мной оказался совсем

незнакомый мне человек. Когда мы делимся страхами, мы становимся ближе.

Я говорю Погодину, как меня трогают моменты, когда преподаватели не боятся показаться уязвимыми и признаться в том, что им самим сейчас плохо. Что они чуть не опоздали на урок, потому что из-под носа ушел их трамвай или завис компьютер, что у них невыносимо болит голова или просто накрывает экзистенциальными размышлениями о бренности всего сущего. Как важно, что взрослый просто делает первый шаг и признается в том, что иногда бывали дни и получше — потому что, в конце концов, он тоже человек. «Почему я честно рассказал детям о своих ощущениях? Потому что **мы начинаем внутренне расти, когда действительно не боимся показать свою уязвимость**, — говорит мне Погодин. — Прикрываясь броней, ты просто комфортно существуешь без возможности развиваться».

«Старшеклассники — универсальный детектор фальши», — сказал мне однажды в интервью знакомый психолог. Дети всегда считывают то, что стоит за словами. Даже больше: Погодин рассказывает о случаях, когда его ученики понимали то, что он не высказывал вслух. Например, когда формально отвечал на вопрос, а внутри его в адрес ученика рождалось что-то обесценивающее. «Пару раз я так ответил ребенку, что услышал: «Владимир Николаевич, я вам больше сегодня вопросов не задам», — рассказывает Погодин. — Но со временем я научился чувствовать, что с ними происходит в самые разные моменты. А когда ты понимаешь их состояние, любое возмущение уходит».

Погодин вспоминает последний случай, когда он сорвался на детей: на его уроке два одиннадцатиклассника говорили громче учителя и вдобавок оба играли в компьютерные игры. «Меня это выбило из колеи, — говорит Владимир. — Я сделал им замечание, сказав: «Мне не хочется, чтобы вы здесь находились. Хотите, объясню почему?» — «Хотим», — хихикая, сказали они. И я объяснил: «Передо мной два талантливых человека, которые прожигают свою жизнь и не понимают, зачем они тут находятся». Это была глупая компьютерная игра, которая унижала учеников. А мне не нравится, когда при мне люди себя унижают. После моего замечания они ушли, и я до сих пор себя за это казню. Потому что это непедагогично. Фактически я им тогда сказал, что *я для них больше не учитель*. Вы отказались от происходящего — я отказался от вас. И я перед теми учениками извинился». А они? «Зачем? — удивляется Погодин. — Это я был не прав. **У нас, взрослых, есть один секрет, которым мы не пользуемся. Все, что мы говорим детям, отражается на их самооценке в подростковом возрасте.** *Абсолютно все*. К чему приведут

сказанные нами слова — зависит от нас».

«Мы начинаем внутренне расти, когда действительно не боимся показать свою уязвимость. Прикрываясь броней, ты просто комфортно существуешь без возможности развиваться».

Владимир Погодин

Шалва Амонашвили называет это «дорисовыванием» — когда ты отмечаешь в ребенке черты характера, которые хочешь видеть в будущем. Когда-то учительница Амонашвили отметила у Шалвы «поэтический взгляд», и будущий грузинский педагог провел немало времени перед зеркалом, убеждаясь в «поэтичности» своего взгляда. С того момента Шалва старался произвести впечатление на учительницу, превращаясь из двоечника в отличника.

Психолог Роберт Розенталь называл это «эффектом Пигмалиона» — в честь древнегреческого мифа о влюбленном в скульптуру мастере, который заставил богов ее оживить. В начале учебного года ученикам раздали тесты на определение уровня IQ, а учителям сообщили о группе «особо одаренных учеников», будущих потенциальных студентах Гарварда. В реальности «одаренные ученики» были выбраны случайным образом, но в

конце года они действительно оказались успешнее своих одноклассников. **Уверенность учителей в своих учениках превратилась в «самоисполняющееся пророчество»**. «Ожидая от остальных определенного поведения, мы ведем себя так, что это поведение действительно проявляется», — писал Розенталь. Психолог писал о четырех составляющих «эффекта Пигмалиона»: тональность голоса, выражение лица, поза и жесты. В результатах эксперимента отмечалось, что учеников стимулировала лучше учиться «теплая» атмосфера класса, уделенное преподавателем время, желание педагогов услышать от учеников ответы и полезная обратная связь.

Наконец, психолог и физиолог Марьяна Безруких упомянула о главном лайфхаке общения с ребенком: выражение лица. «**Строгий взгляд и плотно сомкнутые губы — маска «каменное лицо» — это сигнал биологической опасности, от которого ребенок будет интуитивно закрываться**, — сказала она. — Я часто читаю лекции педагогам, и «плотно сомкнутые губы, строгий взгляд» — это та маска, которая на лице у педагогов бывает чаще всего. Очень часто слышу от взрослых, и от родителей, и от педагогов: «Я ничего особенного не сказала». А интонация, выражение лица, взгляд? Саркастическая улыбка, с которой вы открываете результат контрольной работы или говорите про оценку? Ведь о «тройке» можно сказать по-разному». Во время нашего интервью Безруких рассказала, что после обращенного на приеме к ребенку вопроса, за что тебя в последний раз хвалили, повисает длинная пауза. Если школьник не перевел через дорогу бабушку, не вынес мусор или не получил заветную «пятерку», его как будто бы и не за что было хвалить.

Во время урока информатики несколько учеников сидят на мягких креслах, утомившиеся и почти засыпающие после двух контрольных подряд. Я жду, когда преподаватель сделает им замечание, но вместо этого Погодин всего лишь мимоходом бросает «Надеюсь, я вас не разбудил».

Прямо до моего прихода вместо урока четверым школьникам захотелось… просто поговорить. И для Погодина это был тот самый момент отказа от амбиций: он спросил детей о том, что им по-настоящему дала школа. «Я сказал школьникам: «Давайте вы будете рассказывать свои истории, а я буду на их основе говорить о ваших сильных сторонах». И там были потрясающие откровения, — говорит Владимир. — Один ребенок в смущении рассказал, как в своей предыдущей школе однажды зашел в кабинет, где классная руководительница занималась любовью с другим преподавателем. На эту историю я ответил: «Ваша сильная сторона в том, что вы умеете оказываться в нужное время

в нужном месте. Это выдает ваш лидерский потенциал». И на самом деле смущение дети испытывали потому, что встретили принятие — то, что они так редко получают от взрослых. Они мне потом сказали: «Хорошо, что мы так иногда разговариваем. Это помогает нам на уроках». Потому что есть учебный план, а есть вещи, которые нужно проговорить». К слову, рассказавших эти истории школьников другие учителя считали «недисциплинированными». «Я думаю, что такого определения вообще не существует, — говорит мне Погодин. — Потому что когда мы выносим детям такой вердикт, мы начинаем их «дисциплинировать» и попросту ломаем их личность. Но общаясь с детьми, я понимаю, что они *видят* учителей и, к счастью, относятся к нам гораздо менее серьезно, чем мы к себе».

В самом конце разговора Погодин признается мне, что сознательно старается отойти от школьной программы. «Я просто делаю то, что мне интересно, — говорит он. — И так можно поступать в любой государственной школе. Учителя этого избегают, а я говорю: «Чего вы боитесь?» Обычно первый ответ: «Нас проверят». А второй: «Мы привыкли идти по программе». Вот! Давайте с этого и начинать: **мы не боимся экспериментировать, мы привыкли.** В какой-то момент осознаешь, что наши планы на урок — обратная сторона установки «мы должны». Это же наша работа, так мы зарабатываем деньги. От такого отношения очень трудно отказаться. Как там звучало? «От нищеты он взял ее плотскую часть, то есть лишения, а от богатства — духовную, то есть вечный страх. И в том, и в другом случае он избрал для себя наихудшее». Вот это про наших учителей: ты свободен, но выбираешь не то, что будешь делать, а то, чего тебе не хватает. Но учителя все равно свободны. И я убежден, что именно осознание этого факта способно творить чудеса».

Погодин чертит картинку: человек, в сердце которого маленькая стрелочка. Затем рисует еще много маленьких человеческих фигурок вокруг, соединяя их все новыми стрелками. «Вот как бы выглядела моя идеальная школа, — поясняет он. — Стрелочки показывают связи между нами. Когда они соединяются, получается система. Школа — это каждый отдельный человек и его связи между огромными системами. Ты становишься уязвимым, открываешься, а затем сливаешься с другими организмами. **Моя роль как учителя — сидеть и наблюдать с интересом.** Направлять ребенка к тому, чтобы в какой-то определенный момент он воскликнул: «Ай, блин! Точно!» — и понял, как что-то решить. Вот ради этих вспышек сверхновой все и затевается. Ты просто за ними наблюдаешь».

В этот момент мне захотелось, чтобы мы остановились и ничего не говорили и на короткий момент затихло бы все вокруг. Потому что это было одним из самых красивых определений роли учителя, которые я когда-либо слышал в своей жизни.

12:30
Литература на улице Русский поэт Оксимирон и Лермонтов как Гарри Поттер

Мимо меня по коридору проходит преподаватель литературы Виктор Симаков, ведя за собой на улицу кавалькаду детей. Идею сменить школьный кабинет на открытую площадку предложили ученики, и Симаков ее поддержал. Урок не получится, но не только потому, что пространство оказалось слишком легкомысленным для серьезного семинара по Солженицыну. «Я понял, что на улице КПД учеников падает примерно на 40 процентов, — скажет мне позже Симаков. — Да, выходить за пределы класса время от времени нужно. Но, как подсказали мне коллеги, на открытом воздухе дети лучше всего читают стихи».

На самом деле Симаков столкнулся с неизбежной дилеммой учителя литературы: как преподавать детям произведение из школьной программы, которое не нравится тебе самому? Анастасия Серазетдинова в таких случаях предлагает детям прочитать книгу дома и при появлении вопросов обсудить их в школе. «Матренин двор» Солженицына (вместе с автором произведения) вызывал у Виктора Симакова «неоднозначные чувства». «Целых два урока мы с учениками разговаривали о Солженицыне через время, — говорит Симаков. — Я попросил их вспомнить, что случилось за годы жизни писателя в мире, выстроив цепочку важнейших исторических событий. Кто-то назвал основание Apple, для кого-то самым важным событием стало появление интернета, а для кого-то — полет Гагарина в космос. И получилось, что Солженицын застал весь XX и начало XXI века. Как отражается на человеке то, что он стал свидетелем целого столетия? Пока дети выстраивали события, я им рассказывал, как сам вижу писателя на этом фоне. С одной стороны — как человека, пережившего репрессии. С другой — идейного вдохновителя президента Путина, фаната его творчества. И на обсуждении влияния Солженицына на события в нашей стране старшеклассники, как политизированная группа, сразу включились в разговор. Да, семинар на улице вышел не самым удачным. Но мы задали вектор неоднозначного, сложного человека и его роли в истории».

Попытаться понять личность через окружающие его события? У меня в голове снова возникает финская модель обучения, в которой ты проходишь одну тему с помощью разных дисциплин. Минуту спустя я понимаю, что общего здесь гораздо больше. Как

и создатели скандинавского подхода phenomenon based learning, Симаков плетет настоящую литературную паутину, связывая нитками самых разных авторов, даже если они находятся на расстоянии нескольких веков друг от друга. «Я пытаюсь работать с контекстами, — объясняет Симаков. — Например, изучив программу восьмого класса, я понял, что в ней есть самые разные жанры: от романа до комедии. И я выстроил произведения вокруг темы войны: «Илиада», «Капитанская дочка», «Макбет», книги Амброза Бирса. Когда берешь произведения разных эпох и разных стран, переплетения возникают сами собой. Проходишь «Ревизора» и предлагаешь детям посмотреть где еще в литературе есть чиновники? А где абсурд? И так появляется мостик от Гоголя к Эжену Ионеско. Но есть одна опасность: традиционные курсы строятся от старых авторов к новым. Поэтому, «прыгая» от одного автора к другому, важно вписывать пройденное в хронологическую таблицу».

Разговор с Виктором Симаковым

На мой любимый вопрос, **что такое сейчас «хороший учитель»**, Виктор отвечает сразу, что это **человек, который организовывает воедино культурное и научное пространство**. Который думает о том, что его предмет — часть системы. «Мне в школе не нравилась биология, но я понимал, что организм — это часть животного мира. И биолог может очень классно объяснить, что все в мире зависит друг от друга, — говорит Симаков. — Точно так же из любого предмета можно выйти на важные темы, связанные в том числе с жизнью твоих учеников. И тогда можно не только повести школьников за собой, но и дать им какие-то ориентиры».

Осознание своей преподавательской свободы Виктор Симаков пережил, еще работая в государственных школах и меняя отношение детей к литературной классике. «Я всегда добавлял

книги от себя. Например, в пятом классе мы больше месяца «путешествовали» с Гекльберри Финном по Миссисипи, — рассказывает Виктор. — Каждую главу мы разбирали как отдельный рассказ, и к ней подтягивались многие другие книги. Или я всегда читал им «Белый клык» Джека Лондона — идеальную книгу для 5-го класса, которой нет в школьной программе». Сейчас Симаков поступает еще смелее: выбирает 6–8 обязательных книг, а остальное добавляет от себя.

В посвященной войне литературной сети финальной точкой стал графический комикс про Холокост Арта Шпигельмана «Маус». «Я устроил сдвоенный урок, обсудив жанр графического романа. Мы говорили о том, почему «Маус» стал единственным комиксом, получившим Пулитцеровскую премию. После этого дети всем классом попросили их отвезти в Освенцим, — говорит Симаков. — Мы сидели с ними в библиотеке и планировали поездку. В следующем году постараемся ее совершить». Я спрашиваю у Виктора, понимают ли школьники, что их ждет. Или это обернется путешествием двух девочек, когда-то думавших, что Холокост — это клей для обоев? «Уже пошла рефлексия, которая мне очень нравится. Один ученик пришел ко мне и сказал: «Виктор Сергеевич, я не поеду. Просто не представляю, как мы после целого дня в Освенциме пойдем, например, заказывать мясную рульку в кафе», — рассказывает Симаков. — И мне понятен уровень этих размышлений. Я рассказал ему, что из пройденной нами темы тоже нужно будет «выходить». С помощью поездки в Прагу, посещения синагог, да хотя бы той же мясной рульки. Потому что иначе можно будет сойти с ума. Через три дня тот ученик подошел ко мне и сказал: «Знаете, я решил, что все-таки поеду».

И вот прямо в этой точке **мы сталкиваемся с одним из самых интересных конфликтов школьной программы. Где эти критерии, по которым определяется идеальный возраст ребенка для книги или выставки?** И не повторится ли ситуация с законом гравитации — когда мы в детстве спрашиваем, почему если разжать ладонь, то вещь всегда приземлится на пол, но ответ получаем только в седьмом классе на уроке физики. «Разве не странно? Все дети смотрели «Игру престолов». Но при этом учителя боятся взять в программу «Затворника и Шестипалого» Пелевина, потому что родители будут против, — говорит Симаков. — А одну учительницу в свое время уволили за то, что она прошла с восьмиклассниками роман Эмиля Ажара, где у героя мать была проституткой. Волна оскорбленных ведет к бесконечным перестраховкам в школе. Выставка Мунка? «Восемнадцать плюс». Фрида Кало? Лондонская школа

художников и Бэкон? Только для совершеннолетних. Каждый раз, когда мне хочется показать детям что-то важное из мира искусства, мне нужно просить их родителей написать для музейных работников письмо, что взрослые не против».

Ближе к концу нашего разговора Симаков скажет, что первые три месяца был для своего нового класса «абсолютно чужим». **Чтобы найти контакт со школьниками, он сделал то, чего избегает большинство учителей: показал ученикам свою уязвимость.** «Поначалу у меня было чувство, что я бессилен. Кульминацией стал урок, на который наблюдателем пришел психолог, — рассказывает Симаков. — Увидев его, дети начали просто ходить на голове, и я ничего не мог с этим сделать. После урока психолог Мария подошла ко мне, чтобы дать обратную связь. А я повернулся к ней, и у меня из глаз полились слезы. «Маша, почему они так себя ведут? — спрашивал я. — У меня ведь был интересный урок. Я им хорошие стихи читал». Мы с ней говорили полчаса — даже не о них, а о *моем* состоянии. На следующем уроке я детям честно рассказал о своих ощущениях и внезапном сеансе психотерапии. А потом спросил: «Ребят, что это вчера было?» После этого я почувствовал: что-то сдвинулось. Вдруг возник контакт. Недели через две я услышал от них об уроках, на которых у них ничего не получается, и учителях, которые их совсем не понимают. Мы стали говорить про родителей. И в какой-то момент я понял, что уже 15 минут они мне друг за другом исповедуются. Все это стало гораздо важнее того, что я подготовил для занятия. Потому что в тот момент, когда их «прорвало», я понял, что они меня признали. Дети могли расценить мой рассказ о своих переживаниях как слабость, а могли как искренность. Но я думаю, что они открылись именно потому, что я первым сделал шаг навстречу».

За полчаса до нашего разговора я увидел пост одного из преподавателей МГУ, в котором педагог высказал идею: уроки литературы в школах нужно отменить. Потому что на основе личного опыта автору текста стало понятно: дети не понимают того, что читают. Лучшие из прочитанных учителем сочинений были посвящены не болезненному желтому Петербургу Достоевского или нигилизму Базарова, а книгам Терри Пратчетта, Толкина, «Игре престолов» и мультику «Аватар». Под постом было пятьсот комментариев, и многие из читателей вместе с автором размышляли, можно ли заинтересовать подростков русской классикой.

Во время написания книги я провел две недели в Японии — и с удивлением обнаружил, что абсолютно любая продаваемая в стране вещь филигранно упакована. Чуть позже я узнал, что в

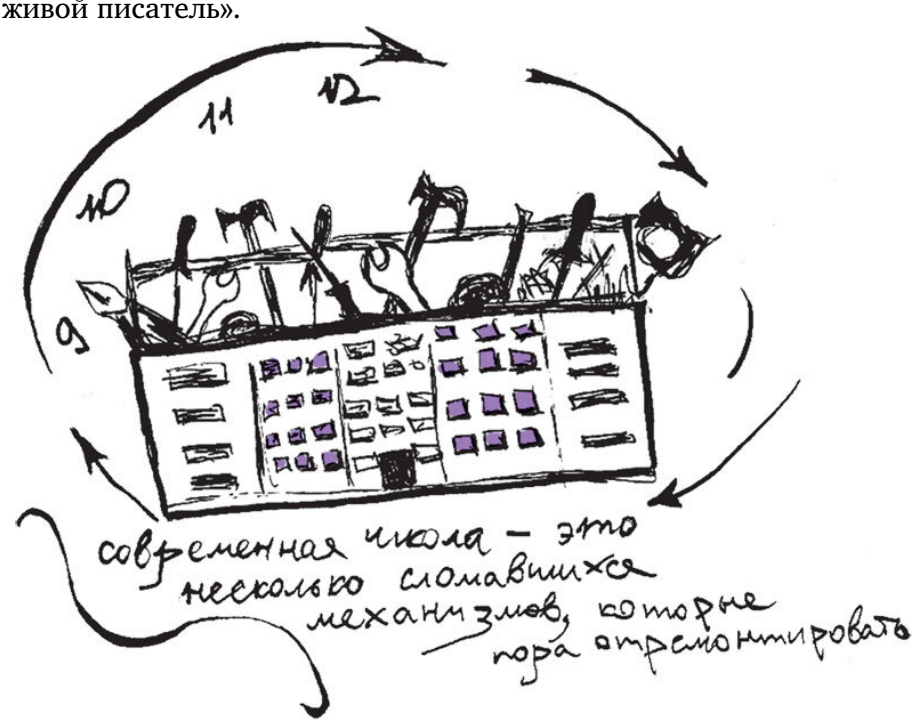
местной культуре существует специальный термин: tsutsumi, буквально означающий «искусство упаковки». Не для того, чтобы повысить цену, а для того, чтобы таким образом показать уважение к содержимому упаковки и тому, кому ты даришь подарок. Я думаю о том, что преподавателям совершенно точно предстоит сделать то же, что с приходом социальных сетей пришлось сделать журналистам. **Овладеть искусством «цуцуми», найдя привлекательную упаковку для важного содержания.** Достаточно посмотреть на самые обсуждаемые фильмы и книги, ставшие бестселлерами за прошедшие годы. После сериала «Чернобыль» поток туристов в Припять увеличился в десять раз, а «Джокер» заставил весь мир говорить о проблеме ментальных заболеваний. И стоило приматологу Роберту Сапольски выпустить «Биологию добра и зла», как оказалось, что при нетривиальном подходе самые сложные научные темы могут быть интересными массовому читателю.

В моем подростковом возрасте журналисты находились в привилегированном положении. За информацией охотились, выхватывая ее крупицы из самых разных источников. Читатели от первой до последней буквы «съедали» то, что готовили им авторы. Сегодня у каждого из нас меню бесконечно, мы смешиваем ингредиенты ежесекундно и в любой момент можем отставить тарелку в сторону. Так что **если мы хотим, чтобы дети не питались чипсами, нужно приготовить овсяную кашу так, чтобы каждому из них захотелось ее съесть.**

Ухватывать их внимание в первые секунды. Провоцировать на свои собственные суждения. Плести сеть из разных авторов, связывая время и людей воедино. Примерять случившееся давным-давно на себя. Показывать комиксы о Холокосте. И разбираться в том, что интересует самих детей. «Я недавно ехал вместе с учениками на спектакль и невольно подслушал их разговоры, — рассказывает Симаков. — Они обсуждали какие-то факты из жизни футболистов. И я подумал: вот я лезу к подросткам со своим «Ревизором». Как мне сделать так, чтобы из своей точки «А» они пришли в мою точку «Б», да еще и не пролетели мимо, а задержались? И тогда я понял, что для меня учитель — это тот, кто аккуратно разгребает чужое болотце, но при этом все-таки в него немного погружается. Например, чтобы понимать культурный код, я смотрел батл Оксимирона с Гнойным и концерты Данилы Поперечного. Потому что когда мы проходим Маяковского или «Исповедь хулигана» Есенина, очень важно сказать: ребята, посмотрите — тут есть рэп. Текст строится по тем же законам. И сразу добавить: «Конечно, вы в рэпе понимаете в сто раз больше, чем я. Но ведь он тут есть?» И в этот момент

произведение становится ближе и понятнее. А еще важно всегда добавлять фразу «Вы мне скажите, если я не прав» и не залезать в эту тему глубоко, иначе я как преподаватель буду выглядеть глупо. Мне рассказывали про одну пожилую учительницу литературы, которая очень хотела казаться современной. Поправляя очки, она говорила старшеклассникам: «Как сказал современный русский поэт Оксимирон…» И ученики на задних партах делали фейспалм. Фальшь сразу чувствуется. В ответ сразу возникает желание сказать: «Чего ты лезешь в наше болото? Ты в нем все равно ничего не поймешь. Давай-ка ты будешь говорить о своем Пушкине, а мы будем говорить о своем».

Напоследок я получаю самый оригинальный инструмент возвращения интереса к литературе. «У меня появилась мысль прочитать роман «Дни Савелия», а потом пригласить автора. Потому что я и сам понял и не раз слышал от других учителей: для сегодняшних школьников вся литература — это кладбище, — говорит Симаков. — По их мнению, живыми могут быть журналисты или телезвезды, а писатели — только мертвые и с бородой. Моих учеников шокировала новость, что в класс придет живой писатель».



В каждом из учителей, которых я встречал, было немного от Джона Китинга из «Общества мертвых поэтов». Человека, который просит тебя встать на парту, чтобы посмотреть на мир с непривычной точки зрения. Когда дети никак на тебя не

реагируют, ты можешь не делать им замечаний, а моментально придумать, как вовлечь их в происходящее в классе. «У меня иногда бывает, что три ученика готовы поговорить, а остальные сидят в телефонах, — рассказывает Симаков. — И в таких случаях я сразу делаю какой-нибудь «финт ушами». Какой? Например, могу сесть на парту и начать болтать ногами. Коллеги меня за это ругают, но атмосфера в классе сразу становится неформальной. Еще я приносил в класс пуфики. Просил встать из-за парт и рассесться вместе со мной кругом — после этого обсуждение становилось совсем другим. И еще у меня есть формат «высказывается каждый». Вот сейчас мы с пятиклассниками закончили читать «Три толстяка», и каждый школьник в классе рассказал, что он считает для себя самым запомнившимся, самым задевшим, самым значимым в книге лично для него. И в итоге от каждого второго высказывания распускалась новая ветка естественного, спонтанного обсуждения. Я запланировал этот разговор на два урока, но даже за это время мы не успели послушать все 16 человек».

За восемь дней, что я прожил с Шалвой Амонашвили в Грузии, меня больше всего впечатлил рассказ про «тихое чтение». Так сын Шалвы Паата называл те моменты, когда мама в детстве читала ему книги — по ролям и с чувством. Эта театральность происходящего и любовь к погружению в литературу передалась Паате. И сработала она куда сильнее, чем родительские понукания «почитал бы книгу». **Если мы заражаемся друг от друга энтузиазмом, как микробами, то и любовь к литературе — это то, что может передать учитель.** И эту его компетенцию никогда не отнимет Google. «Часто преподаватели заблуждаются насчет самих себя, — говорит мне Симаков. — На учителя ведь сыпятся все шишки: он всегда виноват и с точки зрения министерства, и с точки зрения родителей. Но самая большая проблема, что школа как организация преподавателя не поддерживает, а никакого профсоюза у нас нет. Педагога, как винтик, всегда можно заменить. При этом учитель неизменно должен быть идеальным: он не может пить и курить, не может фотографироваться в купальнике и затем выкладывать снимки в социальные сети. Он должен быть безупречным мальчиком для битья. В результате многие преподаватели работают по принципу «Я здесь потому, что кто-то выше меня по должности решил, что так надо, а я просто выполняю приказ». Но так тебе не захочется ничего придумывать, а передать детям ты сможешь только свое несчастье и опустошение. В профессиональном сообществе я раз за разом слышал фразу: «Вы же понимаете, что 90 % учителей могут

только работать по программе, и больше ничего». Так вот, надо всеми силами стараться не принадлежать к этим 90 процентам».

«Учитель — это тот, кто аккуратно разгребает чужое болотце, но при этом все-таки в него немного погружается».

Виктор Симаков

Иногда так бывает: эпизод твоей жизни выглядит настолько кинематографичным, что в пересказе кажется выдуманным. Стоило мне зайти в столовую, чтобы как-то уложить в голове интервью с Виктором Симаковым, как я стал свидетелем случайного разговора двух преподавателей английского. «Ей предстояло как-то пройти с пятым классом биографию Лермонтова, — рассказывает за столом одна учительница историю о коллеге, учителе литературы. — Но разве им будут интересны все эти даты?» Я напрягаюсь в ожидании. «И тогда она изучила, какие книги дети любят читать в пятом классе. Оказалось, что популярнее всего среди школьников «Гарри Поттер». Посидев с книгой несколько вечеров, она выписала сквозные темы: неспособность выразить свои чувства, трудности в

отношениях с родителями, «полукровки» и «грязнокровки». Затем вернулась к биографии Лермонтова и шаг за шагом находила схожие моменты. Следующий урок начался с фразы: «Ребята, **жизнь Лермонтова — это же Гарри Поттер**». И все прошло на ура». «Как зовут преподавателя?» — вскрикиваю я, опрокидывая за собой стул. «Евгения Рябова», — говорят мне в ответ. Минуту спустя я ищу в школьном телефонном справочнике контакты на букву «Р».

Мне представлялось, что это будет умудренная опытом женщина, которая прошла через огонь, воду и медные трубы на пути к пониманию детей. Но я встретил 30-летнюю девушку, которая прервала мой вопрос, как она придумывает такие вещи, фразой: «Я по-другому не умею. Иначе зачем вообще преподавать? Мне интересно найти способ передать детям то, что я считаю важным. Вот все учителя говорят, что Пушкин великий. А что именно в нем великого? Всех детей от русской классики тошнит. Поэтому мне очень хочется, чтобы дети посмотрели на Пушкина моими глазами, а я — их. Еще во время учебы в пединституте мне казалось, что **самая важная цель учителя — заразить: знанием, энтузиазмом, любовью**».

Эпизод про Гарри Поттера — не единственная иллюстрация филигранной упаковки содержания. Евгения говорит мне, что, выстраивая урок, всегда следит за реакцией детей. «Я преподаю еще и русский язык, и когда я просто рассказываю детям о правилах написания, они смотрят в окно или пытаются украдкой достать телефон. В такие моменты я что-то придумываю, чтобы они были вовлечены, — рассказывает Рябова. — Это гениально делает Сергей Волков, например, переводя биографию Пушкина в плоскость их личного взаимодействия. «Представьте: 19 октября, молодые ребята — как вы. Двадцатилетний Пушкин думает: кто из нас, выпускников, умрет последним? А мы сейчас, сидя в этом классе, можем так подумать? Кем мы станем в будущем?»

Последний урок русского Рябова начала с фразы: «Мы больше не будем ездить на экскурсии всем классом». «Как это? Почему?» — поразились внезапно свалившемуся на них знанию дети. «А теперь сравните, — продолжила Евгения. — «*Мне сказали*, что мы больше не будем ездить на экскурсии всем классом», «*Мне кажется*, что мы больше не будем ездить на экскурсии всем классом», «*К сожалению*, мы больше не будем ездить на экскурсии всем классом». Сегодня мы с вами проходим вводные слова». «Это был крючок, — объясняет Рябова. — Такой же я использовала сегодня, когда рассказывала детям о повелительном наклонении. Ни слова не говоря, я просто закричала на девочку: «Аглая, выйдите из кабинета!» Весь класс замолчал в ужасе.

«Видите? Когда вы только могли бы что-то сделать, но не сделали — это становится условным, а не повелительным наклонением». Ты «хватаешь» детей фразой, которая сразу привлечет их внимание, и произносишь ее максимально серьезно. А потом объясняешь, как твои слова относятся к уроку».

Урок Евгении Рябовой

«Современный русский в школах — это моя боль, — продолжает Евгения. — Он максимально оторван от реального использования языка. Школьная система образования как будто делает все для того, чтобы человек считал скучным умение писать тексты и письма. Ощущение, что мы разговариваем в жизни на одном языке, а пишем на другом, и только канцеляризмами. «Госы» прописаны замечательно, но на выходе происходит расхождение идеала и экзамена. И мне очень хочется это изменить. Потому что современная норма русского зародилась в середине XX века, а язык — это постоянно меняющаяся живая структура. Это как язык программирования: ты не поставил пробел, и компьютер посчитал это ошибкой. Точно так же при общении с человеком: ты высказал мысль, а собеседник тебя не понял. Но ты этого не узнаешь, потому что человек — в отличие от компьютера — не даст тебе немедленной обратной связи. Мне хочется, чтобы дети могли грамотно написать поздравление или открытку. Потому что все успешные люди умеют пользоваться языком».

«Идеальный Лотман» — так Рябова описывает свой образ хорошего преподавателя. Университетский профессор, с которым можно отправиться в поход и петь с ним вместе под гитару песни, но при этом ни у кого не возникнет мысли обратиться к нему на

«ты». Этот **преподаватель не говорит, как себя вести, не запрещает, не одергивает тебя, если ты делаешь что-то не так. Он сам ведет себя так, что тебе хочется его копировать.** «В конфликтных ситуациях важно, как сами взрослые соблюдают правила, — говорит Рябова. — Если дети видят, что один учитель пожурил их за телефон, а другой прошел мимо и не заметил — они понимают, что им все можно. И здесь наш, учительский прокол в том, что мы не едины в желании быть строгими там, где это действительно нужно. За 40 минут урока преподавателю тяжело раскрыться как человеку. Вот почему сильно помогают походы, выезды, любые совместные мероприятия. Дети видят, что ты — взрослый товарищ, который решает настоящие жизненные проблемы. И, узнавая тебя с другой стороны, они начинают тебя больше уважать. Когда ты на глазах учеников смог организовать сложную поездку и за всем уследить, то даже двоечники думают: «Раз он такой хороший, чего я так плохо учусь?» После этого Рябова со смехом добавляет: «Пусть и хватает их ненадолго».

В этот день я попаду на встречу родителей десятиклассников с преподавателем английского, где одна мама будет возмущаться, что в школе стало «слишком много свободы». Чуть позже несколько преподавателей мне признаются: выработанная годами привычка ждать, что тебе скажут «как правильно», настолько сильна, что многие дети уже не могут учиться иначе. «На последнем Хэллоуине случилось кое-что удивительное, — рассказывает мне Рябова. — Дети очень долго просили меня «показать злую учительницу». Они так умоляли, что я в конце концов закричала: «Ну-ка сели все!!!» Из-за этого одна девочка чуть не упала со стула. Но остальные были… *в блаженстве*. Зажались, молчали, но — ликовали. Улыбаясь, они зашептали друг другу: «Наконец-то все нормально!» У нас даже были потом споры, когда я говорила детям: «Ну не надо же так строго с вами разговаривать». «Надо!» — отвечали они мне. Некоторые специально просили быть с ними жесткими. Один мальчик в классе так и сказал: «В школе *должны* разговаривать так, и со мной *нужно* именно так». Он просит быть с ним строгим, потому что так лучше понимает материал». И как, получается? «Нет, конечно, — звучит от моей собеседницы в ответ. — Я не верю в свою «Марьиванну». Поэтому, наверное, тот мальчик думает, что я слабая».

Мой младший брат доводил маму до истерики своим нежеланием брать книги в руки. Стоило ему пройти обязательный для подростка этап увлечения фильмами ужасов, как он выяснил, что мистика есть и в литературе. В 14 его первым открытием стал Эдгар Аллан По, чуть позже — Говард Лавкрафт и Алистер

Кроули. Сейчас брату 19, и он пришел к совсем другой литературе. Когда мы виделись в последний раз, он перечитывал «Мы» Евгения Замятина и закончил за полгода 30 книг. В его личном списке литературы сейчас числится еще 57. На журналистских планерках мы с коллегами часто проговаривали как мантру: важно не *что*, важно *как*. И глядя на то, как преподается сегодня литература, я убеждаюсь — сделать что-то с извечной проблемой «они ничего не читают» в наших собственных силах. Все, что для этого нужно? — подобрать недостающий ключ… и читать запоем самим.

«Преподаватель не говорит тебе, как себя вести. Он сам ведет себя так, что его хочется копировать».

Евгения Рябова

То, что даже самый скучный предмет можно сделать интересным, я убеждаюсь на следующем уроке. Где прямо на моих глазах разгорится нешуточная историческая драма.

13:20
«Не дайте невнимательности убить свои знания»

Щелкает секундомер. На доске висят плакаты с надписями «социализм», «либерализм» и «консерватизм». «Учитывайте, что у вас всего шесть минут на обсуждение и мы в это время будем ненавидеть друг друга», — сообщает ученикам 24-летний учитель истории Тимур Малкаров. Посетить урок самого молодого преподавателя школы мне посоветовали сами ученики. Я попадаю сразу же на дебаты по теме «Политические движения», в которых распалившиеся старшеклассники делятся на противоборствующие лагеря по пять человек.

Мерный гул прерывает выкрик социалистов: «Упраздняя классы, мы уменьшаем возможность ошибок человеческого фактора. Какие у вас предложения, либералы?» Нависая над столом, либералы предлагают обеспечить равные права и освободить человеческий дух. Последнее звучит так витиевато, что даже преподаватель уточняет: «Как вы собираетесь это сделать?» «Победим на выборах, объявим конституцию!» — объясняют либералы.

Шесть минут стремительно подходят к концу. Краем глаза я замечаю, что преподаватель смеется и явно получает огромное наслаждение от того, что ученики спорят друг с другом, окончательно войдя в образы правящей элиты. Одна группа не выдерживает и уходит обсуждать политические вопросы в коридор. Причем, как я слышу, школьники *действительно* продумывают аргументы.

Все происходящее становится похоже на предвыборные дебаты. «Разве человек с другим чином может управлять людьми? — спрашивает один из социалистов. — Мы говорим про равные возможности для всех!» «И возможности других людей!» — тут же вскакивает сидящая рядом с оратором девочка. «Войны, кровопролития… Страна устала! Разве вам самим это не надоело? Мы только что проиграли в Крымской войне. Будущие поколения скажут нам спасибо за наши решения!»

Урок окончен. Приз — высший балл — достанется только одной из групп, и Тимур пока еще не решил какой. «Главное — не дайте невнимательности убить свои знания», — сообщает Тимур всем напоследок. Позже я узнаю, что раззадоренные ученики продолжили дебаты даже на следующем уроке географии.

«По задумке дети должны были понять, в чем заключается повестка, цели, сильные и слабые места разных политических движений, — говорит мне после урока Малкаров. — Я мог бы просто выйти к доске, все им рассказать и дать список вопросов, на которые они должны ответить. Но так у них появилась цель. Как хищники, они будто почуяли кровь оттого, что им самим важно найти информацию. Одно дело, когда ты просто услышал и запомнил, и другое — когда эта информация нужна тебе прямо сейчас. По моему опыту, так школьники находят намного больше, чем я дал бы им на уроке».

Ученик Андрей настолько вошел в образ, что вышел к доске рассуждать о феномене свободности. «Сколько бы вы ни играли в свой либерализм, а у вас на Западе все равно существует чудовищный антагонизм классов, — сходу заявил он группе одноклассников-либералов. — У нас в России существует феномен свободности: вне зависимости от социального положения все стоят в одной церкви и слушают проповедь». Как вам? Запалом старшеклассников был впечатлен даже их преподаватель. «Такие вещи обычно обсуждают в университете», — сказал мне Тимур.

«Формат дебатов идеален для обсуждения вопросов, где есть несколько точек зрения, — объясняет Малкаров. — Дети всегда выступят за любой интересный формат». От самих школьников я знал, что Малкаров может накричать, выставить за дверь или поспорить — то есть сделать все, что и любой другой учитель в школе. Откуда же берется такое особенное доверие? «Все просто: в границах с учеником важно, чтобы не чувствовалась тирания сильного над слабым, — говорит мне Тимур. — Я никогда не выставлял никого за дверь, потому что у меня плохое настроение или я злюсь. У меня всегда было осознание, что я все делаю правильно. И если ученику кажется, что я поступил

несправедливо, мы всегда могли это обсудить. Например, если ученик категорически не хочет участвовать в происходящем на уроке. Есть одна установка, которую мне привили в боксерской секции: **не страшно, если кто-то что-то делает неправильно. Страшно, если халявят и не делают ничего**».

«Любые трения в классе можно решить разговором по душам, — продолжает Малкаров. — Просто важно, чтобы это была искренняя беседа, а не подделка. **Настоящая любовь к детям — это не сюсюканье.** Если ты придешь к ребенку и скажешь: «Дружище, я тебя очень люблю, но ты мне сегодня надоел», он воспримет это адекватно. Никто не будет обижаться, если почувствует, что ты делаешь что-то *для него*. Именно поэтому у меня сложные отношения с книгами по методикам преподавания: мне кажется, в них слишком много лишнего. Все они как будто написаны пожилым человеком, который в своей жизни общался с детьми в последний раз 20 лет назад. Этот старик рассказывает, как воспитать ребенка, который существует только в его голове. Ну зачем писать огромные статьи по медиации и урегулированию конфликтов? Просто поговори с ребенком без ограничивающих тебя шор. Забудь про фразу «Методологически так общаться неправильно». Поговори с ним как с человеком, и никаких проблем не будет. Я признаю, что книги по детской психологии нужны. Но мне кажется, что **душевный разговор с человеком даст в тысячу раз больше, чем любая методика**».

Во время написания книги я не раз становился свидетелем, как преподаватели ради эксперимента заменяли воспитание душевным разговором, и каждый раз это давало удивительные результаты. Причем такие истории возникали и за пределами школы: оказалось, что у абсолютно каждого моего собеседника есть свое, личное воспоминание. «У меня есть для вас одна история, — сказала мне однажды во время разговора девушка. — В 15 лет я ненавидела уборку. Возвращаясь домой после школы, я раздвигала локтями горы мусора и между ними комфортно сидела с тетрадкой. Из-за этого мы постоянно ссорились с мамой, которая требовала, чтобы я убирала свою комнату. И однажды мама встретила в вагоне метро мою учительницу из начальных классов. «Как ваша дочка? — спросила учительница и, вспомнив про мой возраст, уточнила наперед: — Ссоритесь?» «Ссоримся, — признала моя мама. — Она вообще не хочет убирать комнату. Живет в полном бардаке». — «А вам не кажется, что это *вы* хотите, чтобы она жила в порядке, а *ее* прямо сейчас все устраивает?» — спросила учительница. И рассказывая мне эту историю, мама призналась, что потом всю дорогу от метро до

дома размышляла: а ведь действительно, это *она* хотела, чтобы ее дочь занималась за чистым столом, складывала вещи стопкой в шкаф и аккуратно раскладывала на полке своих кукол — на случай прихода гостей. С этого дня мама перестала мне что-либо говорить по поводу уборки. Постепенно у нас наладились отношения. Но самое главное, что в какой-то момент я поняла, что теперь сама по себе, никто больше не несет за меня ответственность. И мне вдруг перестало нравиться, что у меня не хватает места на столе и ничего никогда не найти». Рассказавшей мне эту историю девушке сейчас 25 лет. И в своем доме она проводит уборку дважды в неделю.

«Одно дело, когда ты просто услышал и запомнил, и другое — когда эта информация нужна тебе прямо сейчас».

Тимур Малкаров

«Столько революций произошло в истории педагогики, и каждый раз говорят: «Вот эта методика точно сработает», — возвращает меня к школьным будням Тимур. — И что в итоге каждый раз остается? Только увлеченный своим делом

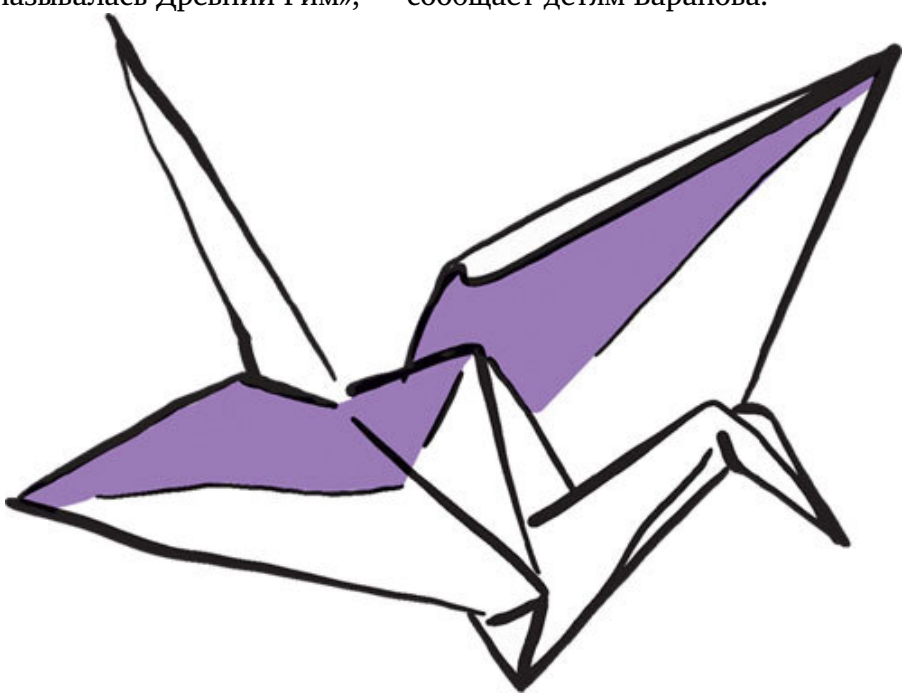
преподаватель и его ученики. Все. Остальное — лишь декорация».

Чтобы проверить эту теорию, я отправляюсь на свой следующий урок истории — и снова у молодого преподавателя.

14:10
Урок истории Разночинцы выходят к доске

Дети заходят в кабинет, учительница тут же вручает им мяч и делит всех на четыре группы. «Первая команда придумывает правила и никому их не сообщает. Ваша цель — победить всех, — говорит классу преподаватель истории Ксения Баранова. — Вторая команда играет против первой, но берет в свой состав участников из третьей и четвертой, причем может ими управлять. Половина третьей команды присоединяется к первой или второй. Вы, как и остальные, узнаете правила только при их нарушении. Вы не можете забивать мяч, но можете помогать другим. Наконец, четвертая команда: вы можете делать что-то, только если вас об этом попросят».

Игра начинается не на жизнь, а на смерть. Спустя три минуты учительница сорванным голосом спрашивает, как дети себя ощущают. Справедливо все устроено или нет? Лучше, когда правила знает один человек (например, учитель) или целая группа? Дети жалуются на дискомфорт и дружно соглашаются, что лучше, когда все в равных условиях — если уж не знать правила, то сразу всем. «А теперь представьте, что когда-то была страна с такими же правилами игры и вы в ней живете. Она называлась Древний Рим», — сообщает детям Баранова.



Патриции, которые придумывают законы. Плебеи, которые не знают законов, по которым их судят. Женщины, которые не могли голосовать или влиять на политику. И рабы, которые могут сделать что-то, только если им прикажут. Теперь детям нужно сделать главное: придумать лозунг, с которым они выйдут от своего сословия на митинг.

Это не обычное начало урока, потому что обычно занятие у Ксении стартует с картинки и вопроса. В первые секунды внимание школьников удерживается нагромождением странных, на первый взгляд не связанных друг с другом символов. И только в процессе дискуссии и догадок они вместе с преподавателем раскрывают настоящий смысл изображений.

Уже на следующем уроке истории на доске появится архивная черно-белая фотография полуразрушенного памятника, изображение календаря с датой «1 марта 1959 года» и обложка сочинений Чернышевского «Что делать?». Сразу при входе в кабинет школьники обнаружат на своих партах таинственные символы: «1Б», «М6», «Р3»… «В расположении этих символов нет никакой логики, так что об этом пока не думайте, — сообщает Баранова сбитым с толку, но явно увлеченным квестом школьникам. — Кто скажет мне, что означает «Р»?» «Рэперы?» — неуверенно уточняет один из учеников. «Есть еще версии?» — спрашивает Ксения, и в ответ звучит «Разночинцы». «Напомните, кто это? Люди из разных сословий, хорошо. Кто-нибудь что-то добавит?» Пару догадок спустя выяснится, что школьники за столами — это крестьяне, дворяне, духовенство и разночинцы.

«Какая теперь задача? Все очень просто, — говорит Баранова. — У вас есть сословие. Вы знакомы с реформами и понимаете, что они были направлены на изменение существующей жизни в обществе. Знаете, что были определенные вызовы, которые стояли перед Александром II, и он так или иначе пытался с ними справиться. У вас есть 12 минут, чтобы охарактеризовать свое сословие до и после реформ. Помните мем «ожидание / реальность»? Примерно то же делаем сейчас. Главная точка для нас — 1861 год, который начинает эпоху великих реформ. Чего люди тогда желали? Что вызывало у них трудности? И как их жизнь изменилась после?»

Ксения перемещается между столами, где на моих глазах завязывается честное обсуждение. «Мещане живут в городах, они свободны. Получается, что они индивидуальные предприниматели?» — уточняет один десятиклассник. «Можно и так сказать», — отвечает Ксения.

Все сословия готовы отвечать и по очереди выходят к доске. Ксения предупреждает, что у каждого — две минуты и три

пункта, по которым нужно выстроить речь: «до», «после» и «лозунг». «В результате нам всем придется решать судьбу народа, выбирая счастливых или несчастных», — объявляет Баранова. Крестьяне выходят, вкратце обозначают свою позицию и объявляют лозунг: «Жить без долгов». «У нас появилась группа самопровозглашенных крестьян. Саша, что ты хочешь добавить?» — «Раньше было лучше», — грустно констатирует самопровозглашенный крестьянин Саша.

Две минуты спустя дворяне призывают: «Верните крестьян!» Мещане жалуются на нехватку рабочих мест, денег и городского самоуправления — и что даже после реформы 1861 года в их жизни ничего не изменилось. «Все считают нас предателями», — жалуется духовенство. «Что ж, у нас получилась любопытная картина, — подводит итог Баранова. — Помните, мещане говорили о том, что после городской реформы самоуправления их положение не изменилось? Теперь посмотрите снова на изображения, с которых мы начали урок. Александр II установил в Нижнем Новгороде памятник тысячелетию российской государственности. Он считал себя продолжателем многовековой истории. Как называется политический курс, когда мы хотим сохранить жизнь такой, какой она была раньше?» «Консерватизм», — говорят в ответ школьники. «Верно. Социалисты, коммунисты, революционеры — все они получат широкое распространение после 1861 года. Как и Чернышевский, который в разгар этих событий впервые задаст вопрос о существовании более автономной истории. Все случившиеся затем революции можно рассматривать как продолжение того, что было в 1861 году».

Монумент на фото — фрагмент разрушенного немцами в 1944 году памятника российской государственности. Первое марта — повод для разговора о покушении на Александра II и восьми народовольцах, убивших императора в этот день. И Чернышевский, задающий сакральный вопрос: «Что делать?» Круг замкнулся.

«Меня как педагога интересует аргументация, — говорит мне после урока Баранова. — Я готова принять от школьников даже шуточный довод, но только если они готовы за него бороться. Недавно мы обсуждали культурное наследие Италии, и один десятиклассник пошутил, что фантик от конфеты — тоже объект культурного наследия. «Интересно! Сможешь обосновать?» — тут же спросила я его в ответ. Потому что **если идет работа только с датами и текстом, у детей возникает вполне закономерный вопрос: «А зачем тогда нужен учитель?»** И здорово, когда ребенок воспринимает тебя как ресурс. Как человека, который

может направить или помочь тебе вместе в чем-то разобраться. Ведь каждый аргумент зеркалится в обе стороны. Например, мы обсуждаем XIX век: весь мир поделен между крупными державами. Франция борется за новый внутриполитический режим и отстает от Великобритании. Почему так происходит? Кто принимал участие в порабощении Китая и «опиумных войнах»? Сформулировав факторы, мы можем сказать: «В Великобритании все было стабильно, поэтому англичане активно порабощали весь мир. Италия только укреплялась. А внутри Франции происходили революции, и этой стране нужны были достижения, чтобы добавить денег в казну». И это повод для обсуждения».

Слушая преподавателей, ты никак не можешь отделаться от мыслей об ироничности происходящего в современных школах. Стоит заглянуть в закон «Об образовании в Российской Федерации», и во второй статье можно обнаружить, что «неотъемлемая часть образования — создание условий для формирования и развития личности». Но все, что мы обсуждаем в связи со школой, сводится к тому, что личность в ней безжалостно вытравливают. Вместо нее — стандартизированный набор знаний, умений и навыков.

«Школа — это место опыта и проб, которое позволяет тебе понять и определиться, — говорит Ксения, прежде чем рассказать личную историю. — Я помню, как в детстве на уроке физики нам задали вопрос об условиях, при которых может произойти определенное явление. И я эти условия придумала. В реальности они были другими, и на мою версию преподаватели отреагировали достаточно жестко — так, что никаких ответов мне после этого давать не хотелось. Поэтому хороший учитель для меня — это человек, с которым я чувствую себя в безопасности. Мне не страшно с ним чем-то поделиться, ошибиться или сказать, что мне плохо и неинтересно. Потому что для учителя это тоже может быть ресурсом, чтобы разобраться вместе со мной в теме. Для меня **педагог — это человек, равный ученикам, но при этом модератор беседы**». И еще, как я выясню на уроках Барановой, «гарант правил, а не самовержец». «Самая верная установка — когда правила действуют и для учителя, и для ребенка, — говорит Ксения. — Такая модель подразумевает сотрудничество между тобой и учеником. Она не связана с личным отношением, когда ты прощаешь что-то только своим любимчикам. Если ты пообещал кому-то поставить единицу — ее нужно поставить. Есть правило, ничего личного, мы так договорились и не обсуждаем справедливость решения. Я как учитель — участник процесса, но я его навигатор, и я знаю, куда мы идем».

«Школа — это место опыта и проб, которое позволяет тебе понять и определиться».

Ксения Баранова

В книге «Школа будущего, построенная вместе с детьми» Александр Тубельский писал, что учитель и школьники вместе ищут ответ на главный вопрос: «Зачем я это делаю?» Педагог «стремится помочь ребенку прийти к самому себе, найти себя в мире и культуре и научить делать себя понятным для других». Все, что придумывает Ксения Баранова, — результат школы, которая была у нее самой, и преподавателей, которые были понятны ученикам. «Мы называли учителей по именам, а вплоть до восьмого класса у нас были «пакетные уроки» с единой темой, которая объединяла другие занятия, — говорит Баранова. — Учителя часто что-то придумывали. Например, на уроке словесности мы писали сочинения, состоящие только из слов на определенную букву. Или мы складывали случайно подобранные существительное и прилагательное, и получившаяся фраза — наподобие «шелуха ног» — становилась темой эссе. Мы относились к преподавателям как к людям. И говоря про взаимоотношения со школьниками, мне кажется важным, что они воспринимают тебя как человека. Потому что **самое интересное в работе с детьми — это слепок будущего взрослого, который**

ты видишь уже в первом классе. Черты, которые «выстрелят» гораздо позже. И когда понимаешь, что в твоих руках возможность этот слепок менять, ты не можешь не думать об ответственности».

14:50
Встреча

Проведите эксперимент: начните разговор о школе с подростком на равных. Да, звучит до неприличия банально. Что значит «на равных»? По пути на встречу со школьниками в библиотеке я и сам размышлял об этом.

Одиннадцать человек смотрели на меня в ожидании. После четырех уроков подряд журналист с пачкой вопросов вызывает разве что усталое любопытство.

Я ведь уже проходил через это. В каждой школе во время своего путешествия мне приходилось выходить к доске и рассказывать о себе — зачем я тут и чего хочу. Но только через несколько месяцев я понял, после какой фразы в глазах учеников зажигался огонек понимания: «Я посещаю школы, которых никогда не было у меня самого». У меня, как всегда, был только один инструмент: искренность. Когда ты не пытаешься заискивать («я-тоже-был-молодым») или говорить с высоты своего опыта. Ты просто делишься собственным интересом. «У меня есть для вас длинная версия того, почему я здесь, — и короткая. Какую вы хотите услышать?» — спрашиваю я. «Расскажите длинную», — не сговариваясь, отвечают школьники.

клянусь заниматься физикой
и не только физикой

И я рассказываю. О том, как подростки жаловались мне, что узнают информацию быстрее, чем ее могут дать преподаватели, и о том, что на них уже не действуют приемы, которые работали с предыдущими поколениями. Моя мама пыталась испугать младшего брата пыльной страшилкой «не выучишься — пойдешь дворником» и необходимостью «определиться с будущей профессией». В ответ брат молча развернул к ней ноутбук с историей о 65-летнем американском риелторе, который изобрел приложение для смартфона и разбогател за одну ночь. «Мама, этот человек нашел свое призвание в 65. Почему я в 16 должен знать, чем буду заниматься всю оставшуюся жизнь?» — спросил он. Мама не нашлась что ответить.

Рассказываю о том, что не верю в понятие «творческое развитие», потому что **все дети хотят познавать и исследовать мир. Ровно до тех пор, пока не идут в место, которое для этого и предназначено.** И вдруг родители этих любознательных и любопытных детей жалуются, что их ребенку не интересно ничего, кроме телефона (или — дословно от одной мамы — «помогите, моего ребенка за год научили ненавидеть все, что он до этого любил»). О том, как во взрослом возрасте я начал встречать людей, которые помнили своих школьных преподавателей, и был удивлен, насколько сильным может быть влияние других людей на тебя. О том, что сам прошел три школы, которые мне казались угревой сыпью — «нужно просто перетерпеть, это случается со всеми, пройдет само». И о том, как год ездил по учебным заведениям в разных странах мира, чтобы ответить самому себе на вопрос, для чего нам сейчас нужна школа. Оказалось, что этот вопрос не смешной и наивный, а самый главный и самый пугающий во всей системе образования. Все встреченные мной преподаватели и директора сами над ним размышляли, и наши разговоры на тему «Школа в эпоху Google и домашнего обучения» могли идти часами. Наконец, о том, что я хочу услышать их — тех, кого мы так редко спрашиваем о том, какой действительно должна быть школа.

Подростки дают советы взрослым

Проведите этот эксперимент, потому что — я уверен — вы поразитесь не меньше меня. Как только сидящий перед вами подросток увидит, что вам действительно интересно, вдруг откроется потайная дверь. Внезапно он поменяется в голосе и с нарастающей уверенностью начнет говорить о нелогичностях в системе образования, которые уже не замечаем мы, взрослые. Разбирая записи наших разговоров, я пойму, что монологи детей фактически не придется редактировать. Вот что такое настоящий диалог на равных, из которого вы, скорее всего, унесете куда больше, чем они.

«Я всегда мог красиво себя подать, и не более того, — говорит мне десятиклассник Матвей. — И хотя я прекрасно это понимал, до недавнего времени не было стены, о которую я бы ударился. Не было ничего, про что я мог сказать: «Для меня это сложно». Даже в школе я практически не появлялся: сдавал контрольные и уходил. На первом уроке литературы у Анастасии Николаевны Серазетдиновой я написал сочинение с огромным количеством деепричастных оборотов, красивых эпитетов и отсылок. И все это она разнесла. Мне сказали, что в этой работе «нет меня и нет смысла». Я был потрясен. Внезапно стало понятно, что мои предыдущие уловки больше не прокатывают и мне придется расти».

Я спрашиваю у подростков, что их по-настоящему раздражало за десять лет учебы в разных школах.

«Абсолютное непонимание со стороны учителей, — почти не задумываясь, говорит десятиклассница Катя и, опережая мой вопрос, продолжает: — Я не про учебу, а про отношение к личным

проблемам. Школа как институт не настроена на личностный рост. Учителей не касается твоя жизнь, она им просто неинтересна. Для какого учителя будет аргументом то, что тебе «морально плохо»? В таких случаях преподаватель обычно просто уходит от темы, ведь у него нет времени на личные разговоры».

«Мне очень не нравились две вещи, — говорит Филипп. — Первая — учителя вообще не понимали, какие мы. Они просто паковали и выпускали классы, как на заводе. А второй огромный минус — то, что можно было «проскочить», не сдав огромное количество предметов. Хорошо списал? Вперед, в добрый путь. У учителя больше не возникнет к тебе вопросов».

С каждой минутой наш разговор становится интенсивнее — словно мы вместе пережили очень важный опыт, но только сейчас, цепляясь за истории друг друга, начинаем восстанавливать его в памяти. «В школах видно, что у учителей нет мотивации стараться для детей, — говорит Соня. — Одна учительница нам так и сказала: «Я пошла работать преподавателем 20 лет назад, потому что школа была во дворе моего дома. А потом уже не смогла уйти». Матвей выносит вердикт: **«Учитель, который не может сказать, что быть учителем круто, — это не учитель».**

«Думаю, у каждого был момент, когда ты закончил контрольную раньше времени и захотелось почитать или порисовать, — говорит Филипп. — Однажды я сдал работу по физике и начал читать под партой «Северный марш» Андрея Белого. В какой-то момент я моргнул… а книги в моих руках больше не было. Встретившись взглядом с учительницей, я услышал: «Ты сейчас идешь к директору». Из-за книги, которую я читал. У нас была долгая беседа, причем у преподавателей не было никаких аргументов — они просто говорили, что наш класс расформируют. Можно ли вот так запрещать стремления человека?»

Через пятнадцать минут я, почти утонув в мягком кресле, понимаю, что могу молчать и не мешать монологам школьников.

«Мне кажется странным, что учителя в школе позволяют себе доводить до слез учеников. Ведь мы такие же люди, как они, просто младше, — говорит Катя. — Они могут заставить нас чувствовать себя некомфортно или вызвать родителей из-за какой-то ерунды. Меня однажды вызвали к директору за то, что я пришла в школу без пиджака».

«На моих глазах сверстников начинали обвинять по совершенно дурацким причинам, — говорит Варя. — Но, даже ругая за серьезные проступки, учителя делали это в совершенно непотребной форме. Ведь ученик не может дать тебе отпор. Нам

не говорят «Развивайся в эту сторону», нам говорят «Ты во всем виноват».

«Я часто слышала фразу: «Старших надо уважать», — говорит Варя. — Но я думаю, что **человека нужно уважать не за то, сколько он прожил, а за то, кем он является. Уважение зависит от поступков**».

«Преподаватели очень много уделяют внимания тому, что может произойти, — но этого не происходит. Учительница по русскому клялась, что я никогда не сдам русский больше чем на пять баллов. Знаете, на сколько я его сдала? На тридцать шесть. Недавно я встретила ту учительницу на улице, и она сказала мне: «Молодец, я всегда в тебя верила».

«Я никогда не слышал от преподавателей фразу: «Ты не один, мы решим это вместе». При общении с учителем всегда возникает чувство, что это *его* школа, *его* класс и он сам решает все».

«Мне часто говорили: «Если у тебя не будет высшего образования, ты будешь никем». Но я знаю, что если не поступлю, то сначала поработаю официанткой, а потом все равно стану учителем. Для меня важно, чтобы дети в сложных реалиях все равно учились с удовольствием. Я очень хочу… чтобы не было такого, как со мной».

«Да, в нынешней школе очень мало уважения к детям, и это взаимно. Подростки, как и все люди, не могут нормально относиться к тем, кто не уважает их».

«У нас в прошлой школе была девочка, которая пришла на урок со значком ЛГБТ и нашивками. После этого у нее начались жуткие разборки с директрисой. Ту девочку довели до слез и обвинили в пропаганде гомосексуализма. Потом это дошло до ее одноклассников, и в итоге девушку затравили».

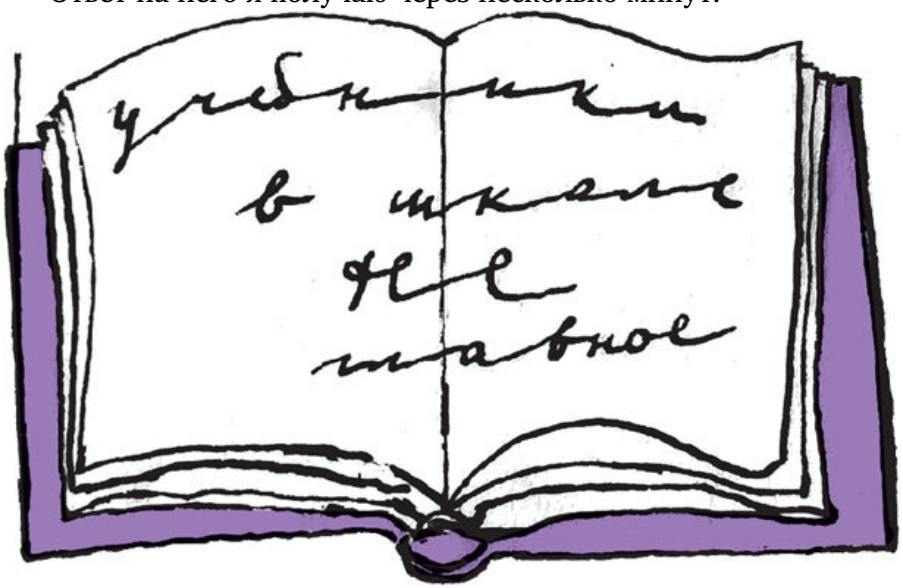
«А можно точку зрения бывшего хулигана? — внезапно спрашивает меня Филипп. — У нас в классе был парень, который ни с кем не мог найти общего языка. Я мог бы ему помочь, но в школе уже сложилась хулиганская атмосфера, а я не захотел выходить из толпы. И я этого парня бил. Довел до того, что он однажды заперся в туалете, а учительнице пришлось пойти за ножиком, чтобы вскрыть дверь. Сейчас, оглядываясь на свои поступки, я не понимаю, почему учителя просто не сказали мне, что выделяться из толпы и иметь свое мнение — это нормально. **Учитель должен всегда замечать, что в его ученике происходит внутренний конфликт.** Если это вовремя заметить, то потом можно избежать многих внешних конфликтов».

Мы расходимся, перебивая друг друга и договариваясь на новые встречи. «Я бы так хоть каждый день разговаривала», — признается Варя, и я стараюсь не выглядеть слишком радостным. «Вообще мне кажется, что никогда не будет довольных школой, — говорит мне перед уходом Филипп. — Я думаю, что новое

поколение будет говорить то же самое про нас. Только в другом контексте».

В коридоре второго этажа пятиклассники с хохотом пытаются обыграть друг друга в настольный футбол. Даже к вечеру здесь все еще жутко громко и почти запредельно близко. Когда в России стали появляться школы, больше похожие на штаб-квартиру Google, чем на классическое учебное заведение, стали появляться и вопросы: это и есть будущее образования? Или, скорее, образовательный эксперимент — как и попытка уйти от классно-урочной системы? И главный вопрос: к чему это все приведет?

Ответ на него я получаю через несколько минут.



15:10
Немного о важности туалетов

«Знаете, какая фраза меня всегда удивляла? «Школа готовит нас к реальной жизни». Что значит «готовит»? А 11 лет учебы — не жизнь? Из-за такого подхода **многие школу заканчивают, а жить так и не начинают.** Они говорят: «Я сейчас на этой нелюбимой работе денег заработаю, а потом займусь творчеством. И заживу!» Или: «Ничего, еще немного с этим человеком в отношениях побуду, а потом встречу свою настоящую любовь. И будет жизнь!» Или: «Вот куплю эту машину — и стану счастливым». Такие идеи формируются на этапе школы. Вот только очень часто бывает, что жизнь нас все время отвлекает от важного, а потом внезапно… заканчивается».

Наш разговор с основателем «Новой школы» Юлией Вешниковой проходит под саундтрек из легендарной лекции Кена Робинсона «Почему школы убивают креативность?». Ее в этих стенах регулярно повторяют на вмонтированном в стену экране — очевидно, для тех, кто забыл, зачем приходить в одно и то же здание в течение многих лет. «Очень часто дети на вопрос, как устроен твой день, отвечают: «До обеда у меня школа, а дальше — жизнь». Но ведь школа — это полдня минимум, — продолжает Вешникова. — Посчитайте, сколько будет шесть часов умножить на одиннадцать лет? Я думаю, что все должно быть наоборот: **школа должна научить ребенка качественно проживать каждый миг.** И окончив ее, они смогут ценить то, что у них есть».

Разговор с Юлией Вешниковой

Еще в детстве Юлия Вешникова замечала в учебном процессе огромное количество нестыковок — главным образом потому, что

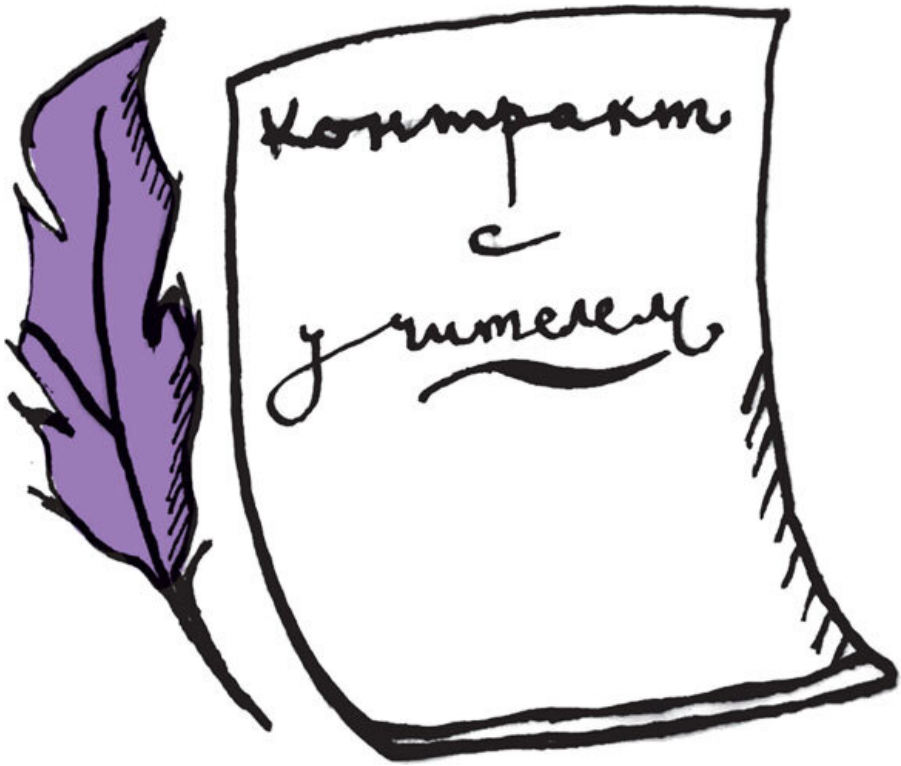
происходящее на уроках было сильно оторвано от реальной жизни. «Мне, ребенку, было не уловить ту «целостную картину мира», о которой сейчас так модно говорить, — рассказывает Вешникова. — В какой-то момент я поняла, что химия, физика и биология связаны и порой мы проходим одно и то же, просто с помощью разных дисциплин. Но заметьте: само слово «проходим» означает, что мы *проходим мимо*, а не изучаем».

Желтые фонари зимой, мрак раннего утра, ядовитый белый свет в окнах кабинета математики, напоминающий больничный коридор. Примерно так Евгений Гришковец описывал свой ежедневный поход в школу. Произносишь вслух и вдруг понимаешь, что мы все, самые разные люди, разделяем одинаковые воспоминания. Словно коллективная галлюцинация, которую вспоминаешь с иронией, как дурной сон. «Да, я прекрасно помню это ощущение: ты идешь в учреждение, в котором к тебе относятся как к винтику, — говорит Вешникова. — В столовой тебе кидают на тарелку холодные несъедобные сосиски, а в туалет невозможно зайти из-за чудовищного запаха. Все вокруг — сплошное неуважение к человеку. **Как мы хотим, чтобы дети во взрослой жизни уважали других, если они растут в обстановке, где их не уважает никто?** Говорят, что театр начинается с вешалки. Я считаю, что школа начинается с туалета. Кроме шуток. В них должны быть человеческие условия».

Ремонт в уборных, спортивном и актовом залах — первое, что Вешникова сделала в проекте реформирования 261-й школы несколько лет назад. «Я оканчивала университет в начале 90-х, когда люди просто выживали в поисках своей профессии. Советский Союз развалился, тема призвания была загублена, а о понятии «миссия» вообще никто не думал, — рассказывает Юлия. — Понемногу общество стабилизировалось, и у ряда людей появились мысли на тему самореализации. Поездив со своей трехлетней дочерью по разным дошкольным учебным заведениям, я увидела, что рынок образования не просто беден, он в плачевном состоянии. Больше всего меня поразило, что ничего не поменялось с тех пор, как я окончила школу. Когда ты работаешь в бизнесе, особенно в международных компаниях, у тебя расширяется восприятие, ты видишь, как живут и работают люди в разных странах. И тут я оказалась на «городском педсовете», собрании учителей и директоров Москвы. Слушая разговоры собравшихся, я в какой-то момент повернулась к своему знакомому и спросила: «Это не постановка? Сейчас ведь 2006 год. Они это все всерьез?» Лексика, лица, обсуждаемые учителями вопросы — все было таким же, как во времена моей учебы в школе».

Государственная школа № 261 не была коррекционной, но была «на грани», как называет ее Юлия. Со всего района в нее стекались дети, которые не могли учиться в других учебных заведениях. Они приходили в школу с пивом, курили, а разговаривали исключительно матом и глаголами-связками. За два с половиной месяца летних каникул Вешникова и Никита Мишин вместе с группой людей закончили капитальный ремонт здания, открыв школу 1 сентября. Вместо того чтобы привести новых сотрудников, они предоставили работающим в школе учителям полный карт-бланш. Буквально: можно было придумать что угодно, чтобы сделать школу живой. И вот тут началось самое интересное. «Одна из моих самых любимых историй связана с кабинетом биологии, — говорит Вешникова. — Мы предложили всем педагогам новые условия. За наши деньги — абсолютно любой их каприз, но при этом надо будет работать. Выяснилось, что большая часть людей работать совершенно не хочет. Я попросила учительницу биологии написать список всего, что ей хочется увидеть в классе. В моем воображении в кабинете можно было расставить цветы, микроскопы, вольеры с морскими свинками, аквариумы с черепахами и рыбками. Через два дня учительница принесла мне заявку, где на листе А4 было только одно слово: «Принтер». Я посмотрела на нее и спросила: «Послушайте, вы серьезно?» На что учительница мне ответила: «А принтер правда можно? Мне больше ничего не нужно. Я бы детям распечатки раздавала».

Ровно через год почти весь преподавательский состав школы вернулся из отпуска и коллективно положил на стол директора школы увольнительные. «Все жалуются на то, что в образовании не хватает денег. Это на самом деле неправда. **В действительности не хватает людей**, — говорит Юлия. — В 261-й школе почти все учителя были в возрасте и с большим стажем. Но в два часа дня здание уже было пустым. Преподаватели шли заниматься своими делами, внуками, репетиторством. Им не нужны были никакие премии. Поэтому ничего не изменится, если «залить» все школы деньгами. Такое временное решение только еще больше обнажит проблему «безлюдья».



Подойдя к образованию с точки зрения бизнеса, Вешникова пришла к выводу, что менять всю систему не только бесполезно, но и не нужно. «Идея была в том, чтобы найти требующие ремонта узлы и создать систему решений, которую можно переносить в любые другие школы, независимо от размера кошелька, — говорит Юлия. — Что-то делать с меньшим масштабом, что-то — с большим, но главное — менять принцип». Насколько удалось создать эту систему, лучше всего показывает история. Через неделю после массового увольнения учителей в 261-й школе появился новый штат преподавателей. Через три года на 24 места в первом классе поступали 169 детей. А сама школа стала вдвое больше: на момент ухода команды фонда «Дар» в ней училось уже не 218 человек, а больше 400.

«**Когда ты понимаешь, как изученное пригодится тебе в жизни, сохраняется осмысленность и интерес.** И на этом природном, естественном любопытстве, которое есть у всех детей с рождения, на самом деле можно и нужно «ехать» всю жизнь, — говорит Юлия. — Как его сберечь? Во-первых, дать возможность детям задавать вопросы. Учителю, родителям, другим детям. Сохранить эту привычку, потому что все дети — «почемучки», но уже к среднему школьному возрасту перестают задавать вопросы. Потому что боятся. Потому что их учат молчать. Кстати, часто по причине того, что педагог сам не знает ответа на их вопрос».

«Слово «проходим» означает, что мы проходим мимо, а не изучаем».

Юлия Вешникова

Второе, что, по мнению Вешниковой, важно разрешить делать в школе, — позволять ошибаться. Не позволять делать все, что хочешь, а сделать так, чтобы обратная связь или отметка действительно давали ребенку возможность понять, что и зачем он делает, сколько уже изучил и что еще предстоит узнать. «Часто идешь по улице и слышишь, как ребенок по телефону отчитывается, говоря грустным голосом: «Нет, мамочка, нам правда сегодня ничего не ставили», — рассказывает Юлия. — И понятно, что с той стороны звучал вопрос: «Какие у тебя сегодня были отметки?» Не «Что ты узнал?», даже не «Как прошел твой день?». И если отметки так себе, то после такого разговора уже и жить не особо хочется. **Точно так же родительские собрания в их сегодняшнем виде, с публичной поркой детей, — это неуважение к личности ребенка и родителя.** И, в общем, педагога, который расписывается в собственной беспомощности. Поэтому начинать нужно всегда с уважения к себе. Очень часто мы видим, что когда у человека отсутствует уважение к себе, он не уважает и других».

Но как говорить с родителями об уважении к своим детям?

Как найти язык, который поможет пробить «броню», с которой встречают любые подобные разговоры учителя и многие родители? «Сначала обнять и пожалеть их внутреннего ребенка. Папы и мамы выгорают по понятной причине. **Нас учат такому огромному количеству вещей вокруг, а быть родителями — не учит никто,** — говорит Юлия. — Считается, что все это умеют. А это не так. Быть хорошим родителем — это круглосуточная работа, без выходных, на всю жизнь. И вот когда ты после этого шага с ребенком разговариваешь как с человеком, когда он понимает, что у него есть право выбора и право на ошибку, он чувствует себя по-настоящему живым».

Через несколько дней на первом этаже школы появится картонная табличка с одной-единственной надписью — вопросом, который Вешникова считает самым главным в жизни человека. Белыми буквами на картонной табличке будет выведено: «Всегда задавай себе вопрос «Зачем?».

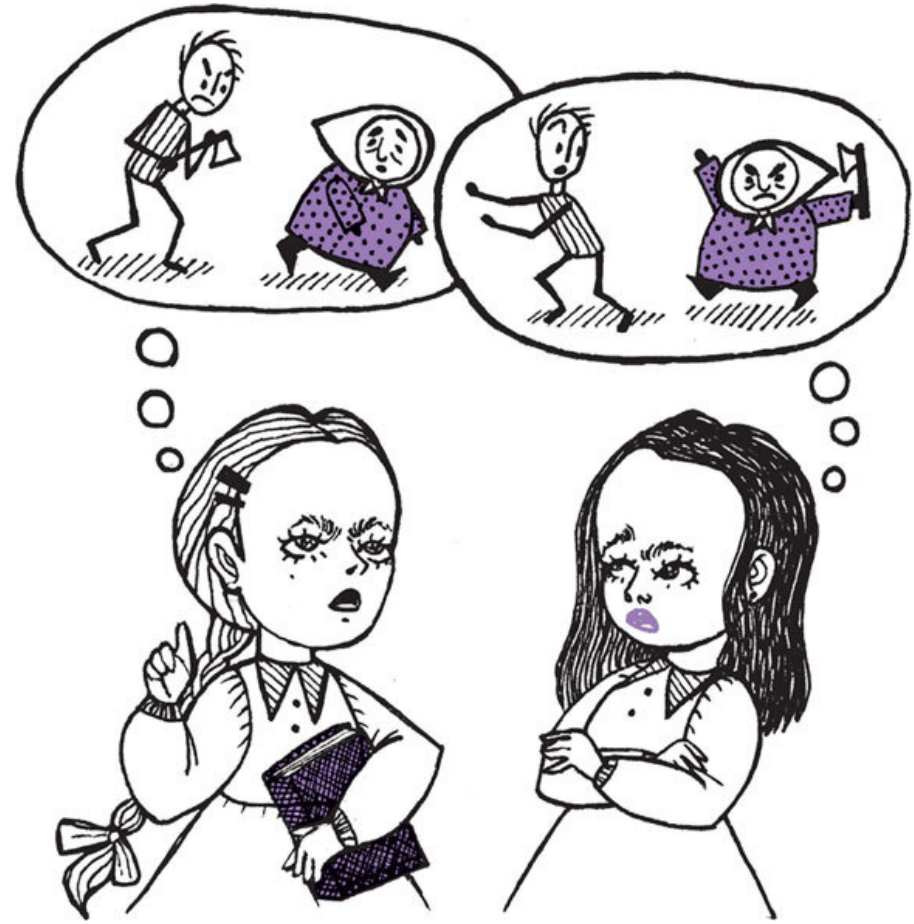
15:25
Преподаватель Стэнфорда напуган

Не думайте, что только учителя и родители чувствуют беспомощность в решении вопросов с гаджетами или детской нелюбовью к серьезной литературе. Даже ведущие ученые мира не сразу подскажут вам, что с этим можно сделать.

«Знаете, я удивлен тем, что в России дети хотят читать «Гарри Поттера», а не классику, — это ведь ровно то же, что происходит в США с моими детьми и детьми моих друзей», — говорит мне Роберт Сапольски. Преподаватель Стэнфорда, приматолог и 62-летний автор нескольких бестселлеров признается, что некоторые связанные со школой вопросы заставляют размышлять и его самого. Особенно необходимость оправдать свои действия.

Несколько дней назад класс Сергея Волкова заполнил тесты, где в одной из граф школьники указали плюсы обучающих их преподавателей: то, что к учителям «не привязываешься». В процессе размышлений над этой почти буддийской формулировкой Волков пришел к выводу, что **непривязанность к педагогу — преимущество**. «Меня это даже радует, — сказал мне Сергей. — Определенная часть людей становится учителями для того, чтобы властвовать над другим человеком. Я недавно изучал анонимный опрос о мотивах прихода в профессию высококлассных хирургов. Одной из самых распространенных причин оказалась: «Когда я держу на кончике ножа сердце другого человека, я чувствую себя властелином». При этом, подпитываясь этой «низовой» энергией, человек может делать огромное количество добра. И тогда возникает вопрос: если хирург честно делает операцию, испытывая жажду власти над пациентом, значит ли это, что он плохой человек? Ведь иначе больному на операционном столе некому было бы помочь. Возможно, сейчас такое количество людей работает в школах, потому что они бессознательно тянутся к молодости. Или неосознанно жаждут манипулировать, быть в центре внимания — я знаю это и по себе. Есть искушение думать, что ты «кормишь» школьников текстами из своих рук. И когда дети пишут о «непривязанности», это значит, что они не хотят меня подпитывать. Я через них получал энергию, а они теперь держат меня на расстоянии. Это очень отрезвляет». Я тогда спросил у Волкова, не потеряет ли он без этой подпитки интерес к преподаванию. «У меня есть и другие способы получать от мира

любовь, — сказал он. — А на уроках я всегда найду где с детьми посмеяться и где подколоть».



«Вот я не уверен, можно ли считать такое желание быть в центре внимания «плохим мотивом» со стороны учителя, — говорит мне Сапольски. — Есть ли большая разница между «Я счастлив, что эти дети теперь любят Толстого» и «Я счастлив, что помог этим детям полюбить Толстого»? Похожий вопрос долгое время беспокоил философов и биологов: существует ли чистый альтруизм или во всем и всегда присутствует элемент личного интереса? Обычно все приходят к выводу, что второй аргумент правдив. Но тогда возникает следующий вопрос: почему интерес именно в этом? Для меня **учительское желание повлиять на ребенка связано с осознанием человеком конечности собственной жизни.** Ученые называют это «теорией управления страхом смерти». Это то, как вы справляетесь с пониманием, что однажды умрете. Часто ответ на этот вопрос очевиден: оставить след в истории, быть влиятельным. Конечно, преподаватель не думает: «Как же здорово, что я оказал влияние, — возможно,

благодаря этому люди запомнят меня после смерти». Но на бессознательном уровне это может его подпитывать. Ну и не стоит забывать про национальные различия. В индивидуалистских культурах вроде США людям нравится оказывать влияние. В более коллективистских (например, в Китае), людям некомфортно оттого, что они меняют других. Так что эквивалентом «Здорово, что из всех учителей я оказал на ребенка самое сильное влияние» может быть «Здорово, что я был лучшим учеником у этого учителя». Кажется, несмотря на десятилетия коллективистского мышления в России люди больше склоняются к индивидуализму».

Этой же теорией управления страхом смерти Сапольски объясняет одержимость ЕГЭ и подобными экзаменами по всему миру. «Это отчаянное желание оставить наследие и преуспеть в жизни, просто с помощью своих детей, — говорит Сапольски. — Американцы точно так же сходят с ума по вступительным экзаменам в вузы. Возможно, вы слышали о громком скандале в США, когда выяснилось, что обеспеченные родители обманным путем устраивали своих детей в лучшие университеты страны».

Когда я говорю Роберту о важности поиска упаковки в эпоху переизбытка информации, он согласно кивает — без понятного объяснения сложнейших вещей его лекции в Стэнфорде никогда бы не стали глобальным хитом. «Современная цензура — это не блокирование информации. Это выпуск невероятного количества материалов, большая часть которых будут несущественными. Так, чтобы никто не смог найти важного, — говорит Сапольски. — Несколько лет назад я работал с маленькой юридической фирмой, которая судилась с гигантом химической промышленности. С моей стороны в иске участвовали два адвоката, которые выступали против фирмы с оборотом в несколько миллиардов долларов. В какой-то момент мы запросили у оппонентов информацию по одному вопросу, и в ответ нам прислали документ объемом 10 тысяч страниц — очевидно, для того, чтобы нас парализовало от количества информации и мы никогда не нашли нужного. Но тут интересно другое: как люди принимают решения при столкновении с такими объемами информации».

Самый простой ответ — во всем виноваты технологии. Роберт Сапольски приводит мне его в пример, чтобы затем объяснить, почему самый очевидный ответ — не всегда самый верный. «Средства коммуникации действительно становятся все быстрее: газеты, радио, телевидение, теперь интернет. **Проще всего сказать, что мы приучаем каждое новое поколение быть все**

более нетерпеливыми по отношению к получению информации, — говорит Сапольски. — Но я думаю, что есть кое-что более фундаментальное. Исследования показывают: люди принимают интуитивно верные решения в экстремально короткие промежутки времени. К примеру, американцы при одном взгляде на человека могут абсолютно точно угадать, республиканец перед ними или демократ. Подозреваю, что дело вот в чем: процессы вынесения суждений и принятия решений проходят на бессознательном уровне очень быстро. А то, что мы считаем неторопливым «размышлением о чем-то», — это лишь поиск логичного объяснения принятых решений, которое проводит сознательная часть нашего мозга».

Лекции Роберта Сапольски по своей драматургии напоминают криминальный триллер — и не только потому, что уже в начале своего курса преподаватель рассуждает о самых необычных оправдательных приговорах убийцам. Чем дальше, тем больше аудитория сидящих перед ним студентов включается в игру-угадайку, которую подкидывает учитель, почти с детским восторгом реагируя на неожиданные повороты сюжета — вроде бейгла с сыром, которым Сапольски угощает угадавшего ответ студента. «Система, когда молодые люди перенимали опыт и учились у людей старше их, существует миллионы лет. Но только в последние несколько веков люди изобрели такой странный способ передачи знаний, как долгое сидение детей в одном месте, напротив одного говорящего им что-то взрослого. «Кажется, эта система не особо работает большую часть времени, — говорит Сапольски. — Изолированность школ напоминает мне поверье в педиатрической медицине, существовавшее в США в первой половине XX века. В то время худшим, что могло случиться, был приход родителей в больницу. Не говоря уже о самой возможности увидеть своих детей или подержать их на руках. Важный вопрос вот в чем: как мы принимаем решения о том, какой преподаватель хороший, а какой нет. Возможно, это тоже связано с особенностями распространения информации. Достаточно посмотреть исследования о циркуляции слухов в сети — они показывают, что негативная информация и «плохие новости» распространяются не только быстрее, но и охватывают более широкую аудиторию. Причем люди с большей вероятностью перешлют другим именно такие новости, а не что-то созидательное. Так что, возможно, иногда достаточно одного мнения ученика в классе: «Урок был скучным, а учитель — злым», и эта информация будет распространяться быстрее, чем мнение другого ученика о том, что урок был очень интересным».

Сапольски так долго изучал стресс и его влияние на

человека, что даже разговор о «хорошем уроке» сводит к влиянию гормонов. «Никто из нас на самом деле не хочет полностью убирать переживания из своей жизни, потому что иначе мы умрем со скуки. Нет, **мы хотим правильной дозы стресса — той, что мы называем стимуляцией**, — говорит Сапольски. — Возможно, идеальный школьный урок — это когда ученики проводят половину времени в размышлениях о том, что тема для них слишком сложна и они совершенно точно ее не поймут. А в оставшиеся 50 % времени они напряженно размышляют о том, как смогут это сделать. Стресс — это точка опоры посреди океана неопределенности».

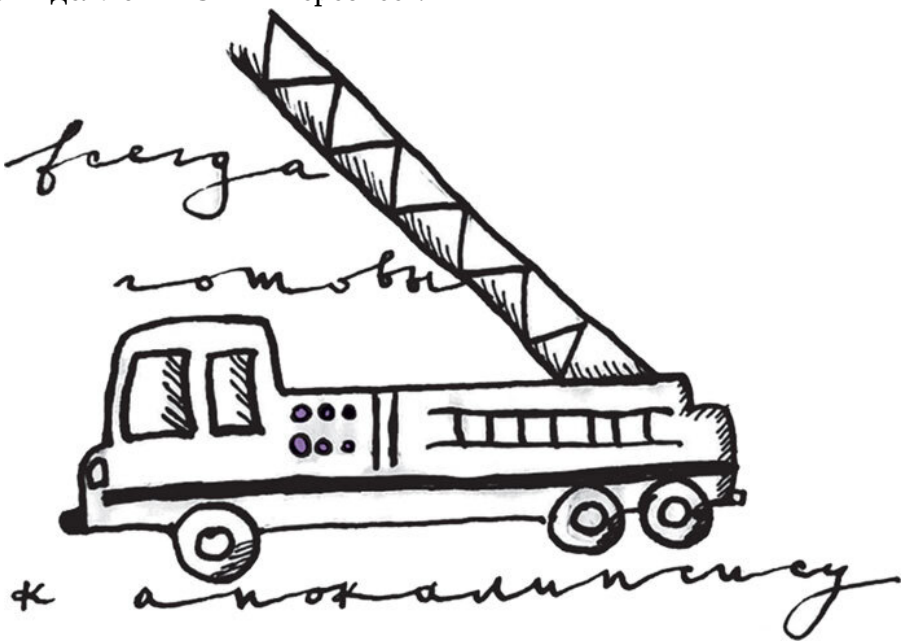
Я спрашиваю у Сапольски о мучающем всех вопросе использования гаджетов, и вот тут опытный ученый с трудом находит ответ. «Сейчас я начинаю ощущать, сколько мне на самом деле лет, — говорит Сапольски. — Вся история человечества убеждает, что бояться не нужно — **наша зависимость от гаджетов ведет свой отсчет с момента, когда люди изобрели письмо.** Каждое поколение переживает, что жизни молодых людей будут разрушены новыми формами коммуникации и развлечения. Но каждый раз страхи оказываются беспочвенными. Проблема в том, что это рациональный взгляд. А есть эмоциональная сторона: посмотреть на молодежь и ужаснуться происходящим. Мы с женой боремся с нашими детьми, которые увлечены смартфонами». Рациональная и эмоциональная сторона? Если подумать, то этим разделением действительно можно объяснить многое — от нашей боязни гаджетов до страхов перед ЕГЭ.

В предисловии к «Биологии добра и зла» Роберт Сапольски признавался, что пессимисту внутри его пришлось подвинуться и уступить место оптимисту. Я почувствовал то же самое после двух лет, проведенных в школах, и особенно после неформального общения с преподавателями. «Где их взять, хороших учителей? Вы же понимаете, что их совсем мало», — раз за разом говорили мне педагоги. Эта фраза казалась мне чудовищной. Потому что означает, что мы легко списываем в утиль большую часть работающих сегодня учителей.

Сапольски говорит, что большинство учителей в США давно «выгорели» — и больше их детям могут навредить разве только «выгоревшие родители». Оптимист внутри меня научился безошибочно находить таких «выгоревших» — от них после рассказа об интересных преподавательских приемах ты обычно слышишь в ответ: «Ну и к чему это все приведет?» За время написания книги я подумал о другом: мы всегда делаем работу либо для себя, либо для других. И если учитель когда-то оказался

в школе, потому что действительно хотел передать что-то детям, но за годы усталости урок превратился для него в сеанс эмоциональной разрядки, то на этот случай есть набор инструментов, который поможет снять напряжение почти так же, как сеанс хорошего массажа убирает напряжение в теле. «Можно ли «исправить» плохих учителей? Надеюсь, что да, — говорит мне Сапольски. — Возможно, такие люди никогда не станут великими преподавателями, но в правильных обстоятельствах и с помощью тренингов они точно смогут стать лучше».

«Знаете, я слышал много разных педагогических ответов на вопрос «Зачем нам нужна школа?» — говорю я Сапольски. — Но мне интересно услышать ответ с научной точки зрения». «Я не смогу дать научный ответ, который не выглядел бы абсурдным, — отвечает Роберт. — Вместо этого я отвечу фразой, которую однажды услышал: «Почему учеба и школа нужны? Потому что они делают жизнь интереснее».



15:40
Тревожный звонок

В коридорах школы буквально в воздухе ощущается напряжение. «Уже посмотрели запись?» — спрашивают сотрудники друг у друга, словно речь идет о преступлении, совершение которого еще только предстоит доказать. Но, как выясняется, преступление все-таки совершено. В школе произошла драка между двумя старшеклассниками.

Запись происшествия, попавшего на камеру наблюдения, посмотрели учителя. Запись посмотрел директор. Запись посмотрела даже Юлия Вешникова. В коридоре я сталкиваюсь с учителем геометрии Яковом Борзенко, которому теперь предстоит провести профилактическую работу с учениками. С первой же фразы мы переходим на «ты» (как я потом выясню, в школе нет человека, с которым Яша общался бы иначе).

Суматоха на почве рядового события меня искренне удивляет. Любой выпускник государственной школы помнит: чем старше становишься, тем больше учебное заведение напоминает юношеский филиал «Бойцовского клуба». «Яша, ты же понимаешь, что такие драки в учебных заведениях происходят каждый день?» — уточняю я. «Вот чтобы они не происходили каждый день, нам сейчас и нужно разобраться до конца», — отвечает Борзенко.

Мысль о том, что нужно сменить карьеру бизнес-консультанта на работу учителем, пришла к Борзенко в лагере Филиппа Бахтина «Камчатка». После той поездки очень кстати поступило предложение стать заместителем директора одной московской гимназии. «Я, конечно, совершил тогда огромное количество ошибок, — говорит мне Борзенко. — Бизнес-тренинги учат тебя за три дня завоевать доверие у людей, которых ты после этого никогда больше не увидишь. В школе очень быстро становится понятно, чего ты по-настоящему стоишь. Чем больше ты «продаешь» себя, тем большими проблемами это оборачивается впоследствии. В начале работы я, никогда не работавший в школе 25-летний парень, рассказывал взрослым коллегам, какой я крутой. Спустя полгода, когда я не оправдал всех надежд, я понял, какие репутационные потери приносит такое поведение».

Сейчас такой же ошибкой начинающего преподавателя Борзенко считает попытки сблизиться с детьми. «У меня было дикое желание понравиться школьникам, говорить с ними на одном языке, — рассказывает он. — Помню, что сразу после

прихода в школу я предлагал им подписаться на свой «Инстаграм». Но, на мой взгляд, с детьми нельзя дружить. **Теряя границы, ты можешь оказаться в щекотливой ситуации: сегодня ты для ребенка друг, а завтра от него что-то требуешь.** И это оттолкнет их от тебя».

«Зайчик на танке» — так Яша называет теорию, с которой сверяется после каждого диалога с детьми. Теория, которая, на его взгляд, полезна всем педагогам и родителям. «Ее суть в том, что отношения к своим и чужим интересам можно представить в виде двух осей: X и Y, — говорит Борзенко. — По оси X проходят интересы другого: твоя внимательность к людям, забота, душевность, теплота. А по оси Y — собственные интересы: пунктуальность, целеустремленность, ответственность. Если у тебя отрицательные значения по обеим осям, то ты — «амеба»: тебе плевать на себя и на то, чему ты учишь детей. Если человек умеет заботиться о своих интересах, но не видит чужих — это «танк». Ты помнишь о своих целях, и дети на твоих уроках действительно учатся. А если человек заботится о других, но забывает о себе — это «зайчик». Он милый, внимательный, может уступить и гораздо лучше танка видит другого человека. Но такого учителя детям легко увести в сторону: урок закончится, а тема останется непройденной. Последний вариант — «зайчик на танке». Он может немного проехать вперед, потом вылезти из люка и посмотреть, в каком направлении движется его партнер по диалогу. А уже затем немного повернуть в сторону или сдать назад. Это идеальная ситуация: в одном случае я иду навстречу, а в другом — осознанно иду на поводу. После очередной рабочей коммуникации можно посмотреть на эту схему и увидеть, чего тебе не хватило, чтобы стать «зайчиком на танке».

«Уважение к взрослым»? — переспрашивает меня Борзенко. — Не знаю, что это. Я знаю, что такое уважение к отдельно взятому человеку. Правда, часто оно измеряется страхом — особенно страхом, что уважения нет. К сожалению, большое количество детей в школах заставляет преподавателей пользоваться оперативными инструментами вроде подавления. Это хорошо во время эвакуации — испугался, обиделся, но сделал все правильно. Но ты не можешь пользоваться такими средствами всегда. Нужно ограничивать классы — потому что, если перед тобой 30 человек, ты невольно превращаешься в «Марьиванну». А, чтобы быть успешным у детей, учитель должен уметь приковывать к себе внимание, потому что одна из составляющих этой профессии — быть шоуменом. А еще педагог должен относиться к происходящему с иронией, чтобы на уроке было интересно. У меня в школе был один очень строгий учитель. «Мне

нужна такая тишина, чтобы было слышно жужжание лампочек!» — говорил он, и мы все испуганно затихали. Но за этим всегда следовала ирония: «Я ставлю вам пять! Единиц! В одну клеточку!» К нему на урок мы ходили как на спектакль».

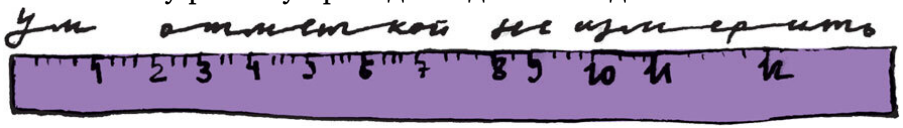
«В школе очень быстро становится понятно, чего ты по-настоящему стоишь».

Яков Борзенко

Директор одной из самых инновационных школ в мире, датской гимназии Ørestad, однажды сказал мне: **«Школа должна обучить тебя навыку, который нам всем понадобится в будущем, — эмпатии».** В ближайшее время Яша хочет создать в школе сообщество «Неравнодушные люди»: учить детей не предметам, а личной ответственности. «Мне хотелось бы, чтобы после этих уроков случилась всего одна вещь, — говорит Борзенко. — Если ты во взрослой жизни увидишь, что что-то идет не так, ты не будешь думать: «Это начальство виновато», не будешь жаловаться или ябедничать другим. У тебя не будет включаться «синдром Эфиопии», когда происходящее в другой стране волнует больше, чем дыра в асфальте у дома. Ты просто

возьмешь и что-то сделаешь, потому что тебе самому тут жить. Вот у меня спрашивают о правилах, как включить детей в процесс. Правила могут быть разные — ты только с собой сначала определись, а потом детей включай в процесс».

Он, конечно, лукавит. Да, дружить с детьми Яков Борзенко не советует, но незадолго до разговора со мной он подсел пообедать к шестикласснику, который сидел за столом один. И тот рассказал Яше про свою предыдущую школу, оставшихся в ней друзей, про не самого отзывчивого брата. Борзенко предложил школьнику позвать его бывших одноклассников, чтобы провести с ними урок в качестве преподавателей. «Так всегда: в школе ты понемногу занимаешься всем, — вздыхает Борзенко. — Пытаешься изменить мир для других детей, а к своему собственному ребенку приходишь домой поздно».



16:15
Кабинет директора Прививка реальностью

Десятилетний сын Марии из Москвы позвонил в Министерство образования с вопросом, имеет ли право учитель кричать на детей. Ему авторитетно ответили: «Не имеет». Об этом школьник сообщил преподавателю, который повысил голос на его друга. «Человек должен защищать свои права», — объяснил родителям Максим. Сегодняшних школьников нельзя подавить страхом, потому что у них действительно другой взгляд на мир: если что-то не так, это нужно не откладывая исправить. Возможно, именно для этого мира нужны школы, напоминающие места, где нам всем предстоит работать в будущем, чтобы мы не чувствовали себя после выпуска как выкинутые на берег рыбы в незнакомом и недружелюбном мире.

«Часть людей считает, что превращать школы в подобие бизнес-компаний — это утопия и глупость, а часть — что без такого подхода школа станет архаичным институтом, — говорит мне Кирилл. — Истина, как обычно, где-то посередине. Мне кажется, что современной школе необходима прививка реальности. Мы живем во взрослом мире, где принято иметь навыки коммуникации, грамотно выражать свои мысли и пользоваться электронной почтой. А сегодняшний учитель может прожить всю жизнь, не столкнувшись с деловой перепиской, и быть совершенно некомпетентным в коммуникации. Но ведь этот человек общается с родителями. Из таких мелочей и складывается пренебрежительное отношение к профессии педагога».

Остается понять, что делать школам, у которых нет ресурсов превратить свое пространство в своеобразный стартап из Кремниевой долины, то есть большинству школ в маленьких городах России. «Дело в том, что место не важно. Провинциальность идет изнутри, а уровень культуры в школе задает директор, — говорит Медведев. — Мы недавно брали на работу учительницу — я не хотел, но коллеги просили, да и август уже был, отзывы у человека хорошие… Я спрашиваю у девушки: «Какую последнюю книгу вы прочитали?» Она отвечает: «Читать из-за работы не успеваю». — «Ну ничего, у меня самого времени на книги не хватает. Но может, спортом занимаетесь или увлечения какие-то есть?» — «Тоже нет». Человек работает учителем в младших классах, в три часа дня уходит домой — и все, жизнь ограничивается только этими рамками. А где глубина

личности, с которой столкнется ребенок? Что ты передашь детям, если у тебя ни к чему нет внутреннего стремления? Рост по карьерной лестнице — не единственное, чем должен руководствоваться человек в своей жизни. **Беда случается, когда останавливается твое внутреннее движение.** Когда ты начинаешь эксплуатировать то, что уже умеешь, и не пытаешься учиться».

Может быть, для этого в начале года в «Новой школе» придумали опросник: детям раздается список вещей, которые преподаватели сделали в своей жизни, и школьникам нужно угадать, кто совершил тот или иной поступок. «Проехал 400 километров на велосипеде по Франции», «погружал руку в ртуть», «трогал палец, которому больше 400 лет» — со своими догадками ученикам предстоит подходить к каждому педагогу. Причем в случае неудачи придется решить три выданных учителем задания. Эффект неожиданности срабатывает безотказно: с таким же удивлением мы узнаем о неизвестной нам жизни родителей — совсем непохожей на ту, к которой мы привыкли с детства.

О том, что не стоит останавливаться в развитии, Кирилл знает на личном опыте. «Я оканчивал мехмат — интеллектуальную нирвану, где ты продолжаешь развиваться только в определенных сферах, — говорит он. — Это как упавшее в болото дерево, которое вязнет в трясине. Но у меня психотип ученого-коммуникатора: я увлечен не столько математикой как предметом, сколько математикой преподавания. И у меня случилось «эмоциональное размораживание», когда я со школьниками начал ставить мюзиклы и организовывать лагеря. Поэтому сейчас я прихожу на уроки с целым списком деталей, за которыми наблюдаю. **Самый простой вопрос, на который я ищу ответ: «Отдал бы я этому учителю своего ребенка?»** А уже дальше важно, насколько преподаватель горит своим делом, чувствует ли он класс. Видит ли детей или обращает внимание только на себя. Какая динамика у школьников — кто из них не включен в урок и сидит в телефоне».

Я спрашиваю у Кирилла, не думает ли он, что с его приходом уроки становятся театральными — как всегда случается с приходом проверяющих. В ответ он рассказывает о своем любимом наблюдении: куда бы ни зашел директор, там всегда будет тихо. «Недавно на уроке географии я увидел, что две половины класса учатся одновременно в разных кабинетах, — говорит Кирилл. — Я спросил у преподавателя: «В чем логика такого разделения?» На что мне ответили: «Одни — буйные, а другие — нет». И когда я намекнул, что происходит что-то не то, учитель начал повторять, что делили без него, он не в курсе. А

поговорить с другими преподавателями? Выяснить, почему так? А если бы никто не помог педагогу увидеть эту нелогичность? Я предложил: «Попробуйте поменяться группами, а потом скажите друг другу, что увидите со стороны. И если будут подозрения, что вы делаете что-то не так, то устройте встречу и попробуйте понять, что именно».

Нам всем сильно повезет, если мы не сможем объяснить следующим поколениям целый список происходящего в нашем общении с детьми. Фразу «Я — последняя буква в алфавите», ворох домашней работы после шести проведенных в школе часов и родительские собрания, которые превратились в средство манипуляции. Насколько знакома вам фраза, произнесенная вернувшимися домой родителями: «Собрание прошло хорошо, о тебе ничего не говорили»?

В «Новой школе» попробовали выйти из колеса сансары числовых отметок: в начальных классах тут обходятся обратной

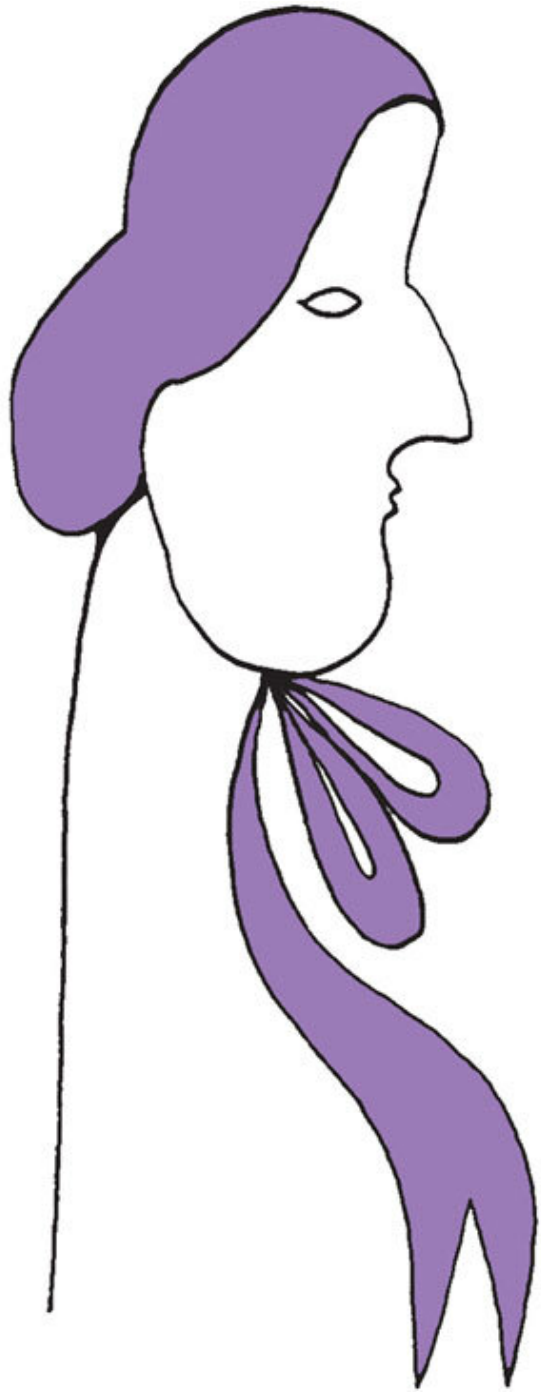
связью, в старших — более гибкой 100-балльной системой оценки. Но проблему «отчитывать ребенка за неуспеваемость или нет» для родителей это не сняло. «Мамы и папы спрашивают меня: «А когда надо включаться в процесс — когда у ребенка меньше 50 баллов?» Я так и не смог объяснить родителям, что не надо вообще выключаться из жизни своих детей, — говорит Кирилл. — Есть родители, которые просят «объяснить простым языком». Мол, мы понимаем, что 2 или 3 — это плохо, 4–5 — хорошо, а вот 100-балльная система — это что? Я говорю им: «**Надо спрашивать не про отметки, а про состояние детей.** Есть ли у них объяснение мотивов их действий или бездействий». «А вы как директор не хотели отменить отметки вообще?» — спрашиваю я. «Я размышлял, как нам всем перестать цепляться за баллы, но оценка как обратная связь ученикам в любом случае нужна, — говорит Кирилл. — На мой взгляд, оценки сами по себе не превращаются в средство манипулирования. Их *превращают.* У меня вообще была мысль ввести процент освоения материала и оценивать учеников таким образом. Понятно, что успешность идеи рассудит только время. Ты взял первый класс, выпустил его через одиннадцать лет, подождал еще пять после того, как они окончили вуз, и сказал всем: «Видали?»

В одном из лучших фильмов в жанре нуар «Секреты Лос-Анджелеса» главный герой пытается расследовать коррупцию в своем полицейском участке, но никак не может найти поддержки у коллег. «Ты вообще помнишь, зачем пришел сюда работать?» — спрашивает герой в отчаянии у старшего по званию. За долю секунды мы видим трансформацию на лице собеседника — от самодовольного «ну-что-ты-хочешь-мне-сказать» до ошеломленного свалившимся на него знанием человека. «Не помню», — говорит он, и его взгляд тускнеет. Когда-то Нил Янг спел: «Лучше сгореть, чем угаснуть», но для учителя эта фраза звучит почти как издевка. У педагогов профессиональное выгорание происходит незаметно. Те, кто в начале своей работы смеялся над собирательным образом «Марьиванны», внезапно ловят себя на мысли, что дети превращаются в объект для эмоционального срыва, а сам урок — в сеанс психологической разрядки.

«Глядя на многих преподавателей, меня стал волновать вопрос: что делать, когда видишь, что педагог уже перестал развиваться и не хочет заниматься своим делом? — говорит Кирилл. — Профессиональное выгорание у учителей выражено особенно ярко. Преподаватель — это «резиновая профессия», в которой сложно выстроить границу и остановиться. Можно без конца проверять тетрадки и готовиться к урокам. Я понял, что не

допускать такого позволяет супервизия в виде помощи других коллег, даже не обязательно психолога. Нужно проговаривать свои истории: *что* я делаю и *зачем* я делаю. Сейчас, как директор, я прошу заведующих кафедр выстраивать опеку, некий канон относительно поддержки разных коллег. Кому-то нужен взгляд из зрелого опыта, а кому-то надо позволить проявить молодую энергию, придумать кучу всего».

Во время учебного семинара по профессиональному выгоранию один из коллег Кирилла Медведева предложил метафору, после которой все участники разного возраста сошлись на том, что это должно помогать. «Это образ рабочей робы, — говорит Кирилл. **— Вот ты пришел на работу, надел ее, поработал, и перед выходом надо не забыть робу снять.** Снял, закрыл дверь и пошел домой человеком. Ты не пошел учителем дальше, в этой робе, со всеми мыслями. Такой прием позволяет создать признаки нормальной, законченной работы».



Властная интонация

16:25
Учительская Как не стать «Марьиванной»

В легендарном сериале «Звездный путь» Капитан Кирк, пролетая в космосе над Землей, мечтательно произносит: «А ведь где-то там прямо сейчас кто-то говорит другому человеку три самых прекрасных слова в мире». Зритель вместе с героем замирает, ожидая фразы «Я тебя люблю». Вместо этого капитан произносит совсем другие слова: «Пожалуйста, помоги мне». Парадоксальное лекарство от ощущения собственной истощенности — показать свою уязвимость и признаться, что тебе самому нужна помощь.

«Как понять, что ты выгорел? Ты начинаешь совершать действия, которые не должен допускать как профессионал, — рассказывает мне Анастасия Серазетдинова. — Говорят, что, когда заходишь домой, ты должен снимать рабочий костюм и оставлять его на вешалке. Точно так же, когда ты заходишь в класс, ты должен снять все, чем ты недоволен. Тут, конечно, скажут: но я же живой человек, и это правда. Но умение справиться с накопившимся заключается в том, чтобы отделять личное от профессионального. **Первая стадия выгорания — когда ты забываешь снять костюм. Вторая — и она еще хуже — ты не считаешь нужным его снимать.** Ты перестаешь принимать ребенка во всей его красе и раздражаешься из-за естественных вещей. И еще есть самый тревожный звонок — когда ты обижаешься на ребенка. Вот это уже просто опасно».

Не страшно признаться самому себе в истощении — куда страшнее работать дальше так, словно ничего не происходит. «Как учитель, я знаю, что помочь найти причину может психотерапевт, работа над собой или обратная связь от коллеги, — говорит Настя. — Мне очень помогло, когда один преподаватель после урока сказал мне: «Некоторые твои шутки в классе похожи на пассивную агрессию». Я никогда об этом не думала. Иногда нужно честно сказать детям, что ты чувствуешь злость. Ведь как обычно происходит? Учитель в процессе выгорания или внутренней нестабильности начинает говорить: «Вы все идиоты, худший класс за 30 лет моей практики». И очень мало учителей честно рассказывают детям о своих чувствах. Но это очень помогает. Ведь что такое выгорание? У нас болит зуб, и мы думаем только про него. **Когда нам внутри что-то не нравится или есть какое-то недовольство — мы постоянно об этом думаем.** Но истощенность — это не преступление, а

нормальный процесс. И надо просто уметь его отследить. Важно, чтобы участники команды доверяли друг другу и могли попросить помощи. В нашей стране мы этого делать не умеем, поэтому у нас с трудом идет психотерапия или карьерное консультирование. И когда мы все поймем, что признание своей слабости — это внутренний рост и огромная сила, то у нас будет меньше историй про очередного педагога, который ударил ребенка головой об стол».

В одной из книг про командную работу Серазетдинова подметила для себя прием: в начале каждой групповой встречи все участники по очереди должны рассказать, как они сейчас себя чувствуют. «Когда ты предупреждаешь всех, что у тебя болит голова или просто ужасное настроение, ты сбавляешь градус ожиданий окружающих, — говорит Настя. — Как иначе люди узнают причину твоей злости? Я сама страдаю жуткими головными болями и во время очередного приступа иногда буквально готова умереть. Но, когда я честно говорю об этом в классе, дети сразу же все понимают. Или ребенок приходит и говорит, что он спал два часа и ему нужно просто посидеть на месте и не двигаться. Все, условия определены — и нет никакой проблемы в том, что он сейчас не работает. Возможность в начале урока сообщить, что с тобой происходит, меняет очень многое. Но… иногда полезнее и ценнее будет уйти, если это позволит тебе сфокусироваться на чем-то другом, а еще обезопасит и тебя, и детей».

«Когда меня раздражают дети, я должна понять, почему это происходит, — говорит Серазетдинова. — Например, поначалу детям очень не нравилось, что я часто повторяла: «Думайте, о чем здесь говорится» — и тем самым заставляла их приходить к своим заключениям. Нам неудобно думать, у нас от мыслительного процесса все болит и чешется. Вспомните, в какой позе сидит роденовский мыслитель, — он опирается правой рукой о левую ногу. Это ведь жутко неудобно. Десятиклассники требовали: «Анастасия Николаевна, дайте нам конкретные факты!» Когда у тебя еще нет собственной базы, у тебя формируется потребительская модель обучения: тебе дают, ты запоминаешь. И тогда я говорила детям: «Я вам для чего здесь? Для фактов есть «Википедия». Потому что **хороший учитель — это человек, который способен увидеть талант и вытащить его из тебя.** Он знает что-то о твоих способностях, чего ты пока не знаешь сам».

Последний случай, когда Серазетдинову раздражали дети, произошел за день до нашего разговора. Анастасия заменяла урок у другого преподавателя и рассказывала детям про историю искусств. С первых минут было понятно, что предмет детям не

близок. «Я и так пробую, и так — и каждый раз чувствую сопротивление, — говорит Настя. — Тогда я не выдержала и спросила: «Что происходит?» «Нам это искусство на фиг не нужно», — лаконично объяснили дети. Я сказала: «Не нужно искусство? Ну давайте поймем почему». — «Скучно!» — «Прекрасно! Вторая причина?» И потихоньку мы начали составлять список, рассуждать, а закончили «Меланхолией» Дюрера и способами постижения мира через живопись. А еще вердиктом: нам скучно и не нравится не потому, что мы чего-то не понимаем, а потому, что нам не хватает знаний. Все с этим согласились и ушли».

Разговор с Анастасией Серазетдиновой

Серазетдинова сравнивает учителя не только с актером, но и с врачом: и тот и другой встречается с человеком, чтобы ему помочь. Поэтому и для работы с ребенком есть два способа — либо вычитать, либо прибавлять. «Первый способ очень удобный: ты говоришь, где плохо, а потом выставляешь оценку, — говорит Настя. — Другой — ты говоришь, где здорово, а потом выставляешь оценку». «А если совсем не здорово?» — спрашиваю я. «**Ты как учитель должен найти хотя бы одну хорошую вещь**, — говорит Серазетдинова. — Обычно мы вычитаем из придуманного нами или другими людьми идеала. А можно считать, что за эту работу ты в плюсе на столько-то баллов. У меня есть такой прием: я выделяю весь текст серым, а классные моменты выделяю ярким. То есть то, что ты написал в целом, — не очень, а вот тут — просто супер. И чем больше яркого, тем круче». У школьников Анастасии Серазетдиновой всегда есть возможность улучшить результат: дети сдают работы в файле Word, получая обратно правки в режиме комментариев. «У каждого из нас в жизни есть возможность в любой момент изменить ситуацию — ну, если, конечно, вы не работаете

нейрохирургом, — говорит Настя. — Так и тут: у школьников всегда будет возможность изменить оценку, если они этого захотят. Они учатся ошибаться и не остаются в одиночестве. Ведь обычно учитель просто отмечает то, что плохо».

Школу на Чукотке, в которой училась Анастасия Серазетдинова, заносило снегом по четвертый этаж. Часто для того, чтобы в нее попасть, ученикам нужно было сначала откопать вход. И может быть, это жизнь на Крайнем Севере, в поселке на две тысячи человек («ощущение, что все должны друг другу помогать»), или работавшая воспитательницей в детском саду младшая сестра, или чувство, что рядом были люди «одной группы крови», но есть одна вещь, которую Насте Серазетдиновой теперь очень хочется сделать. Передать все накопленные ею инструменты во все остальные школы России, включая ту самую, на Чукотке. «Я лелею мечту заниматься педагогами, потому что проблема не в детях, не в школьном классе, а в наших учительских головах, — говорит Серазетдинова. — **У меня ощущение, что на студентов пединститутов сразу на выпускном вечере надевают броню со словами: «Самое главное — не учись больше ничему, пожалуйста**». Я не знаю, откуда эта броня берется. Но когда при мне рассуждают о «провале эксперимента Билла Гейтса», который решил дать фидбэк учителям, я понимаю, что в образовании всегда будут скептики. Те, кто уверен, что «это не сработает». У нас, как и у врачей, помогающая профессия. И наша профессиональная деформация в том, что хочется помочь всем настолько, что мне иногда приходилось в некоторых ситуациях себя останавливать. Размножить хороших учителей нельзя. Но можно распространить их опыт. И, мне кажется, наша задача — найти и вытащить сильные стороны педагогов. Да, ты можешь чего-то не знать про современные системы образования. Или услышать о чем-то на конференции и не верить, что можешь применить это в своей сельской школе. Но у тебя совершенно точно есть набор своих находок и приемов. Вспомните Челябинский лицей, одну из сильнейших математических школ в России. Просто когда ты хочешь узнать, что скрыто внутри личности, ты сталкиваешься с одной и той же картиной: приходишь к учителям и просишь их рассказать о себе, ответив на вопрос: «В чем ваша сила?» А в ответ слышишь: «В каком смысле? Я сейчас про себя должен говорить?» И мне кажется, что все изменится не только когда мы сделаем обучение индивидуализированным. А когда предложим педагогам подумать про себя и дадим инструменты, которые могут измерить, в какой точке ты находишься и куда сможешь вырасти».

Во время написания этой книги я выступал на форуме, посвященном образованию будущего. Два дня заслуженные учителя России рисовали графики и жонглировали терминами, и все это время я испытывал досаду. И только через некоторое время понял почему. Просто в какой-то момент стало понятно, насколько далеки все выступавшие от детей. Как будто мы описываем ребенка, «образ которого есть только у нас в голове». Как будто детей забыли включить в процесс обсуждения, отрезав: «Не мешай, это взрослый разговор». Любого из тех опытных преподавателей можно было застать врасплох вопросом: «Кого слушает современный старшеклассник? Какие книги читает? На выступлениях каких стендап-комиков он смеется?» Потому что никто из них не ответил бы на эти вопросы. **И, мне кажется, самое страшное, что может случиться, — когда идея становится важнее человека.** «Я иногда спрашиваю у коллег: «Зачем вы хотите это сделать?», на что получаю ответ: «Ну как зачем? Это же важно!», — говорит Настя. — И тогда я отвечаю: «Здесь я вижу вас как учителя, а ребенка тут нет». Такие вещи часто очень трудно осознать. Я не могу в этом открыто признаться, но мне кажется, что… школа в целом не нужна. Когда-то Толстой хотел выучить юридическое право, пришел в университет и узнал, что его преподают три года. Он решил выучить право за год: высчитал, что раз в неделю будет сдавать экзамен, и действительно все сдал. Сегодня ты можешь легко заняться самообразованием. Поэтому нужны места, где детям было бы интересно с взрослыми, а взрослым — с детьми. Нужны центры для сдачи нормативных предметов, но то, как ты будешь готовиться, — уже неважно. Школа нужна как место, куда ты придешь и тебе всегда будут рады. Где будет безопасно и хорошо».

Семь лет. Ровно столько для Насти Серазетдиновой длится «век преподавателя» — после семи лет приходит желание уйти из профессии и сделать что-то еще. Причем даже сама Настя не может объяснить, почему мысли о смене работы приходят у всех ее коллег именно после этого временного периода. «Знаете, я восхищаюсь священниками, — говорит Настя. — Потому что самое сложное в жизни — поверить, что ты делаешь мир немного лучше. Учитель не может «прощупать» процесс — это же не фрезеровочный станок, на котором ты создаешь детали, в этой профессии не существует немедленного результата. Ну что, результатами ЕГЭ или ВПР мерить свою работу? И когда к тебе возвращаются через много лет повзрослевшие ученики и благодарят — тогда ты понимаешь свое влияние. Мое семилетие профессии будет через полгода».

Десятки преподавателей, с которыми я общался в процессе работы над книгой, по-разному справлялись с этим «отложенным эффектом работы». Но самый запоминающийся разговор у меня случился с одним методистом программы «Учитель для России». Мне хотелось узнать у собеседника, как ему удается не выгорать и продолжать заниматься своим делом. Верить, что он действительно делает мир немного лучше. Вопрос был обращен по адресу: преподаватель уехал от столичной жизни, решив учить детей в деревенской школе. «Просто каждый раз я вспоминаю эпизод в моей школе, — сказал он. — К нам в учительскую зашла уборщица и, откашлявшись, объявила: «Алексей Петрович, КЕДР ВЗОШЕЛ».

Дискуссия остановилась, на уборщицу посмотрели удивленные учителя. Мгновение спустя все стало понятно.

Два года эта женщина поливала горшок с землей. Она делала это каждый день, хотя ничего не росло. И через два года из земли показался росток будущего дерева.

«Каждый раз, когда я ощущаю выгорание или думаю, что у меня ничего не выйдет, я повторяю себе одну фразу, — сказал мне учитель. — Я повторяю: «Кедр взошел».

ЧАЙ
ВЗОШЁЛ

16:30
Русский язык «Принесите зеркало»

«Хватит унижать Сережу. Это сделаю я».

Своими фразами преподаватель русского Артем Упоров напоминает стендап-комика, который по случайности зашел в школьный кабинет и решил, что ему нравится преподавать. Старшеклассники в восторге: еще бы, это совсем не похоже на «подчеркиваем подлежащее одной линией, сказуемое — двумя». Тут что ни фраза, то взрыв хохота.

«В своей школе я русский ненавидел, — говорит мне Упоров. — Как очень неусидчивому человеку, мне было нужно, чтобы все вокруг фонтанировало. А от этих «сели и переписали половину учебника» мне хотелось удавиться. Я не планировал идти на филфак, но всегда любил литературу. Так мне стала интересна лингвистика».

Девяносто лет назад педагог Моисей Рубинштейн написал: «Новая школа — это прежде всего новый педагог». Моя любимая фраза, которую я однажды услышал от одной австралийской учительницы, звучит так: «Хорошими учителями становятся по двум причинам. Либо в твоем детстве был человек, который вдохновил тебя так, что ты захотел стать похожим на него. Либо ты ненавидел школу и захотел стать учителем, которого у тебя никогда не было». Артем Упоров — один из тех, кому я бы доверил своего ребенка. В свои 32 Упоров выпустил уже 17 классов. И когда-то преподавание его увлекло именно благодаря другим учителям. «В моей собственной школе отваливалась штукатурка, а из оборудования были только мел и тряпка. Но работали там гениальные педагоги, которые заразили нас любовью к преподаванию, — говорит Упоров. — С нами просто разговаривали на равных. И сейчас в работе я понимаю, что **для меня базовая и самая интересная вещь — общение с детьми.** Я воспринимаю их как своих собеседников. И поскольку я прекрасно чувствую, когда мне самому скучно на уроке, то все время стараюсь сделать так, чтобы не было скучно никому из нас».

Разговор с Артемом Упоровым

Наш разговор с Артемом возвращает к тому, что мы обсуждали утром с преподавателями, — грани между «панибратством и авторитарностью», о которой задумывается каждый, кто пытался обойтись с детьми без давления авторитетом. «Это очень сложная грань, — сразу говорит Упоров. — В 11-м классе я многим ребятам разрешал называть меня на “ты”». Но тут очень тонкий момент: ты должен им показать, что в общении вы равны, но при этом развести две линии. В одной у вас личные отношения, а в другой урок. Ко мне приходили школьники с рассказами, как их бросили девушки, и я слушал, потому что им нужно было куда-то излить душу. При этом они прекрасно знали, что все равно получат «два», если не сделают «домашку». И эта двойка вообще ничего не значит: они остались такими же классными, и я остался таким же, каким был. Подобное разделение всегда проходит через несколько столкновений с ребенком. Но если он примет эти правила игры, то будет «твоим» навсегда».

На мгновение я задумываюсь: не зависит ли ощущение границ ученика от возраста? Не становишься ли ты с опытом и званиями увереннее в том, что все делаешь правильно? Не перестаешь ли сомневаться? В одном из проведенных в России исследований авторы пытались найти ответ на вопрос: сколько учителей согласны с тем, что у детей должно оставаться право на собственное мнение? В группе учителей со стажем 5–10 лет с этой мыслью согласилось больше трети. Среди опытных учителей таких согласных было чуть больше 5 %. В шесть раз меньше. Помимо этого, почти 40 % молодых преподавателей считали, что школа должна не только готовить к будущей жизни, но и обеспечивать полноценную жизнь школьника на каждом возрастном этапе. Знаете, сколько «аксакалов педагогики»

согласилось с этой мыслью? Шестнадцать процентов.

«Вот орать на детей — это ведь плохо, верно? — спрашивает меня Упоров. — Но поразительная вещь: твой авторитет очень сильно расширяет коридор действий, которые дети тебе разрешают с собой делать. **Ты не можешь повысить на них голос, пока ты для них никто. Они обязательно ответят тебе агрессивно. Но вот когда ты в их глазах заслужил уважение, ты уже можешь и рявкнуть, и сказать то, что думаешь**».

Незадолго до нашего разговора Упоров прошел «ломку опытного преподавателя»: когда ты уже все знаешь, многие из твоих выпускников стали взрослыми и работать над собой причин как будто уже нет. Нет зеркала, в которое можно посмотреться и увидеть, что все не совсем так, как ты это видишь. «Это отсутствие обратной связи сильно развращало, — говорит мне Артем. — Я опаздывал на работу, раздражался, мог поставить ноги на стол. Однажды я проводил опрос у восьмиклассников. Дети были не готовы, и я, раздувая ноздри, громко ругался: «Какого черта вы не могли выучить три страницы? Да где вас таких набрали?!» В конце урока я открыл журнал и понял, что перепутал класс. Сидящие передо мной школьники еще не проходили эту тему. Мне стало невероятно стыдно. Так что преподавателю нужно обязательно получать обратную связь».

«Среднестатистический выпускник не может отличить

ипотеку от кредита, а ему в этом мире жить».

Артем Упоров

«**Хороший урок должен быть не про тебя как преподавателя и даже не про то, что вы изучаете. Урок должен быть про них — про тех, кто перед тобой**, — говорит Упоров. — Любое предложение, самую абстрактную теорию нужно применить к детям, сравнить с чем-то для них близким. Каждый раз ты добиваешься этого разными способами: где-то стараешься привести понятные им примеры, где-то обратишься к ученику под предлогом, что тебе от него что-то нужно. Но для того, чтобы удержать контакт с детьми, нужно для начала уметь его считывать. **Очень часто я сталкивался с тем, что люди не замечают, что их не слушают, не замечают, что они в одной реальности, а дети в другой.** Важно помнить, что это ты видишь их один урок. А у них потом еще восемь. И ребенку иногда нужно дать слегка «потупить».

Лучше всего понимаешь то, что узнал на собственном опыте. Так ошибки родителей позволяют стать для своих детей человеком, которого никогда не было у тебя самого. Артем Упоров никогда не был включенным в процесс учеником, потому что некоторые вещи в школе его по-настоящему отвращали. Первая — то, что нужно было вставать рано утром. «Уроки в девять утра я считаю советским пережитком, — говорит Упоров. — Наследием времени, когда родителям нужно было пораньше избавиться от детей, чтобы самим пойти на работу. Ранним утром не только дети еще плохо соображают, но и учителя довольно «помятые». Вторая — то, что уроки были построены на постоянном монологе преподавателя. «Я либо засыпал, либо переписывался с соседкой по парте, ощущая трату времени». И было кое-что еще: бессмысленность большинства заданий. «Преподаватель требует написать 50 страниц реферата про китов. А если они меня не интересуют? Что тогда? — спрашивает Упоров. — Я стараюсь себе напоминать о том, что мне самому не нравилось в учебе. И коллегам всегда говорю: «Вспомните себя в школьные годы. Много ли у вас воспоминаний об уроках? Вы помните, с кем общались, в какую булочную пошли на перемене и какой предмет прогуляли?» Но редко кто помнит что-то про сами уроки. Мне как преподавателю становится обидно, когда под благовидным соусом «это же развивает» школа учит навыкам, которые никогда больше не пригодятся. **Среднестатистический выпускник не может отличить ипотеку от кредита, а ему в этом мире жить. И меня пугает дистанция между школьными знаниями и ребенком, который не**

понимает, как вокруг него все устроено. Именно поэтому я попросил учеников часть заданий по русскому делать во время переписки «В контакте». На уроках я говорю детям: «Вот у вас тема занятий, пообщайтесь с одноклассником, вставляя вводные слова. А потом пришлите мне скриншот диалога на свободную тему». Так культура общения входит в практику».

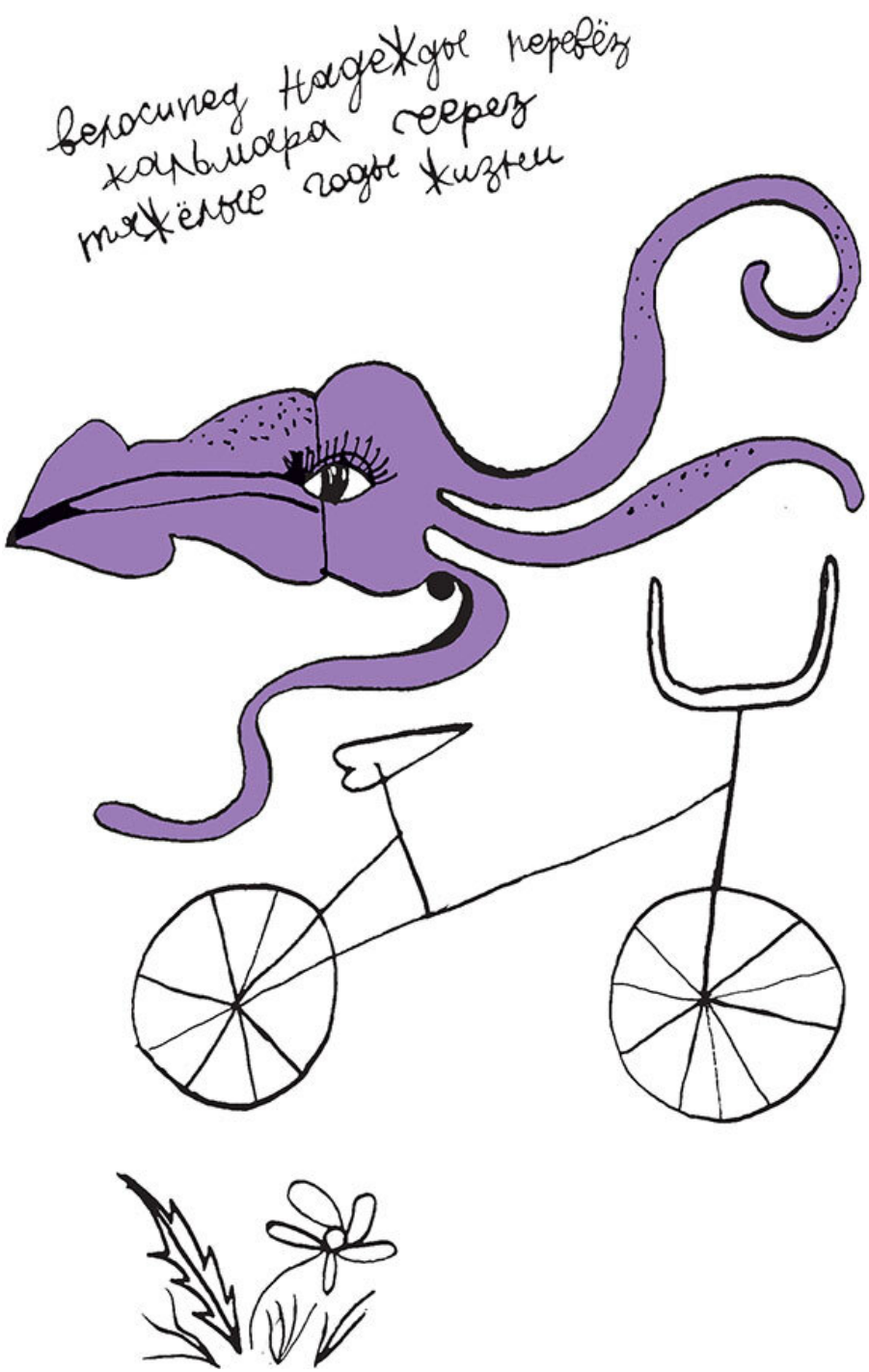
Окружающий мир Упорову настолько интересен, что он регулярно пристает к знакомым преподавателям с вопросами в стиле: «Почему самолет держится в воздухе во время полета?» А совсем недавно Артем поставил в тупик одного учителя физика, спросив у него: «Почему зимой не сбрасывают снег с небоскребов? Ведь он там есть!»

Слава Полунин сказал мне, что взросление начинается в момент, когда ты перестаешь удивляться. До тех пор, пока ты не разучился говорить «ух ты!», ты еще не повзрослел. Кажется, так и с преподаванием. До тех пор, пока тебе интересны вещи вокруг, ты можешь сделать их интересными и для других.

17:10
Русский язык Кальмар паранойи и страх над головой

«По моему опыту, меньше семи ошибок не делал еще никто. Есть ли среди вас те, кто идет на рекорд?» Пока школьники азартно бросаются подсчитывать ошибки в своих диктантах, Сергей Волков начинает урок русского. До этого момента я считал, что метафора — это врожденный талант проводить аналогии так, чтобы текст ощущался на вкус, запах, на ощупь. Разве не так рассуждает большинство писателей? Прямо на моих глазах Волков совершит кое-что удивительное: превратит метафору в ремесло, которому можно научиться на школьном уроке.

Преподаватель делит класс на две части: те, кто сидит слева, придумывают абстрактные существительные. Те, кто сидит справа, — конкретные. Один из школьников поднимает руку и робко спрашивает, что такое «абстракция». «Кто подскажет Андрею?» — интересуется Волков. Помощники находятся тут же.



Один за другим школьники предлагают слова, которые преподаватель тут же записывает. На левой половине доски появляются «нравственность», «вдохновение», «память» и «паранойя». Справа — «кальмар», «стул», «орхидея» и «солнце».

«Теперь поставьте между этими словами союз «как», а в предложение добавьте связку «потому что», — говорит Волков.

«Вдохновение как кальмар, потому что в любой момент может уплыть», — появляется первый вариант. «Страх, как солнце, светит над твоей головой», — звучит следом. «Отлично, теперь убираем «как» и меняем слова местами», — предлагает Волков, сопровождая это своим примером: «На привычном стуле паранойи он сидел уже третий год».

«Орхидея памяти увядает с каждым годом», «Велосипед надежды перевез его через тяжелые годы жизни», «Кальмар страха выпустил свои чернила»… Кульминацией становится отчаянный вариант, явно основанный на личной боли школьника: «Батарейка надежды садится в ночь перед зачетом по геометрии».

«Когда-то давно у меня в голове возник образ учителя, который с тех пор для меня неизменен, — говорит мне Волков после урока. — Каждый человек, словно камертон, издает свой собственный звук. Чистый тон, настроенный на определенную ноту. Задача каждого из нас — понять тональность и заботиться о том, чтобы звук был максимально чистым, продолжительным и внятным. **Ученик в школе ищет того, с кем его собственный камертон резонирует, потому что тогда этот звук будет усиливаться.** Моя задача как педагога — издавать звук и смотреть, у кого будет резонанс. И я знаю, что этот резонанс благотворен, ведь по закону физики он усиливает и меня. Мне кажется, если ученик найдет одного или нескольких человек, с кем у него будет резонанс, то школа для него пройдет не зря».

Разговор с Сергеем Волковым

Волков показывает школьникам картинку: две птицы, балансирующие на качелях над бесконечной морской гладью. Одна из птиц сидит в клетке, другая — на ней. Преподаватель просит учеников сначала назвать все, что они видят на картинке,

а затем придумать одно слово в качестве аналогии к увиденному. «Свобода», «зависимость», «страх», «доверие», «долг» — звучит от школьников.

«Я понимаю, что знания, которые я дам этим детям, не пригодятся им в жизни, — говорит мне Волков. — У школьников нет по моему предмету экзаменов, а репетитор гораздо лучше научит их практическим вещам. Но мне кажется, что все люди будут в своей жизни бороться с рутиной, усталостью и потерей смысла. Вот сегодня я разговаривал с одним папой. Мужчина в красивом костюме, у которого через полчаса разговора стало меняться лицо, потому что он рассказывал, как в детстве хотел быть архитектором, а сейчас занимается совсем не тем. Говоря об архитектуре, он становился другим человеком — видно было, насколько это *его* дело. **Каждый из нас будет проходить свои развилки с ощущением, что он не там, не с теми, не то делает. И как преподаватель, ты можешь передать детям нечто более важное, чем знания. Ты можешь передать энергию жизни.** Показывать, что можно быть гораздо старше и при этом неподдельно интересоваться миром. Жить шире, чем рамки наших встреч на уроках. Мне кажется важным, чтобы учитель занимался чем-то еще, кроме преподавания». Тут я вспоминаю, что, кроме преподавания, Волков танцует танго. «Я спрашивал детей, важно ли им это. Говорил: «Наша школьная программа выглядит вот так, больше мы не успеем. Важно ли вам, чтобы учитель был шире как личность?» — говорит Сергей. — Они сказали: «Очень важно». Я спросил: «Почему?» — «Потому что в определенные моменты приоткрывается дверка и мы видим, что там еще много чего есть». Человек — это загадка. Его может вести за собой очень разное — и тайна того, что открывается».

На одном из последних уроков Волков предложил школьникам переделать ЕГЭ и ОГЭ. Представить, что им нужно создать несколько новых вариантов зубодробительного теста и придумать предложения, в которых нужно что-то исправить. Причем «игра в продажу ЕГЭ» шла на полную. Волков объяснил школьникам, что им выгодно придумать одно предложение, которое можно вставить сразу в несколько вариантов теста. «Они сталкивались с самыми разными ситуациями, — говорит Волков. — Что можно ставить запятые, которые не выделяют фрагмент, а делят. А с другой стороны, делить фрагмент тоже невыгодно: в предложении восемь запятых, а это все однородные члены. Но эта игра сняла у них стресс перед экзаменом, потому что они увидели уловки разработчиков тестов».

«У Василия Аксенова есть рассказ «Победа» про гроссмейстера, который играет со случайным попутчиком в

шахматы. Я очень люблю читать эту книгу вместе с детьми, — рассказывает Волков. — Попутчик в рассказе — уголовного вида, а гроссмейстер — воплощенная интеллигентность. Главному герою надо одновременно и выиграть, и проиграть. Ощущение хаоса и жути от игры соперника все время отправляет героя в детство. Перед окончанием партии в рассказе появляется фраза: «Вспоминая море и подражая ему, он начал разбираться в позиции, гармонизировать ее». И на этих словах я вместе с детьми всегда застываю. **Что значит «подражать морю»? Что значит «быть как море»?** Они начинают перебирать варианты: «Я больше всех», «Я всех обниму», «Ты будешь здесь, а я буду все равно шире, чем ты», «Я спокойный и большой»… И это все для меня про позицию учителя на уроке. Меня нельзя обидеть и затронуть так, что я выйду из берегов. Это в юности я еще мог выгнать кого-то из класса или уйти сам, но не сейчас. Дети должны видеть, что меня можно и нужно кусать. Ведь у них растут зубы, а взрослый мир выделил нас, учителей, чтобы бунтующие массы подростков об нас точились. Я могу быть эмоциональным и не скрывать своих чувств, но глобально меня нельзя укусить: я больше, я спокойнее, я взрослее, я сильнее».

За полтора года поездок по школам мира я сформулировал для себя один из принципов идеального учебного заведения: «не преподаватели, а горящие люди». Это не значит, что нам больше не нужны учителя (хотя во французской школе «42» считают, что лучше всех ученикам объяснят другие ученики). Это значит, что в эпоху Google, когда всю информацию можно найти и без педагога, ты привносишь в сухой набор дат и цифр искру, которой можешь разжечь что-то в других людях. «**Если преподавателю удается раскрутить маховик, зацепить человека и на что-то его сподвигнуть, то это и есть успех**, — говорит Волков. — Искра возникает только от соприкосновения с человеком. В танцевальном мире иногда используется такое определение: танго — это физика, химия и геометрия. Физика — то, как мы держим тело. Геометрия — положение фигуры в пространстве. А химия — это то, что возникает или не возникает в телесном контакте. И для меня в этой триаде важнее всего химия. Если ее нет, то не стоит и танцевать. У меня ощущение, что то же можно сказать и про урок. Если не возникает этой — часто нерациональной — химической реакции, то ничего не получится».

И тут происходит самое интересное. Едва мы начинаем обсуждать мой любимый вопрос «для чего нам сейчас нужна школа?», как Сергей произносит монолог, который меньше всего ожидаешь от него услышать. «Я был детсадовским ребенком и до сих пор храню теплые воспоминания о том, как мы, дети, там

жили, — говорит Волков. — Мне настолько сильно хотелось пойти в школу, что я начал спрашивать о ней родителей, когда мне не было еще и пяти. Именно в школе я понял, что буду учителем. Я поступил в МГУ без репетиторов при огромном конкурсе. И всю жизнь был уверен, что человек *должен* пройти школу, потому что она даст ему то, что дала мне. Но вот мой младший сын пошел в первый класс и сразу после начала учебы сказал: «Спасибо большое, было очень интересно. Но мне, пожалуй, хватит». Он вообще не понимал, почему нужно снова туда идти. Ведь ничего из того, чем ему хотелось заниматься в жизни — вроде ремонта автомобилей, — в школе не преподавалось. У нас с ним была долгая, изнурительная и бесплодная борьба. По пути в школу ребенка тошнило в метро, он плакал, расковыривал каждую болячку, чтобы сидеть по две недели дома. Когда у ребенка появился невроз, директор его школы сказал, чтобы я перестал мучить своего сына — пусть сдает контрольные и учится дома. И ребенок всю «началку» занимался с мамой. Примерно в это время я стал замечать обсуждение какой-то ахинеи на родительских собраниях и читать истории о том, как люди двигаются в жизни своими траекториями… без школы. И я поменял свою точку зрения. Теперь мне кажется, что **человек важнее школы**. Учебное заведение может помочь найти сферу интересов, которые тебе нужны. Может помочь разобраться в себе и предоставить среду для реализации каких-то идей. Но знания гораздо эффективнее набираются дистанционно, с помощью отдельных преподавателей. Я знаю истории, когда люди значительно быстрее двигаются внутри школьной программы, учась дома. Больше того: сейчас я понимаю, что школа во многом человека тормозит. Хотя для значительной части людей это по-прежнему благо, ведь это — бесплатный доступ к целому кругу значимых для тебя людей. Помню, когда я был подростком, я делился личным не с родителями, а с учителями. Получается, что **сейчас не человек должен бороться за школу, а школа за человека. Для моего времени эта мысль была невозможной**. Не так уж много времени прошло, а вся парадигма сдвинулась: теперь человек важнее институций».

Вместе с правилом «горящих людей» тесно связана мысль, которая возникает на каждом уроке, после которого детям хочется вернуться в класс. Мысль, которую очень хорошо уловили датчане, попросив детей заполнять небольшие опросы в конце учебного года. Довольно быстро выяснилась простая истина: чем старше дети становятся, тем неинтереснее им учиться. **«Есть прямая взаимосвязь между тем, насколько ребенку скучно учиться, и тем, сколько он знает»**, — сказал мне директор муниципальной датской школы Стеффан. Очень недооцененная вещь под названием «интерес» внезапно оказалась настолько важной, что за дело взялись датские политики. Разговаривая с местными учителями и директорами, я регулярно слышал фразу: «По закону, мы должны сделать школу интересной для детей». Это то, что подтверждается и учениками, и преподавателями. Да чего уж там, и нами самими. Внезапно во взрослом возрасте оказалось, что запоминать не так уж и сложно, если ты чем-то увлечен. В школе я с трудом зубрил стихи из трех абзацев, судорожно запоминая их ночью накануне урока. На то, чтобы выучить «Быть знаменитым некрасиво» Пастернака, мне недавно потребовалось получасовое путешествие в автобусе.

«Есть одна причина, по которой тебе не нужно идти преподавать: если ты не настроен слушать других, — говорит Волков. — Если люди тебе неинтересны, если ты в состоянии глобальной, а не ситуативной усталости — тебе нельзя преподавать. Потому что профессия учителя неразрывно связана с интересом к миру. **Когда преподаешь, ты наилучшим способом рассказываешь себе то, что пытаешься понять сам.** Ученики очень четко понимают, что в какой-то сфере у меня больше опыта, а в какой-то — у них. И мы, взаимно обогащая друг друга,

движемся в одном направлении к чему-то, чего пока не знаем».

Волков сравнивает преподавание с герменевтическим кругом: когда люди видят один предмет, но каждый из своей точки. Нет людей, которые видят этот предмет одинаково. «**Смысл моего преподавания не в том, чтобы сказать ученику: «Встань на мою точку, потому что я смотрю на предмет правильнее, чем ты», а чтобы научить людей расширять свою точку зрения за счет других**, — говорит Сергей. — Тогда получается сотрудничество: мы не боремся точками зрения, а у нас есть возможность побывать во всех. И это учителям очень трудно принять — особенно тем, кто готовит детей к экзаменам. Но в хорошей школе ребенок расширяется за счет других взглядов. Ученик понимает, что его место законно и что педагог готов совершить непростое путешествие из своей точки зрения в его. Не надо преподавать, если ты не способен этого сделать».

Уходя из кабинета, я понимаю справедливость сравнения Волкова с фениксом. Этой метафорой поделился со мной один из коллег учителя: «Он рассыпается и сгорает каждый урок. А в конце занятия как будто собирает себя заново, и каждый раз это новый человек».

17:50
Аэротруба

Три старшеклассника в коридоре что-то сосредоточенно изучают в телефонах. Бросив взгляд на учеников, преподаватель физики Владимир Ларин прицельно задает одному из них вопрос: «Что изучаешь?»

Выясняется, что школьник изучает мемы. «А что ты знаешь про американскую гражданскую войну?» — спрашивает Ларин, и старшеклассник смущенно признается: «Ничего». «Так почитай», — говорит преподаватель, и на экране смартфона у школьника возникает «Википедия». «**Когда мы обсуждаем вопрос «что делать с гаджетами», нужно сразу подумать над альтернативой: что вместо них предложить**, — говорит мне Ларин, когда мы оставляем школьника наедине с историческими фактами. — И «Википедия», с ее огромным количеством перекрестных ссылок, в качестве такой альтернативы подходит идеально».

Во время очередной поездки по финским школам я узнал от одного преподавателя истории, что он перестал заставлять детей учить даты. Вместо этого он пробует вместе с ними осмыслять исторические события, потому что это куда важнее для их жизни. «**По-настоящему имеют значение не знания, а способ обращения с ними**, — говорит мне Ларин. — Мы с преподавателями иногда специально задаем друг другу простые вопросы, например: зачем нужен наш предмет в школе? Я могу сказать, зачем нужна физика. Вот ты прочитал в статье, что «дерево выросло на 48 сантиметров», — а как это возможно? Есть же ветки, листочки, явно чушь в тексте написана. Физики могло бы в школе и не быть, но умение делать выводы и понимать, что из прочитанного — всего лишь предположение, точно так же развивается и на других предметах. Забудешь ли ты после урока истории годы правления Петра I? Конечно. Но, осмысляя информацию, ты научишься выстраивать причинно-следственные связи и работать с неполной информацией. Это как с технологиями: бесполезно учить язык программирования. Как только ты окончишь институт, все уже будет по-другому. Но зато школа может научить тебя умению подхватывать и использовать новые вещи».

Ларин приводит в пример химию. «В моей школе ее преподавали ужасно, но, если мне вдруг сейчас это потребуется, я могу открыть учебник и за пару месяцев подготовиться к ЕГЭ.

Потому что **в отличие от физической активности, где чем моложе твое тело, тем больше гибкости и способности выполнить упражнение, в образовании — чем ты старше, тем легче впитываются новые знания**».

За наш разговор я услышу одну из самых любопытных метафор: **общение с учителем — это как выполнение трюков в аэротрубе. Ты не задумываешься, зачем их делаешь, и только через некоторое время понимаешь, к чему тебя все это привело.** «В моей идеальной школе должен быть интересен не предмет, а общение с учителем, — говорит Ларин. — Педагог должен показать тебе, что на пути к удовольствию нужно заставить себя пройти определенный путь, причем еще и найдя в этом кайф. Я сам люблю горные походы, но в моменте клянусь себе, что больше никогда не вернусь. И только через несколько месяцев приходит осознание, для чего это все было. Но дети таких вещей в моменте не понимают. И в этом причина существования школы. Если бы дети все знали заранее, она была бы не нужна».

На вопрос «Для чего сегодня нужен учитель?» Ларин отвечает не задумываясь: для создания мотивации. «Учителя в моей школе практически не использовали учебников. Весь процесс обучения шел на семинарах и лекциях. С точки зрения эффективности расходования времени это ужасно. Но общаться с педагогами было интересно, — рассказывает Владимир. — Мы все настолько обожали историю, что приходили в класс с температурой, а если ты пропустил урок, то считался неудачником. Упираясь в методики и концепции преподавания, мы, на мой взгляд, пытаемся решить неактуальную задачу. **Что остается, когда знания устаревают? Вот это и есть образование.** Хороший преподаватель должен быть человеком, с которым тебе захочется общаться. Все остальное приложится».

На одном из последних уроков Ларин запустил в ученика мокрой тряпкой — и то, что могло бы закончиться конфликтом в случае с другим преподавателем, вызвало у детей только хохот. «Для меня нормально подколоть ребенка на уроке, но это уровень доверия, который нужно вначале заработать, — говорит Ларин. — Если учитель — фанат своего предмета, не важно, будет ли он им заинтересовывать или впихивать знания. Главное, что он сможет провести ребенка к получению удовольствия от результата, а жизнь преподавателя не будет ограничена уроком. Именно поэтому я выкладываю в «Фейсбук» фотографии своих горных походов или прыжков с парашютом. Априорно дети не видят в учителях ничего, за что можно зацепиться, и потому их не уважают. Детское отношение строится на личности, и эта

личность должна быть им интересной. Для меня показатель, когда дети спрашивают мнение учителя о происходящих в мире событиях или о том, стоит ли поступать в вуз, который окончил сам педагог. **Преподаватель должен научить детей выбирать и дать им более глубокое представление о том, что происходит в жизни.** Предмет тут ни при чем. Отношения — вот что имеет значение».

18:05
Театральный зал Эквалайзер

В темном зале Юрий Подкопаев и психолог Екатерина Орлова делят детей на группы. «Те, кто считает, что в школе важнее всего индивидуальность, — двигайтесь вправо. Те, кто выступает за сообщество, — влево». Несколько секунд подростки в нерешительности что-то обсуждают, а затем расходятся по разным сторонам от условной линии. То, что происходит на моих глазах, называется «эквалайзер». Примерно так же, как мы настраиваем звук, авторы эксперимента хотят настроить общее звучание группы старшеклассников.

Преподаватели зачитывают следующий вопрос: «Что такое «образование» для меня? Каким оно должно быть в старшей школе?» «Когда я думаю о том, с чем остался учитель в цифровой век, меня успокаивает одна мысль, — говорит мне Подкопаев, пока дети продолжают отвечать на вопросы и двигаться по невидимой шкале. — Сто лет назад информации в большом количестве не было, но многие школьные предметы — вроде той же математики — с тех пор почти не изменились. Весь интернет завален картинками теоремы Менелая. Но ни тогда, ни сейчас у школьников не возникает мыслей ею заинтересоваться. Ты когда-нибудь гуглил, что это?» Я не гуглил. «Вот. И ученикам это в голову не придет, — объясняет Юрий. — Теорема Менелая может «выстрелить» только благодаря целенаправленным усилиям человека, который видит в ней смысл и понимает, зачем он ее дает. **Если заряженный энтузиазмом преподаватель озадачит других людей, информация «заиграет» и есть шанс, что дети ею заинтересуются.** Тогда на этом материале преподаватель может обучить жизненно важным вещам: логике действий, абстрактному мышлению, базовым компетенциям. Развить уверенность в том, что проблему можно решить разными способами, а сказанное вслух всегда нужно обосновать. И без учителя этот щелчок не происходит — ни сто лет назад, ни сейчас».

Этим щелчком, а не желанием сэкономить время Подкопаев объясняет успех курсов вроде «Биоинженерия за 10 часов». «Сразу после таких занятий люди забудут всю полученную ими информацию, — говорит Юрий. — Но зато ты попадаешь в среду, где все живут одним делом, и тогда возникает ощущение причастности к чему-то монументальному. Ты даже не всегда понимаешь, что происходит, — просто чувствуешь, что с этой

группой людей можно двигаться вперед. Представь: берем пять тел Платона. Изучаем вершины, грани, ребра. И вдруг оказывается, что все тела подчинены определенным закономерностям. Мы вместе начинаем анализировать и выводим формулу Архимеда. Казалось бы, только что перед нами были совершенно разные объекты, а тут мы увидели в них нечто общее. И если учитель мудрый, он остановится и скажет: «Смотрите, что вы сейчас сделали. Вы, по сути, заново открыли теорему». Математика была просто материалом, с помощью которого это произошло, а учитель — проводником. Но педагог, который просто объяснит детям, что такое правильный многогранник и формула Архимеда, теперь действительно не нужен. Его функцию может заменить электронная доска, менеджер или робот».

Самое интересное начинается, когда пытаешься найти ответ на очевидный вопрос: о каких преподавательских приемах можно говорить, когда у тебя шесть уроков подряд по тридцать человек в классе? Обычно учителя в ответ на этот вопрос разражаются шекспировскими монологами, и наш разговор с Подкопаевым — не исключение. «**Желание что-то находить и экспериментировать преподаватели теряют по естественным причинам. Учителей бесконечно проверяют, они должны все время показывать результат.** А экспериментальные действия не всегда приводят к задуманному, — говорит Подкопаев. — Большинство сегодняшних консерваторов в первые годы работы вели интересные кружки или придумывали заново план урока, но потом столкнулись с полным отсутствием поддержки. Их работу оценивали по высоким отметкам учеников и успехам школьников на олимпиадах. И дальше учителя шли по накатанным рельсам. Почему в девяностые годы ученым было трудно писать бизнес-планы и доказывать свою необходимость? Потому что им было непонятно, зачем убеждать людей в том, что они занимаются интересными вещами. То же самое происходит с учителями в спецшколах: их искренне удивляет, как можно не интересоваться квадратными уравнениями. Если востребована стабильность, то о каких экспериментах может идти речь?»

Однажды группа американских художников долго рисовала мелом потрясающие картины на асфальте, а после окончания работы участники проекта бессердечно смыли рисунки водой. На возмущенный вопрос «зачем?» создатели ответили, что старались фокусироваться не на результате, а на пути к его достижению. Через некоторое время от эквалайзера останется только воспоминание и ни одного файла с записью. Подкопаеву и Орловой важно было увидеть спектр мнений, услышать это многоголосие, понять, насколько дети умеют выбирать и

принимать решения. И, наконец, готовы ли дети играть главную роль в собственном образовании.

«Я четвертый раз в жизни преподаю математику пятиклассникам, — рассказывает мне Подкопаев. — Проще всего было взять старые конспекты и снова работать по ним. Но тогда я был бы похож на парикмахера, который машинкой побрил всех детей налысо, чтобы они стали одинаковыми. И я держу в голове другую крайность, когда вообще откладываю школьную программу в сторону и развиваю у своих учеников определенные способности. В обоих случаях мне грош цена как профессионалу — ведь я не удержался в рамках, за которые отвечаю как педагог. Здорово, что дети научились интерпретировать текст или работать с таблицами, но моя задача, чтобы они при этом могли решать квадратные уравнения. И мне кажется, что, кроме желания учителя искать баланс между программой и навыками, ничего больше не надо. **Кто может запретить тебе экспериментировать? У тебя свой формат урока: закрыл дверь — и веди занятие как хочешь.** А для проверяющих у тебя всегда будут ответы. «Квадратные уравнения изучаете?» — «Изучаем». — «Площади проходите?» — «Проходим». На любой вопрос всегда можно ответить: «Я так веду урок, потому что в государственных стандартах записана метапредметность». Можно даже выписать, какие навыки ты в этот момент развиваешь. Любой взрослый человек с этим справится. В нашей стране все умеют подогнать свою деятельность под задачу».

Недавно Юрий Подкопаев организовал очередной эксперимент: показал школьникам фрагмент задачи и два утверждения, которые могут ее дополнить. Вопросы в конце задания звучали так: для решения нужно первое или второе утверждение? Или оба? Или ни одного? Поначалу дети не понимали, чего от них хочет учитель: что значит «правильных ответов может быть несколько»? Удивление сменилось восторгом и просьбами «давать побольше таких заданий». «Это же как новая компьютерная игра, когда ты поначалу с азартом пытаешься понять правила и максимально использовать все фишки, — объясняет Подкопаев. — Но как только ты разобрался со всеми правилами, становится скучно и игра теряет смысл. Ты уже знаешь, что вот такая комбинация клавиш точно приведет к определенному результату. Но пока ты этого не понял, есть чувство, что еще не все инструменты использованы. И такое ощущение можно создавать и на уроках».

Подкопаев не верит, что все описанное им можно применить в школе в одиночку. «**Главный ресурс для педагога — это командная работа**, — говорит Юрий. — Нужно договариваться с

коллегами и работать с ними в едином ключе. Например, когда в моей предыдущей школе в шестом классе появилась геометрия, мы договорились с коллегами о том, что год будет посвящен идее доказательства своей мысли. Не просто «хочу» или «не хочу», а обязательно на всех предметах нужно обосновать свое мнение. И тогда получается, что не один я как математик работаю с доказательством теоремы, а мы все работаем в одном направлении. Или мы, например, решили устроить месяц работы с информацией. И вот я учу выстраивать таблицы, историк учит работать с диаграммами и схемами битв, а преподаватели английского — с глаголами. Даже на физкультуре дети могут рисовать схему человеческого тела и то, на какие мышцы рассчитаны определенные упражнения. Мы бьем в одну точку с разных сторон — и вдруг дети видят, что с одного языка на другой переводится одна и та же информация. Работать таким образом вместе безумно трудно, ведь за плечами каждого опытного учителя есть багаж. Так с какой стати ему кто-то будет говорить, как работать? А на совещаниях преподаватели очень хотят обсудить, что делать с двоечниками. Но **важно говорить не о конкретных детях, а о том, для чего нужен курс каждого из нас. Что я хочу с помощью своего предмета сделать для этого конкретного класса?** Это очень важный ресурс — собраться и договориться между собой, а затем идти в одном направлении и усиливать работу друг друга».

На уроки Юрия Подкопаева часто приходят максимально далекие от точных наук люди. Например, Подкопаев приглашает психолога оценить свою работу с личным ростом каждого ребенка. Несколько раз в году этот специалист из другой сферы смотрит на то, как дети, которые боялись выходить к доске, учатся поддерживать беседу, концентрироваться больше трех минут, выдерживать границы и правила. «Вот у меня появилась проблема: на уроках мальчики выступают активнее девочек. Мне нужно понять, что я как учитель делаю, чтобы провоцировать мальчиков на диалог, а девочки при этом закрываются. Или все нормально и я зря переживаю? — говорит Подкопаев. — Мне нужен взгляд человека, который может спихнуть меня с пьедестала. Сказать: «Ты классный, все здорово, но…» И вот это «но» — самое важное. Например, дети пришли после перемены взлохмаченные, а я этого не заметил и сразу начал урок. В итоге потерял темп, потому что школьники включились в процесс только на двадцатой минуте. Ты как учитель не уделил им в самом начале двадцать секунд времени, из-за чего половина урока прошла зря. Увидеть такие вещи можно только с помощью обратной связи, которая очень важна».

Чуть позже в том же самом театральном зале учителя проведут встречу, где будут делиться своими наработками и приемами в формате «открытого микрофона». Самыми смелыми окажутся всего шесть человек, зато анонимно преподаватели будут участвовать куда активнее. На экране покажут ответы педагогов на вопрос: какой ваш самый страшный сон? Один из ответов звучал так: «Изобрели машину времени, и я работаю учителем вечно». Больше всего Юрия Подкопаева пугает не вечная педагогическая карьера, а фраза учителей и репетиторов: «Я гарантирую, что после года обучения у меня ребенок сдаст ЕГЭ на 100 баллов». «Что это значит? Что дети мне по барабану, — объясняет Подкопаев. — Что я как учитель все равно доведу их до определенного уровня, хотят они того или нет. **Если ребенок задает вопрос про необходимость квадратных уравнений, учителю математики сразу же хочется от него избавиться, как от бракованного экземпляра. А для меня это как раз тот ученик, от которого можно идти.** Значит, у него есть аналитическое мышление. Ребенка пытаются заставить заниматься чем-то, в чем он не видит никакого смысла. Что сделает разумный человек в такой ситуации? Спросит: «Вы уверены, что это надо делать сейчас и именно так?» А мы хотим от детей, чтобы они просто выполняли то, что мы им говорим. **Если ребенок задает вопросы, мы разочарованы тем, что плохо поработали как учителя. Хотя все наоборот. Значит, мы хорошо поработали.** Значит, у ребенка прекрасная семья, которая научила его критически относиться к любым задачам. И это работает на его безопасность, умение выбирать, отстраняться от того, что ему не близко. На самом деле **кошмарный сон преподавателя — ошибка на уроке. Но как дети научатся пробовать и ошибаться, если сами учителя этого не делают?**»

«Я все время думаю про запрос родителей, ЕГЭ и наше учительское место во всей этой цепи, — говорит мне Подкопаев. — Если все время пытаться ребенка чем-то заинтересовать, не лишает ли это его умения быть конкурентоспособным во взрослой жизни? Но мне кажется, что ответ на вопрос «Счастье или ЕГЭ?» — в готовности предоставлять возможности. После нескольких лет учебы мы говорим детям: «Вот вы попробовали себя в разных областях, а теперь пришло время выбирать. Хотите 80 баллов по биологии? Берите в неделю не час этого предмета, а три. А по субботам еще и ходите в лабораторию». Мы, учителя, создаем для этого условия: связываемся с биофаком университета, проводим выездные мероприятия, зовем лекторов. Но от учеников все равно как минимум требуется прийти в субботу и прочитать книги — в противном случае результата не будет. Когда задаешь вопрос: «Вам борщ или окрошку?» — ответ не подразумевает, что человек будет есть оба блюда. А в информатике есть понятие дизъюнкции — когда истиной могут быть оба варианта ответов. И мне нравится, когда союз «или» объединяет ЕГЭ и счастье. Потому что если человек так усиленно готовится к экзамену, что у него дергается глаз и он не выходит на улицу, то это похоже на работающих по двадцать часов в сутки трудоголиков. **Как только**

ты натренировал ребенка, что, кроме ЕГЭ, ничего в жизни нет, сразу после сдачи экзамена он будет одержим другой целью. «Обязательно встречаться именно с этим человеком». «Обязательно попробовать запрещенные вещества». «Обязательно экспериментировать с внешностью». Следующим объектом может быть политическая или религиозная секта. Или обратная ситуация: ты вложил все силы в ЕГЭ, и ничего не получилось. Что дальше? Ребенок решает, что он неудачник и ни на что в этой жизни не способен. Поэтому так важно, что семья не зациклена на одном, что после занятий математикой можно покататься на сноуборде или сходить в консерваторию. Это защита от шизофренической фиксации на чем-то одном. И учитель должен это чувствовать — кто из его учеников уже истощен, а кого нужно подтолкнуть. Кто еще почувствует это вместо педагога — онлайн-курс, менеджер, робот?»

Разговор с Юрием Подкопаевым

Именно поэтому Юрий Подкопаев выступает за продолжительное общение ученика и учителя — за пять лет совместной работы ты поневоле увидишь, когда школьник уже на пределе, а когда его нужно «довести» до финишной линии.

Раньше я думал, что самые одинокие люди в мире — это писатели, жизнь которых состоит из бесконечной визуальной дуэли с белым листом. И половину этой битвы ты проходишь с ощущением собственной несостоятельности. Теперь мне кажется, что едва ли не самая располагающая к одиночеству профессия — это педагог. «**Наша работа располагает к выгоранию по всем пунктам**, — соглашается Подкопаев. — С одной стороны, ты из года в год занимаешься похожей деятельностью. С другой — на тебя давят соревнования школ между собой. С третьей — каждый учитель занимается своим делом, и тебе не с кем поделиться своими ощущениями. С четвертой — у тебя маленькая зарплата и

большие нагрузки. Еще и дети тебя не уважают. Классическая русская литература нас хорошо подготовила к такой ситуации: сколько бы ты ни проводил времени в экзистенциальных размышлениях, каким бы умным ни был — вокруг всегда будут мрак и безысходность. **В итоге многие преподаватели становятся похожи на маленьких детей, которые верят, что все — навсегда.** Если мама ушла в магазин, то она никогда больше не вернется. У педагогов то же самое: если я энергичный, бодрый и амбициозный, так будет всегда. А если я попал в плохую среду, то так тоже будет всегда. И вот это меня поражает: взрослые люди не готовы брать на себя ответственность и что-то менять».

За пять лет работы на математическом факультете Подкопаев встречал студентов, которые уже на первый курс приходили с установкой, что все будет плохо. Зарплата — маленькой, дети — глупыми, начальники — идиотами. «Такую уверенность, боюсь, никак не сломать — в какие бы активности этих людей ни включать, — говорит Подкопаев. — В безысходности удобно, ведь изменения требуют усилий. Но я не верю в то, что возможностей нет, и каждый пример, той же программы «Учитель для России», это доказывает. Просто нужно заранее позаботиться о том, где ты будешь заряжаться энергией. Это как благотворительная организация — создавая ее, ты должен продумать, как будешь пополнять бюджет. Потому что иначе твоя помощь закончится достаточно быстро — в тот момент, когда закончатся деньги. Стоит читать посты других учителей и книги — я сам долгое время открывал каждый день работы Амонашвили и медитировал над прочитанным. Стоит искать среду, которая будет тебя подпитывать. В конце концов, что держит в месте, где все плохо? Перейди в другую школу. Найди себе другого начальника. Я во многих городах вижу толковых директоров и экспериментальные площадки, и в том числе государственные. Директор школы в маленьком поселке может начать «волну», заряжая интересом к разным практикам других людей вокруг себя. Главное — дождаться окончания учебного года и подготовить детей: объяснить, что это не они плохие, а просто тебе нужно другое. Помни, что ты не Данко, который освещает своим сердцем путь всем людям. Сердце нужно подзаряжать, чтобы через три года не стать «отработанным материалом» с тусклыми глазами. **Откуда берутся выгоревшие учителя? Это люди, которые не нашли источников подпитывания своей энергии. Не нашли ту часть жизни, в которой они получают, а не отдают**».

Один из способов реабилитации учителей с потухшими глазами, который регулярно возникал в разговорах с самыми

разными педагогами, — показывать новое. Раз за разом, преодолевая упорное сопротивление, сила чужого созидательного опыта может сломить даже самую крепкую стену (с выведенной на ней надписью «Это не про нас»). Но как сказала однажды преподавательница МГУ Татьяна Краснова: **«Вокруг много людей, готовых подсказать педагогам, как нужно работать. И слишком мало тех, кто готов встать на их место».** «Нас как в детстве учили? «Ранка болит — переболит». «Есть такое слово «надо», — вспоминает Подкопаев. — Но если придет новый директор школы и заставит всех по утрам бегать — никто бег не полюбит. Я не представляю, где искать новых достойных учителей. Для этого нет ни одной программы, а в педагогических вузах студентам по-прежнему рассказывают то, что не имеет отношения к современной жизни. Поэтому нужно работать с теми учителями, которые есть сейчас. Даже с теми, кому неинтересны многие аспекты работы с детьми. На них может повлиять финансовая мотивация — например, внушительные премии за совместные поездки с детьми. Или приглашать выступать в школу разных интересных спикеров — рано или поздно кто-то достучится до преподавателей. Это долгая работа, по миллиметру. Ставишь задачи, говоришь о критериях проверки, оплачиваешь людям посещения уроков друг друга. Если у педагога тридцать два часа нагрузки в неделю, то, как директору, тебе нужно попытаться снять хотя бы часть. Например, оставить двадцать часов нагрузки, но при этом обязательно нужно посетить десять уроков коллег в неделю и написать три статьи. И я бы начинал с тех, кто действительно этого хочет. С пилотных регионов, где директора предложат учителям выбор: можно работать как раньше, а можно — вот так. Из заинтересовавшихся людей я бы уже сформировал команду. Уверен, такие найдутся. Конечно, сначала будут и халявщики, но постепенно останутся только те, кому это действительно надо».

«Те, кто считает, что знания важнее навыков, — двигайтесь вправо. Те, кто думает иначе, — влево», — звучит последний вопрос, и дети снова расходятся по группам. «Я не верю в существование навыков без знаний, — говорит мне Подкопаев. — То самое «умение учиться» должно быть зашито в учебную программу, ведь его можно развивать только на конкретном материале. То же самое наоборот: я не верю в наличие знаний без умения ими пользоваться. С шестым классом я недавно провел эксперимент: выписал все темы, которые мы будем изучать в ближайший год по программе, и те умения, которые я хочу развивать на наших уроках. А дальше соединил их стрелочками, показав, как я буду это делать. Скажем, если мы говорим про

навык работы с таблицами, то это задачи на скорость, время и расстояние. Таких навыков у меня получилось 15. Сначала я показал этот список коллегам и спросил, чего я не учел. Потом поговорил с детьми. Объяснил, что, раз мы будем изучать геометрические построения, мне будет очень важна красиво оформленная тетрадь. Что им придется чертить с линейкой и карандашом, а я буду это оценивать. Объяснил важность устной речи — что им нужно будет не просто учить, а конкретно обосновывать теорему. Такая работа потребовала колоссальных усилий — сначала сформулировать, потом найти способ, как это все достигать».

Подкопаев кладет руку на поверхность своего ноутбука, как будто отмеряя время окончания эксперимента. На серебристой крышке «Макбука» наклейка с надписью **«Твои оценки ничего не говорят о тебе как о личности».** «Знаешь, я считаю, что нет правильного ответа на вопрос, нужны ли отметки, — говорит Юрий. — Мне вообще нравится идея «естественной оценки». Например, если наша задача — коммуникация с иностранцем, то людям нужно поехать в город и сделать интервью. Это естественная фиксация навыков устной речи. С другой стороны, **мне нравится самооценка — когда ты вначале планируешь, а потом соотносишь себя с планом и смотришь на собственный рост.** Просто надо вырастить психологически устойчивого человека, для которого оценивание не станет трагедией всей жизни. Вот некоторым взрослым важно получить не только финансовое, но и качественно-содержательное оценивание. Точно так же и на уроке. Кому-то важна обратная связь, подтверждение своей значимости. И роль преподавателя — научить ценить удовольствие от игры в сравнение себя с другими и с самим собой вчерашним. А еще работать с семьей. Ведь **если близкие ребенка нацелены только на отметки, все твои преподавательские разговоры о «личностном росте» будут бесполезны**. Я не вижу проблемы в отметках, если они не травмируют, а развивают. Важно, что мы не держим детей в инкубаторе, после которого они выходят в мир и понимают, что их все-таки оценивают. Просто эта процедура должна быть совместно выработанной, дружественной и понятной взрослым. — Помолчав, Подкопаев добавляет: — Вот в этом суть и интерес моей работы. Иначе непонятно, зачем мне столько времени на нее тратить».

18:15
Столовая Встреча

Стоит в мерном вареве голосов начать выхватывать отдельные фразы, и могут произойти интересные вещи. Жанр «разговоры за соседним столиком» давно уже превратился в самый популярный источник вдохновения для постов и коротких рассказов. Даже если ты в школьной столовой.

Особенно если ты в школьной столовой.

Как только оглушающая симфония по фрагментам распадается на отдельные голоса, я слышу вопрос: «А вы же писатель, да?» И обращен он явно ко мне. «Нам учителя уже рассказали», — говорит мне семиклассница Лиза. Открытость сегодняшних подростков иногда застает врасплох, но я киваю и через несколько минут обнаруживаю себя участником разговора, который мне захочется включить в книгу.

«Знаете, в школе меня поражало, что преподаватели считали детей изначально глупыми. И только их, преподавательские, слова были способны сделать школьников умнее, — говорит Лиза. — Но ведь когда тебе предоставляют выбор: учить предмет или нет, в школьном кабинете остаются только те, кто хочет там быть».

Сидящие в уголках столовой учителя начинают понемногу расходиться. Шум стихает так, словно невидимый звукорежиссер медленно поворачивает ручку громкости. «Когда учишься в

сильной гимназии, ты гонишься за оценками. Но не ради понимания, на что способен, — говорит Лиза. — Просто на тебя давят учителя. Помню, как из последних двух недель перед окончанием четверти я не спала полторы: исправляла все тройки на четверки, а четверки — на пятерки. В конце года мой преподаватель сказал: «У тебя слабый уровень для гимназического класса. Ты видела, как учатся твои одноклассники? Из двенадцати возможных отметок у них одиннадцать пятерок. А у тебя всего три». При этом из-за огромного количества домашней работы для меня в тот период даже на четверки учиться было достижением. Я приходила домой и сразу засыпала. Затем просыпалась в девять вечера и делала домашнюю работу, чтобы снова уснуть в два ночи. И так у нас училась половина учеников. Дети работали на износ». — «А что, учителя этого не понимали?» — спрашиваю я. «Понимали. Просто не все хотели с этим что-то делать, — говорит Лиза. — Никто не ценит твои усилия — ценится только результат. **Людям нужно поднимать не рейтинг твоих знаний, а рейтинг своей школы.** Кроме увлеченной искусством учительницы ИЗО, другие преподаватели не были заинтересованы нас чему-то обучить. В классах было по тридцать пять человек. И чтобы учитель уделил тебе десять минут для разговора, нужно было записываться к нему за две недели. У педагогов просто не было времени на отдельных школьников». Тут я вспоминаю, почему на всех разговорах о «персонализированном обучении» в Дании всегда звучала фраза «В классах не должно быть больше 28 человек».

Подростки дают советы взрослым. Часть 2

«Что такое сейчас «хороший учитель»?» — спрашиваю я

у Лизы, чтобы через секунду выяснить: она уже и сама размышляла над этим вопросом. «Это учитель, который не ставит себя ощутимо выше ученика, — говорит Лиза. — В моей прежней школе было не принято обращаться к преподавателям за объяснениями. Учительница алгебры иногда нас спрашивала: «Есть у кого-нибудь вопросы?» Когда в ответ поднималось несколько рук, она отвечала: «Вот если бы вы внимательно слушали, то все бы поняли». Если ты подходил с просьбой объяснить еще раз, тебя считали глупым. Но **разве ученик не считается умным хотя бы благодаря своему желанию что-то узнать?**»

Владимир Погодин прав: дети видят нас, взрослых, куда лучше, чем мы можем себе представить. И то, что мы выгорели. И то, что нам тяжело. И то, что мы раздражены, потому что вместо урока предпочли бы оказаться в совершенно другом месте. «Годы учебы в школе убили у меня желание что-то узнавать про искусство, — говорит Лиза. — Я теперь просто ненавижу архитектуру с двенадцатого по шестнадцатый век. Нам просто повторяли: «Читаете параграф, задаете вопросы», а потом заставляли учить. Зачем? И учителям неинтересно преподавать, и нам неинтересно учить».

Мне часто задавали вопрос: «Окажись вы в Министерстве образования России, что бы вы попросили изменить в современной школе?» Думаю, что вместо своего я бы принес список ответов подростков. Потому что любой разговор с ними — это готовый список предложений, и **даже странно, что мы не догадываемся узнать о необходимых изменениях от самих детей**. «Однажды я вышла из школы, купила себе булочку и вернулась обратно. Завуч тут же отправила меня к директору, — рассказывает мне Лиза. — «Это правило школы: выходишь из здания — иди домой!» — сказали мне. На 23 Февраля и 9 Мая к нам приходили военные и рассказывали, что война — это, конечно, плохо. Но при необходимости нужно быть готовым убивать врагов. Девочкам рассказывали, что нужно идти учиться на военных врачей. Мальчикам — что нужно идти в армию и умирать за Родину. В школу нельзя было приходить без жилетки с логотипом учебного заведения. Однажды преподаватель поймал меня в коридоре со словами «У нас ученики ходят только в жилетках». После чего отправил домой переодеваться. А директор так обожал Пушкина, что раз в год устраивал День лицеиста. Половину мальчиков одевали как Александра Сергеевича, а половину — как Наталью Гончарову. Нам задавали вопросы про Царскосельский лицей и Пушкина, на которые нужно было отвечать. Я однажды заработала десять баллов только потому, что

знала, что в спальнях лицея поддерживалась температура пятнадцать градусов. Разве это все не странно?»

Странным мне кажется другое. То, что **большинство правил и ограничений в школах создаются и поддерживаются людьми, которые не задавали себе простого вопроса: «Зачем?»** И правила, о которых рассказывает Лиза, это только подтверждают.

«Как считаешь, зачем нам сегодня нужна школа?» — спрашиваю я. «Вы думаете, мы, школьники, сами об этом не думаем? Мои одноклассники размышляют об этом семь лет учебы из одиннадцати, — говорит мне Лиза. — От каждого знакомого старше восемнадцати я слышу, что, кроме базовых вещей, человек не помнит ничего из того, что когда-то учил. И поэтому я для себя отвечаю на ваш вопрос так: *низачем*. Ну из чего может состоять жизнь человека с семи до восемнадцати без учебы? Что бы вы сами делали? Даже если бы у меня сейчас была возможность окончить школу, я бы этого не сделала. **Но меня пугает, что экзамены определяют важность положения в обществе.** Что из-за ЕГЭ, проваленного в конце одиннадцатого класса, можно стать разочарованием родителей. Кто из твоей семьи обрадуется, если ты никуда не сможешь поступить? Поэтому я и говорю, что не умею учиться».

Видя мой непонимающий взгляд, Лиза уточняет: «Потому что я не умею зубрить. А в современной школе учиться и зубрить — это часто одно и то же. Ты можешь понимать логические связи между событиями или временной таймлайн. Но если ты не можешь запомнить даты — ты не знаешь историю. При этом у меня есть знакомые, у которых нет других интересов, кроме сдачи ЕГЭ. «Надо учиться!» — говорят они. Я спрашиваю их: «Зачем?» — «Чтобы сдать экзамен». — «Зачем?» — «Чтобы поступить в институт». — «Зачем?» — «Чтобы работать и быть обеспеченным. Чтобы было спокойно». То есть спокойствие в жизни завязано на сдаче экзамена. Представляете себе количество учеников, которые не хотят учиться? Каждый день они с трудом встают с постели, идут в школу, где на них давят и кричат. Они бы с радостью оттуда ушли, но при этом общество посчитает их бесполезным мусором, который ничего не умеет. Печально же?»

Лиза замолкает и некоторое время смотрит на табличку «Отвлекся на телефон — пропустил интересный разговор». «Невозможно запретить людям «сидеть в телефоне», — задумчиво говорит моя собеседница. — Когда меня ругают за то, что я трачу время на смартфон, я просто иду в туалет и включаю его там. Понятие «сидеть в телефоне» — очень расплывчатое. У меня есть друг в Сургуте. Из-за разницы во времени у нас есть всего два часа в день, когда мы можем пообщаться. Но в этот момент взрослые обычно подходят ко мне со словами: «Ты прожигаешь свое время в интернете».

«Знаете, мой учитель биологии однажды сказал: «Я учеников не люблю, а уважаю», — говорит мне напоследок Лиза. — **А я уважаю этого преподавателя, потому что дети не всегда заинтересованы его слушать, зато он всегда заинтересован рассказывать.** Я уважаю людей, которые по-настоящему увлекаются своим делом. Или когда узнаю о человеке что-то новое — например, что у моей географички пять высших образований. Или когда преподаватель показывает, что он тоже человек. Недавно на последнем уроке учительница сказала нам: «Слушайте, я подвернула ногу и очень хочу суши — так что давайте мы сейчас все соберемся и по-быстрому сделаем эту работу». И тут весь класс почувствовал, что мы с ней на одной волне. Несколько человек признались, что очень хотят пиццу. Это такое облегчение — понять, что у учителя тоже может быть желание поспать, поесть, что-то сделать. Понять, что урок — это просто те, кто слушает, и те, кто рассказывает. Ведь давление появляется из-за слишком четкой иерархии. И только вот такой элемент понимания дает возможность школе быть хорошей».

Я знаю, о чем говорит Лиза. Однажды в эфир

радиопрограммы «Другая школа» пришло сообщение от слушателя: «Моя дочь недавно пришла из школы и с радостью поделилась со мной сообщением. Она сказала: «Мама, представляешь, у нашей учительницы есть ребенок. Учитель — тоже человек!»

Наше импровизированное интервью заканчивается, я встаю, чтобы успеть пройтись по школе до того, как она окончательно опустеет. «А почему вы вообще со мной разговаривали на все эти темы? — внезапно спрашивает меня Лиза. — Большинство людей на вашем месте никогда бы не задали этих вопросов просто потому, что посчитали бы меня неразумной. Как можно на равных говорить с 13-летней девочкой? Нас, детей, никто никогда не спрашивает о тех вещах, о которых мы сейчас говорили». — «Наверное, именно поэтому я об этом и спрашивал», — говорю я.

18:30
Физкультура по-другому

Так могла бы выглядеть ожившая декорация к «Алисе в стране чудес». Ворох разноцветных веревок и потайные места, в которых можно спрятаться так, чтобы никто тебя не нашел. Я и еще десять школьников замерли в ожидании «3D-физкультуры» в исполнении легендарного преподавателя Сергея Реутского. «В современном мире нужно, чтобы название отличалось, поэтому «3D» означает «динамика», — перед уроком объясняет мне Реутский. — Но я всегда называл свои занятия «физкультурой про другое». То есть не про физические, а про социальные и психологические качества».

«Сейчас будут рискованные вещи, — предупреждает школьников Реутский. — И я не понимаю, кого можно до них допускать, а кого — нет». Четвероклассники затаив дыхание смотрят на учителя. Реутский назначает одного школьника наблюдателем, а затем объявляет первое задание: взять две длинных доски и устроить «переправу». В одну сторону пронести доски над головой, в другую — вместе по ним перебираться, не ступая на пол. Сложность в том, что школьникам придется договориться: кто несет одну доску, кто другую и как всем двигаться. Дети громко спорят, и коридор понемногу превращается в школьную столовую. Я размышляю о том, когда мы уже зайдем в кабинет.

«В следующий раз будем на время все то же самое делать!» — объявляет детям Реутский. «В смысле «на время»?» — удивляется один из четвероклассников. «В смысле «в следующий раз»?» — удивляется еще больше другой.

За следующие десять минут «переправа» доведет школьников до исступления. Стоит сделать ошибку — и все нужно начинать сначала. Несколько попыток спустя Реутский поменяется в лице и построит всех детей вдоль стены. «Как только у вас нет командира, сразу проявляется дурашливость! — грозно говорит он. — А нам, взрослым, хотелось бы, чтобы уже в начальной школе вы могли что-то делать сами. Почему мальчики положили доску на диван? Тихо, не обвиняйте друг друга — я не буду сейчас разбираться. Теперь возьмитесь за плечи друг друга и с закрытыми глазами вместе пройдите до конца коридора. Мне бы хотелось, чтобы это был последний момент, когда я разговариваю строгим голосом». Поворачиваясь ко мне, Реутский моментально добреет. «Вот так, дисциплина», — говорит он, улыбаясь одними глазами.

На улаживание проблем с поведением уходит двадцать пять минут. Реутский не пускает детей в зал, пока они не успокоятся. Уже оказавшись в зале, где все цвета как будто подкрутили в «фотошопе», я понимаю, что такое «физкультура по-другому». Упражнения — это пролезть через окошко с сеткой и вылезти там, где этой сетки нет. Добраться до горки, не касаясь пола. Спуститься с горки вниз головой. По замыслу Реутского, эти упражнения обучают ориентированию в пространстве и

командной работе. Довольно быстро становится понятно, что без авторитарного лидера дети все еще не могут себя организовать. «Мне понравилось, как вы сегодня работали, — напоследок говорит Реутский школьникам. — Но огорчило, что вы это делали только по команде. Как вы будете учиться, когда у вас не будет строгого командира? Вам нужно понять, как договариваться».

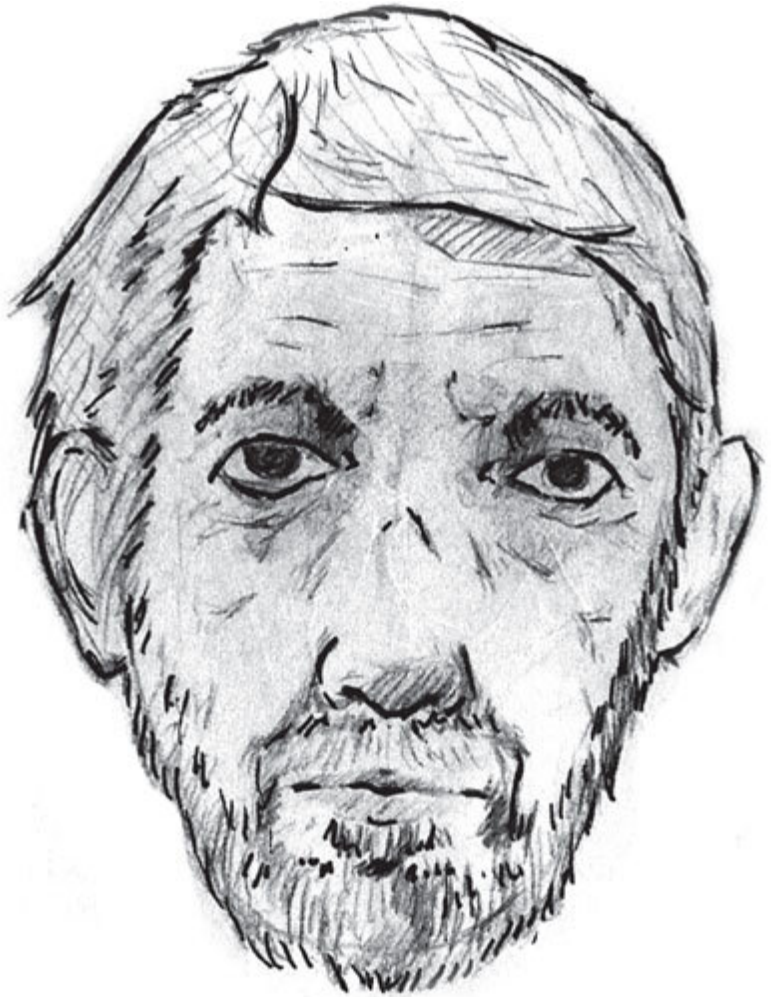
«Тяжелый сегодня день, но я такие люблю, — говорит мне Реутский после беседы с детьми. — **Когда у тебя хороший урок — непонятно, куда дальше двигаться. Когда он так называемый «плохой» и ты совершил ошибку, всегда понятно, что делать дальше.** Сегодня занятие еще более-менее получилось, а соверши мы все ошибки посерьезнее — было бы еще лучше! Появилась бы очень серьезная мотивация на размышления, и наверняка бы родилась какая-нибудь интересная идея. Вот почему **план урока бессмысленно писать до занятия. Его нужно писать после, фиксируя, где мы были и куда попали, анализируя наши фантазии и реальность**».

Обязательная часть физкультуры по-другому та, где Реутский провоцирует детей. Например, съехать с горки с криком, а потом сделать все остальные упражнения молча. И если школьники не удержались и поддались на провокации, Реутский собирает их в круг и начинает беседу по душам. «Я говорю им: «Не получается себя организовать? Давайте потренируемся на более простой ситуации», — говорит Сергей. — В классической советской школе не было наказаний — была тренировка того, что не получается. Я даже думаю, что горох и розги были придуманы не для болезненных ощущений, а для прилива энергии. Серьезно, если хоть раз в жизни вас секли розгами, то вы знаете, что это не боль, а ожог, после которого сразу появляется много сил». «То есть детей нужно бить? — уточняю я. — Это отличается от гуманных принципов, которым мы все пытаемся следовать». «Понимаете, эти принципы — ложь, — говорит мне Сергей. — В жизни нужно уметь проявлять силу и быть жестким, а иногда — беспощадным к себе и врагам. Другое дело, что нужно не застревать в одном состоянии. Для меня задача — научить детей в каждой ситуации сознательно выбирать, быть сильным или слабым. Поэтому сначала я им позволял себя вести как угодно. Потом говорил, *что* нужно делать, лишая их выбора. Затем у них была возможность выбирать в рамках. А в конце была провокация на нарушение договоренностей. Потому что как только ты добился послушания, ты сразу должен детей отпустить».

Реутский говорит, что из всех предметов в школе современные дети больше всего чувствуют себя неуспешными на физкультуре. На уроках больше нет эмоциональных переживаний

и опыта, без которого все остальное не имеет смысла. «**Все хорошие преподаватели владеют одними и теми же навыками — они обозначаются плохим словом «саморегуляция»**, — рассуждает Сергей. — Потому что педагогика — это личная лаборатория человека. Никакой линии между авторитарностью и демократией нет: все зависит от того, какие рамки задает педагог — более жесткие или более мягкие. К примеру, мальчик из хорошей школы сломал однокласснику руку. Жесткая рамка — отправить его после этого в кадетский корпус, чтобы через три года получить обратно вышколенного ребенка. Демократический стиль — долгая работа со школьником. Но это все одна шкала, по которой педагог должен уметь двигаться».

Реутский называет все происходящее у него на уроке «построением линии усложнений» — способом уменьшать количество указаний, чтобы дети переходили к самостоятельности. «Я двенадцать лет отработал во вспомогательной школе и на третий год понял, что у меня снижаются интеллектуальные и эмоциональные способности. Так что я точно знаю: **какая вокруг окружающая среда — таким будешь и ты**, — говорит Реутский. — **Поэтому в учителе так важно умение эмоционально заражать других.** Понимаете, хороший учитель никогда не был транслятором знаний. Я до сих пор помню свой восторг от рассказа трудовика про железные конструкции, а это было послевоенное время. Или урок в школе Тубельского, когда преподаватель попросила нарисовать замок, но перед этим в течение пяти минут о нем рассказывала. С ее слов мы все его увидели, нам уже не терпелось начать рисовать. Но что еще важнее: каждый из нас *увидел свой замок* и поверил, что сможет его создать».



«Все хорошие преподаватели владеют одними и теми же навыками — они обозначаются плохим словом «саморегуляция».

Сергей Реутский

«Обучавшие меня педагоги разделяли два стиля преподавания: один — органический, другой — технологический, — говорит Реутский. — Опираясь на технологии, ты всегда делаешь одно и то же. Но смешивая одни и те же краски, нельзя получить новый цвет. Как готовят хороших математиков? Учат вырабатывать методы для решения нетривиальных задач. На физкультуре мы точно так же работаем в задачном режиме. Стараемся не заучивать упражнения, а разбивать задачи на серию усложнений. Поэтому важна эмпатия, и меня ей научили на боевых искусствах. После двух лет занятий тренеры сказали: «Завтра приводите девушек, будем у них учиться». — «Чему?» — «Увидите». И мы стали проводить

спарринги по-новому. Девушка напротив тебя два раза рукой махнула, а на третий попала тебе в глаз без всякой выученной техники. Она решила задачу своими средствами. Так, через боевые искусства, мы обучались пристройке к ситуации».

Мое любимое определение слова «образование» когда-то дал Сергей Казарновский: «Образование — это когда факт сталкивается с эмоцией». Реутский считает образование «не получением знаний, а становлением в несколько этапов». «Доктор Ватсон говорил: «Постарайтесь нанести поменьше вреда», — рассказывает мне Реутский. — Я долго жил с этой мыслью. **Есть учителя, которые созидают, а есть те, кто разрушает. Мы начинаем учиться у первых, а потом обязательно должны научиться у вторых.** Только тогда каждый из нас будет готов отстаивать свои ценности. Вот чему должны учить в школе. Кстати, хотите услышать короткую притчу?» Я хочу. «**Если представить, что знания и навыки лежат в комнате, то дверь в эту комнату будет называться пониманием. А ключ к этой двери, — доверием** — говорит Реутский. — Педагог всегда должен учиться ставить перед собой вопросы. Ведь иначе как ты поставишь их перед другими? Если ты сам перестал учиться, как ты будешь понимать людей, которые еще учатся?»

19:10
Учительская «Хлопните два раза те, кто меня сейчас слышит»

«Чей Кафка?» — указывая на стол, громко спрашивает у собравшихся в кабинете преподаватель истории и естествознания Юрий Романов. На столе лежит несколько экземпляров притчи «Перед законом». «Мой, но я распечатал больше копий, чем нужно, — отвечает Виктор Симаков. — Так что это лишние». «Можно я возьму? Мне пригодится», — спрашивает Романов и, получив одобрение, исчезает.

Вечер в школе напоминает засыпающий на ночь город. Движения людей становятся размереннее, как будто все одновременно готовятся к следующему дню. Самое интересное в такие моменты — сидеть и наблюдать, запоминая мелкие детали. Так, однажды в финской школе я обратил внимание, что преподаватель несколько раз переходил на шепот — ровно в те моменты, когда дети начинали шуметь. «Я поняла, что понижение голоса работает лучше, чем крик. Это мгновенно привлекает внимание школьников», — объяснила мне учительница после урока.

«Хлопните два раза те, кто меня сейчас слышит», — говорит на своих уроках классу руководитель начальной школы Сергей Плахотников. «Сотрудничество — одно из ключевых слов в обучении. Благодаря ему мы равны при неопределенности будущего. А любой урок — это ситуация неопределенности, — говорит мне Плахотников. — **Учителя хотят предсказуемости, но как она возможна? Мы не знаем, с каким опытом дети пришли сегодня в класс и в какую сторону пойдет разговор.** Ученики могут приспособиться к взрослому, который решит довести дело до точки, невзирая на их предпочтения. Но тогда формируется очень опасная модель поведения — мы и дальше в жизни все время будем приспосабливаться к взрослому, который нас строит».

Плахотников перечисляет мне **три главных качества любого хорошего учителя: талант в общении с детьми, интерес к окружающему миру и способность взаимодействовать на равных.** «Первое — это умение чувствовать ребенка. И такое качество должно быть с рождения, потому что ему невозможно научиться, — говорит Сергей. — Есть учителя, для которых дети — средство достижения своей цели. Способ удостовериться, что ты хороший преподаватель, что состоялся в этой жизни, что твои

идеи правильны и ты на своем месте. Интерес — это не заискивание. Это вопросы «Покажи, как ты этому научился» и «Расскажи еще. Мне интересно!». Искреннее превалирование ноты узнавания над нотой утверждения и приказа. И когда я говорю об интересе к окружающему миру, то имею в виду преподавателя биологии, который сам хочет узнать ответ на вопрос, как дышит илистый прыгун, когда он в иле».

Третья составляющая, важная для общения с родителями, — способность взаимодействовать на равных и сотрудничество. «У преподавателя и родителей общая цель — заботиться о самоопределении ребенка, — говорит Плахотников. — Но если говорить обо всех чертах хорошего учителя в порядке убывания, то можно закрыть глаза на трудности общения преподавателя с мамами и папами. Можно найти методиста, если учитель не силен в предмете. Но если человек глух к ребенку — надо с ним расставаться». — «Как вы понимаете, что человек *не* глух?» — спрашиваю я. «Знаете, в нашей профессии нет привычки учитывать мнение ребенка, учитель обычно слышит только себя, — говорит Плахотников. — А речь — это то, в чем мы чаще всего проявляемся как личности. У ребенка слишком часто во рту кляп — *кодифицированный литературный язык педагога.* Его все время поправляют: «Скажи полную фразу!» или «Вот так надо говорить!». Мы можем связать ребенка по рукам и ногам, но не можем запретить ему говорить собственной речью. **Все меняется, как только ребенок понимает, что высказанное им вслух не только ценно, но и зафиксировано взрослым.** Что учитель помнит слова, а не проступки. Проведите эксперимент — спросите не «Помнишь, ты вчера разбил…», а «Ты помнишь, что вчера говорил?». Нарушения обычно ищут проверяющие органы. А человек, у которого есть дар общения с детьми, радуется увиденным мелочам».

Я вспоминаю предмет в израильской школе, который можно примерно обозначить как «личная ответственность». В течение года школьникам нужно в обязательном порядке побыть волонтерами. «Какие уроки вы бы добавили в современные школы?» — спрашиваю я у Плахотникова. «Знаете, сейчас в школах уроков так много, что жить некогда, — говорит мне Сергей. — Я бы *убирал уроки*. Собрать бы детей, чтобы погулять с ними по городу… а потом, опираясь на увиденное, понять, что мы можем изменить в школе. Но у нас ведь есть программа, и мы должны выдавать результат. В этом проблема современных учебных заведений: сейчас ценится эффективность, управляемость, простота. А другие ценности испарились. Но не все в этой жизни упрощается. Школа — не банк. Это управление

содержанием, а не процессами. Посмотрите: были школы «с лицом», а сейчас они все обезличенные и под номерами. И очень много стало страха. Жить в ожидании конкурса — тупиковая ветвь развития. Школа должна проявляться через своих выпускников. А сейчас, глядя на учебные заведения, я подумываю, не перевести ли мне своего сына на домашнее обучение».

«Вот вы говорите про неэффективность школ. А я недавно изучил статистику удовлетворенности россиян системой образования, — вступает в разговор Дмитрий Зеливанский, руководитель второй смены в школе. — Шестьдесят семь процентов устраивает состояние учебных заведений. Еще двадцать — «удовлетворены в достаточной степени». Тех, кто считает, что в школах происходит что-то не то, — десять процентов. Для большинства людей происходящее сегодня в российских учебных заведениях — норма. При этом я вижу, как школа изнашивает детей, вижу 14-летние «живые трупы», которым уже ничего не интересно. У них остановились внутренние двигатели. Я недавно ездил в свою школу в Ростове-на-Дону: мне хотелось узнать, сколько детей умерло от наркотиков, насилия, сколько бывших учеников сидит в тюрьме. Но вместо статистики мне подсовывали результаты по математике и физике, как будто это важнее. Потому что **школа не готова принять ответственность за влияние на твою жизнь**».

Наш спонтанный разговор переходит на популярную тему «Успешность выпускника». Один из самых интересных и до конца не решенных вопросов: как мы мерим успех учеников? Количеством стобалльников по ЕГЭ или количеством будущих Тарковских, сформировавшихся в школе? И можем ли мы сказать, что одно менее значимо, чем другое? «Что такое успех? У меня для этого есть три критерия, — говорит Зеливанский. — Развитие личности, умение учиться и способность взаимодействовать. Мне

кажется, что если ребенок в этих трех вещах реализуется, дальше в жизни он не пропадет. И **школа должна помочь проявить странное образование внутри, которое называется личностью.** На мой взгляд, только ради этого и стоит жить. Я сам из очень плохой школы в рабочем поселке Ростова. Мою школу нужно было закрыть и никого к ней не подпускать. И во взрослой жизни мне пришлось провести с собой очень большую работу, чтобы как-то приблизиться к человеческому облику. На примере своей жизни я понимаю, что все может быть иначе».

Дома со своим ребенком Зеливанский ведет долгие разговоры, обсуждая справедливость преподавательских решений. «Неизбежность учительской позиции в том, что ты всегда влияешь на другого человека, — говорит Дмитрий. — Да, ты можешь использовать инструменты страховки и безопасности — показать, что ты не идеален и тоже можешь ошибаться. Но в остальном глупо думать, что та самая «Марьиванна» учит только своему предмету и больше ничему. На детей влияет то, как она одевается, разговаривает, относится к школьникам».

«Главный вопрос, который перед уроком нужно ставить каждому преподавателю: какую связанную с уроком проблему мы хотим решить?»

Юрий Романов

«Все в школе зависит от целей, — продолжает Зеливанский. — Есть подход: я вас накажу, если не выучите теорему Пифагора, пусть даже 90 % из вас никогда в жизни не будут ее использовать. А есть другой подход: а что я хочу, чтобы было в конце школы? Если я хочу, чтобы развивалась личность, то нужно позволить учителю самому определять цели и задачи, ошибаться и исправлять ошибки. И нельзя преподавателя за это ругать. Наоборот, нужно помогать учителю справляться с давлением родителей по поводу оценок. **Нужно оберегать педагога от системы, где за неверное действие сразу наказывают.** И тогда роль учителя — организовать для ребенка среду, в которой уже сам школьник будет пробовать и ошибаться».

«Знаете, проще всего говорить на примере собственной жизни, — добавляет Плахотников. — В разговорах с преподавателями я часто размышляю: отдал бы я этим людям своего пятилетнего сына? И мне хотелось бы, чтобы учителям не страшно было привести своего ребенка. Чтобы можно было поменять педагогов классами, а учебный процесс бы продолжался. Если в школе дети будут интересны взрослым, то тогда и взрослые будут интересны детям. И это обоюдное любопытство снимет любые конфликты».

В учительскую возвращается Юрий Романов. «Ваш Кафка пригодился десятиклассникам на обществознании», — с ходу сообщает он Виктору Симакову. Мне приходится бороться с желанием схватить преподавателя за рукав и узнать подробности. Поэтому я просто отвожу Романова в сторону, чтобы узнать подробности. «Я люблю импровизировать и часто до начала урока не знаю, с чего начну, — говорит мне Юрий. — Обычно я придумываю что-нибудь новое буквально за полчаса до начала занятия. Вот я увидел новеллу Кафки, где сказано про охраняющего врата закона привратника и человека, который стремился к этому закону попасть. У меня как раз должно было начаться «занятие по запросу», на котором школьники захотели узнать про основы права. Я пришел с Кафкой, которого они только что читали с Симаковым на предыдущем уроке. Сначала они поразились: «Что, опять?!» Но я сразу всех успокоил — сказал, что мы посмотрим на тему с другой стороны».

Все, что произошло дальше, лучше всего описывает фраза присутствовавшей на уроке школьницы: «Это же надо было так выкрутить». В притче Кафки герой воспринимал закон как нечто высшее, священное — то, к чему нужно пробиться через тернии. Романов напомнил ученикам о том, что закон в культурах вроде иудаизма воспринимается именно так — как нечто

непоколебимое, — и предложил сравнить это с традиционным пониманием права. Обсуждение продолжилось определением закона в разных культурах и видов правовых семей — англосаксонской, романо-германской и иудейской.

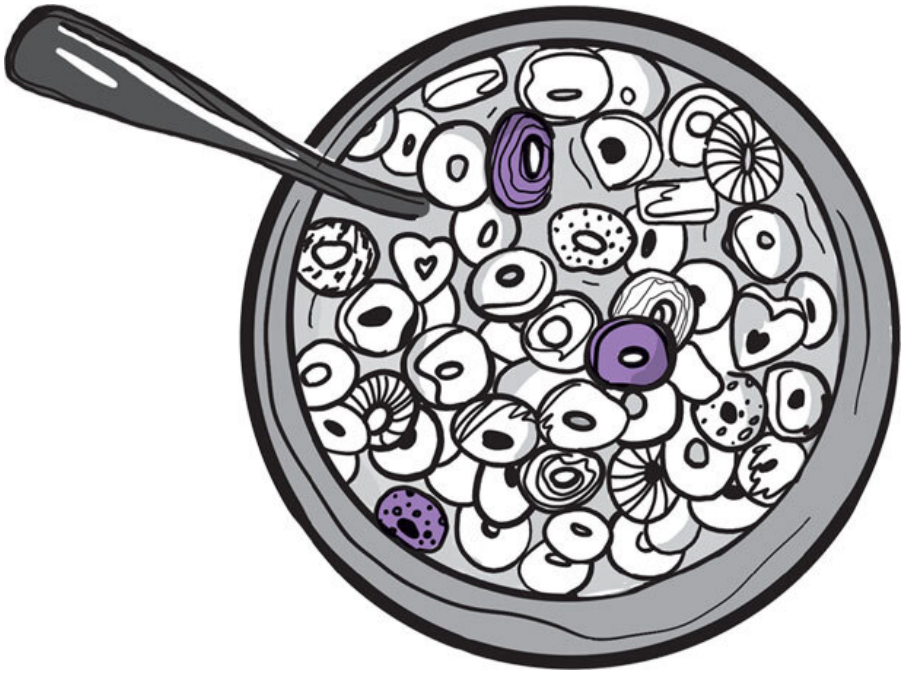
Лучшие вещи часто происходят именно так: случайно, спонтанно, в последний момент. За три часа фотосессии для обложки легендарного альбома Брюса Спрингстина «Рожденный бежать» Эрик Меола успел сделать больше девятисот портретов певца. На обложку попал тот, что был сделан случайно, — улыбающийся Спрингстин опирается на своего саксофониста. Один из любимых преподавательских приемов Юрия Романова тоже появился спонтанно. Заходя в кабинет к своему новому классу, Романов неожиданно сказал увидевшим его впервые ученикам: «Ну а теперь рассказывайте, что вы обо мне знаете». Выражениями лиц школьники ответили, что они не знают об учителе ничего. «Еще как знаете. Думайте!» — ответил Романов. Через паузу робкий голос школьницы высказал первое предположение: перед ними — мужчина. «Замечательно, начало положено. Что еще? «Вы — учитель» — уже более твердо послышалось в ответ. За следующие несколько минут старшеклассники выяснили, что о возрасте и уровне дохода человека можно судить по его одежде или как минимум по модели его телефона. «Я отдал им себя на растерзание, а потом объяснил: «Вы сейчас при первой же встрече показали, как мы определяем социальный статус человека», — рассказывает Юрий. — Дальше мы начали обсуждать десятки существующих социальных групп. Так заодно и познакомились».

«Слушайте, а что это за таинственный «урок по запросу» вы упомянули вначале?» — спрашиваю я. В ответ Романов открывает ноутбук и показывает мне таблицу с заполненными графами. Что делать, если некоторые ученики в твоем классе опережают программу? Для таких Романов придумал индивидуальный маршрут, напоминающий компьютерную игру, причем этот маршрут никак школьной программе не противоречит. После каждой темы старшеклассники получают чек-лист со всеми знаниями и навыками, которыми должны теперь обладать. Например, «уметь различать виды правонарушений» или «знать о юридической ответственности». Дальше у каждого есть два пути. Стандартный трек — для тех, кому комфортно проходить все шаг за шагом. Или альтернативный: углубиться в тему самостоятельно с помощью предложенных учителем материалов, потом сдать контрольную работу и «открыть» для себя новый уровень с бонусами. Романов называет такой следующий этап «Любой каприз» — намек на то,

что любой учебный каприз школьника будет исполнен. Из 46 человек в параллели 17 девятиклассников решили, что стандартная программа слишком скучна, и решили попробовать индивидуальный маршрут. У двоих получилось хорошо сдать контрольную. Им повезло услышать о Кафке и законах.

Последняя дополнительная опция, которая появляется в индивидуальном маршруте, — договориться о том, чтобы сдать все заранее и официально «прогуливать» уроки истории ради подготовки к другому предмету. Но здесь Романов предложил детям решать с ним все индивидуально.

Еще в 1998 году шведская учительница Софи доказала, что **возможность детей управлять хоть чем-то в учебном процессе в несколько раз повышает их уровень мотивации.** Она предложила школьникам распоряжаться временем на уроках по своему усмотрению. Каждые дополнительные пятнадцать минут, потраченные на изучение темы, приравнивались к одному баллу. Сдавая все контрольные вовремя, ученик мог «расплатиться» этими баллами за свое отсутствие на уроке. Так, некоторые школьники приходили на занятия в одиннадцать утра, а уходили из школы в пять вечера. При этом никак не портя себе аттестат. Несколько лет спустя эксперимент Софи привел к созданию сети частных школ «Kunnskapskolan», где все обучение делится на 45 индивидуальных шагов. «Мы долго пытались понять, как быть с теми детьми в классе, кто хочет изучать предмет углубленно, — говорит Романов. — Неудачно поэкспериментировали с дополнительными занятиями после уроков. Из-за внушительной нагрузки в течение дня школьникам было тяжело воспринимать что-то новое. По идее, восьми часов в день разумному человеку хватит на то, чтобы осилить школьную программу. А если нет, значит, что-то неправильно в самой программе и нужно искать резервы. Этот индивидуальный маршрут — попытка найти такие резервы».



«**Главный вопрос, который перед уроком нужно ставить каждому преподавателю: какую связанную с уроком проблему мы хотим решить?** — продолжает Романов. — Какова конечная цель? Как далеко мы сможем пойти? Возьмем экологию. Школьная программа по этой теме слишком отвлеченная и плохо мотивирует. Поэтому я, учитель, рассказываю детям о количестве мусора, которое каждый из нас производит в течение года. О том, как в городе растут горы свалок. Получается, что я пытаюсь решить проблему экологичного поведения, и это хорошо принимается детьми. Конечная цель? Человек, который бережет окружающую среду. Как далеко я пойду? По итогам урока школьники сформулируют конкретный рецепт, как меньше загрязнять природу своего города. И это не так уж далеко от целей, которые прописаны в школьной программе. Просто такой подход приближает нас к жизни».

Однажды я говорил с 72-летним психологом обычной районной школы в Подольске Галиной Спасской. Она рассказала мне о своем взгляде на будущее учителей — вернее, на то, что в будущем они будут больше психологами, чем учителями в классическом смысле слова. Методика Романова напоминает целеполагание в психотерапии, выступающее первой стадией процесса решения проблемы.

Этот обоюдный процесс (в котором участвует и психотерапевт, и пациент) стимулирует использование имеющихся знаний и навыков, но только при условии, что цели

чуть-чуть превышают возможности пациента. Тогда возникает большая настойчивость в их достижении.

Как и на уроке, задача в постановке цели — превратить жалобу в запрос. Цель должна быть сформулирована в терминах достижения, а не избегания или отрицания. Результат процесса — в ответе на четыре вопроса: «Чего вы хотите?», «Для чего вам это?», «Какой наилучший результат вы ожидаете получить от работы?» и «Что это изменит в вашей жизни?». **В начале учебного года Сергей Волков предлагает детям написать ответ на вопрос «Зачем мне ваш предмет?» и придумать, что же они хотят с помощью этого урока освоить.** Удивленные самим вопросом старшеклассники («Как зачем? Урок у меня в расписании») постепенно понимают, что целью той же самой литературы может стать умение красиво писать. А в конце года, глядя на собственные ответы, все как один не верят, что когда-то могли так бедно формулировать мысли. Так **«Мне ваш предмет нужен, потому что он обязательный» превращается в «Мне нужен ваш предмет, чтобы я научился вот этому»**.

Напоследок Романов говорит мне, что не стоит забывать об одном: в учебном процессе цели ученика и педагога могут быть разными. Преподаватель может увлечься содержанием, школьник — получением отметки. «**Процесс может быть гораздо более наполненным, если вы вместе договорились о целях**, — говорит Юрий. — Нельзя сказать, что у меня самого это получается. В реальной школьной жизни ты вечно «слетаешь». Но хотя бы время от времени стоит возвращаться к своей изначальной цели. Ведь каждый раз с выпускниками педагогических вузов я сталкиваюсь с одним и тем же: выходя на свои первые уроки, студенты делают не то, о чем ты с ними договорился, а то, что они видели в своей школе. Воспроизводят не обучение из университетской аудитории, а то, как учили их самих».

ШКОЛА
ДЕТИ
РОДИТЕЛИ

19:50
Столовая Главная проблема школы

Впившись в ноутбук, Владимир Погодин с интересом изучает открытый на нем документ. Заметив меня, он кивает на стул: «Я тут провел кое-какой эксперимент над людьми и получил любопытные данные. Задержись, тебе будет интересно». Видя мое замешательство после словосочетания «эксперимент над людьми», Погодин объясняет: «Школьникам нужно было представить учителя, которому они доверяют, и того, которому они *не* доверяют. Семьдесят два ученика, обычные дети из обычной московской школы. Я предложил им поучаствовать, честно предупредив о последствиях, и они согласились».

Полтора десятка смоделированных Погодиным ситуаций были поделены на три части. В первой выяснялось, готов ли учитель к взаимодействию. Понимает ли он ученика, может ли идти ему навстречу. Во второй — насколько в проблемных ситуациях педагог спокоен и уравновешен. Под «проблемной ситуацией» понималась, например, та, где ребенок не сделал домашнее задание. Наконец, в третьей, самой сложной, Погодин хотел изучить неприятие преподавателем ситуации и самого ребенка. «Я хотел выяснить, насколько ученик лучше учится, если ему комфортно. Или не лучше? Или вообще это все неважно? — говорит Погодин. — За полгода исследований мне стало по-настоящему страшно. Хотя это даже не жалость, это глубокое сочувствие». Но из-за чего страшно? «Я тебе лучше просто все покажу», — отвечает Владимир. И разворачивает ноутбук ко мне.

Несколько минут я прокручиваю таблицу с заполненными ответами. Слева — ситуация, справа — то, что говорит или делает учитель. Учитель, которому школьники доверяют и которому не доверяют. Часть контрольной группы просто должна была описать, как ведет себя типичный преподаватель. Помнится, **некоторые из достаточно уверенных в себе учителей признавались мне, что боятся увидеть анонимный фидбек своих учеников.** И, кажется, теперь я знаю почему.

«Учитель говорит о том, что мы ничего не понимаем, что никто из нас не проходил через какие-либо жизненные трудности. Преподаватель считает, что никто из учеников не знает, что такое болезнь, не знает, что такое смерть близкого человека. А кто-то сидит на задней парте, пытаясь не заплакать, и вспоминает о том, что дедушки, который научил тебя играть в шахматы, которого ты любил и с которым потрясающе проводил время, уже нет в живых.

И я сейчас говорю не только за себя». Россыпь строчек как будто растекается по коже мурашками. «Так, ставлю «два» — это обычно говорит учитель, если ты не принес текст по литературе. Интонация у учителя властная, если можно так сказать».

Как странно: я ведь уже забыл, что каждый укор запоминаешь в красках. В пять лет я не снял варежку, когда коллега папы со мной поздоровался. «Настоящие мужчины снимают перчатки», — покровительственно сообщил папин знакомый. Мама залилась краской, а мне захотелось, чтобы невидимый лифт отправил меня на пару этажей вниз. С тех пор в холодное время года я снимаю перчатки, едва увидев знакомое лицо на другой стороне улице. Но то жгучее ощущение стыда я помню в деталях до сих пор: интонацию, голос, виноватый взгляд моей мамы. **Замечания и наши фразы, «каждая из которых отражается на самооценке», — мощный инструмент, который влияет на жизнь и годы спустя.** «Учитель бьет чем-то по столу и громко говорит: «Тишина!» Я полагаю, что этот метод не самый комфортный для ученика. Но у одного учителя я видел, на мой взгляд, гениальную методику. Она переходит с обычного громкого голоса на шепот. Ученики сразу концентрируют внимание и понимают, что что-то не так».

«Читай про тех, кому они доверяют. И облейся еще более горючими слезами», — дружелюбно советует мне Погодин.

И я читаю. «Ну что значит — не сделал? Раз не сделал, получишь два», — сказано поучительным тоном — так, что слышит весь класс. Потом учитель перестанет обращать внимание на отсутствие домашнего задания, чтобы я мог влиться в работу». «Ты достойна отметки выше, ты знаешь материал. Причина большинства твоих ошибок — всего лишь невнимательность. Просто соберись, и у тебя все получится». И в скобках приписка этого же человека: «Мне стыдно просить о каком-то особом отношении к себе, но я буду рада такому ответу». «Пока у тебя в году не выходит два и ты не портишь репутацию лицея, можешь сам выбирать, что делать, а что — нет».

Подождите… это люди, которым дети доверяют? Неужели за несколько лет школа прививает привычку радоваться клочку доброты? Привычку чувствовать, что *ты есть,* только если получаешь одобрение кого-то свыше и ты не хорош сам по себе?

Мишель Фуко говорил, что школа — это лакмусовая бумажка всех остальных государственных систем. Посмотри на то, как устроено в стране любое учебное заведение, и поймешь, как функционирует общество. Радость старшеклассников от доброжелательности учителей напоминает нашу взрослую радость от того, что сегодня не обхамили в поликлинике или на

почте.

Пару лет назад я сидел в кабинете с легендарным преподавателем Сергеем Казарновским и семьей, чей ребенок только что перешел в новую школу. Восьмиклассник долго рассказывал нам, как сильно его нынешняя школа отличается от прежней. «Ну а чем, чем отличается?» — мучили мы бедного парня вместе с Казарновским. Несколько минут старшеклассник молчал, а потом произнес фразу, после которой несколько минут молчали уже мы: «Я больше не испытываю чувства вины».

«Учитель скажет, что я *должна* была выполнить его задание, несмотря на свои возможные проблемы и обстоятельства. Поставит плохую оценку, не даст возможности исправить. В общем, будет выше меня по своему положению и посчитает, что его мнение и предмет важнее, чем моя жизнь». Пока я перебираю лоскуты болезненных откровений подростков, Погодин объясняет, что он вынес из них сам. «**Если у тебя проблема — нужно говорить о себе. Если у человека — нужно говорить о нем.** Это принципиально разные подходы, — рассказывает Владимир. — Представь: ученик опоздал на урок, потому что его мама плохо себя чувствует. Он говорит об этом учителю и в ответ слышит: «Когда ты приходишь на урок так поздно, мы не можем начать». «Да пошли вы все…» — вот она, естественная реакция. Если я скажу ему: «Наверное, очень тяжело прийти на урок, когда родственник так плохо себя чувствует», все будет в порядке. Ребенок увидит, что его понимают и принимают как человека. Но при этом бессмысленно говорить детям: «Я вас вижу», когда в классе шумно. «Ой, вам, наверное, так плохо сейчас, что вы шумите». Какой будет реакция? Иди к черту, учитель! В такие моменты надо решать *свои*, преподавательские проблемы. Не существует единых методов решения проблемы. Каждый раз я обращаюсь внутрь и понимаю, что сейчас должен сделать. И тогда я добиваюсь полной тишины в классе, решая проблемы детей». Каким образом? «Начинаю им сочувствовать. Им ведь всегда есть чему посочувствовать».

Я понимаю, что мне приходится уточнять каждую следующую фразу — настолько контрастны по смыслу последние два утверждения. Как тогда одновременно и успокоить класс, и показать, что ты понимаешь детей? «Зависит от ситуации, — объясняет Погодин. — Например, я могу им сказать: «Представляю, насколько вам тяжело собраться после урока физкультуры. Да еще и слушать Владимира Николаевича, который дает какие-то задания». Хотя я мог сказать: «Когда вы пропускаете мимо ушей выданные мной задания, возникает проблема с нашим общим присутствием здесь». Это два разных

подхода, и только от меня зависит, какой я выберу. А внутри увиденных тобой двухсот вариантов ответов учитель вообще не выбирает, что он делает».

От прочитанных мной фраз пробуждается что-то неуловимо знакомое, но уже давно забытое. Как будто в детстве тебя застукала с сигаретой соседка по даче и наябедничала твоим родителям. И вот уже столько лет прошло, а при встрече с этой женщиной поневоле поеживаешься. «Как у тебя может что-то получиться в дальнейшем, если ты не смогла справиться с этим? Ты разочаровала меня» — с укоризной. «Что вы болтаете, дебилы?» — учитель сказал это с гневом. «Ой, ну вот только не плачь, это никому не нужно. Я не могу тебе ничем помочь» — сказано грубо и почти с безразличием.

«Школа учит, что тебя не существует, что *тебя просто нет*, — говорит мне Погодин. — Десять лет назад я проводил эксперимент с учителями. Уровень позитивного принятия ребенка у любого из них был в лучшем случае десять процентов. У меня была тогда мысль, что я что-то исправлю. Но сегодняшние результаты все подтверждают. В глазах этих детей *не существует человека*. Я готовлю по этому эксперименту диссертацию, но не знаю, как отразить в ней самую большую беду современной школы. Того, что в ней нет людей. Есть персонажи, которым дети пытаются доверять. И ничего не выходит. **Основная проблема школы — не в детях. Школьники пытаются увидеть людей, а нас нет**».

Вот что пишут восьмиклассники. Слово в слово:

«Учитель не может организовать работу в классе так, чтобы максимальное количество учащихся было вовлечено в процесс. Дети к нему не прислушиваются, так как не считают авторитетом. Учитель оставляет попытки всех успокоить и начинает разговаривать только с заинтересованными. Возможно, с какой-то точки зрения это правильно, но если дети еще не до конца, в силу возраста, сознательные, то основанный на self-discipline метод преподавания не работает и ученики упускают важную информацию. Из-за чего впоследствии скатываются по предмету (у меня так было в другой школе)».

«Учитель ставит плохую отметку даже при желании ученика ее исправить, заранее подготовившись к следующему занятию. Вследствие этого у учащегося пропадает желание улучшить знания по предмету. Следовательно, материал не запоминается или остается неизученным».

«То, как дети видят школу, в значительной мере определяет то, как они живут все годы учебы, — говорит Погодин. — С одной стороны, большой хитрости здесь нет: будь человеком — и все. Но **учителю очень трудно быть человеком**». — «Вы не думаете, что преподаватели просто боятся показать себя?» — спрашиваю я. «Они очень боятся оказаться подвластными. Даже если человек изображает из себя рубаху-парня и заигрывает с подростками, он

все равно так или иначе пытается доминировать. Дети для него — фон».

«Есть три основных варианта:

«Но согласись, ведь это не пятерочная работа»;

«Не спорь, я и без тебя устал(-а)»;

«Вот у этой ученицы работа на пятерку, а у тебя — нет».

Разумеется, высказывание сопровождается не конкретными аргументами, подкрепляющими поставленную оценку, а эмоциями и криками, показывающими отношение учителя ко мне во всей красе. Где-то поблизости должен(-на) стоять ученик(-ца), завоевавший(-ая) симпатию и доверие со стороны преподавателя по каким-то личным обстоятельствам».

Даже не знаешь, что хуже. Понимать, что это учитель, которому ты не доверяешь, или думать, что так бывает всегда и со всеми. И окончить с такой уверенностью школу, чтобы только во взрослом возрасте обнаружить: все может быть иначе.

«Если ребенок не сделал домашнее задание, я себе задаю вопрос: это чья проблема? С этого нужно начинать, — говорит Погодин. — Если это проблема ученика — я его выслушаю. Если моя — мне придется в этом признаться. Когда взрослые называют проявления человечности «панибратством» и говорят, что «ученик должен знать, кто здесь главный», так проявляются их внутренние страхи. **Дети из чувства самосохранения всегда смотрят на взрослых. И они предрасположены следовать ожиданиям людей старше их.** Просто они считывают те ожидания, о которых мы понятия не имеем, и вовсе не те, которые мы транслируем. Если бояться, что тобой будут манипулировать, потому что ты мягкий и хороший, дети будут это делать. Любой ребенок, заходя в кабинет, понимает, что в нем творится. Потом ожидания соединяются и возникает школа как она есть. А теперь вопрос. Мы согласовываем эти ожидания? Нет. Мы о них что-нибудь говорим? Нет. Мы хоть что-нибудь с ними делаем? Мы вообще способны о них разговаривать?»

«Как у тебя может что-то получиться в дальнейшем, если ты не смогла справиться с этим? Ты разочаровала меня» — сказано *с укоризной.*

«В результатах, которые я получил, нет нормального личностного отношения, — подводит итог Владимир. — Но в трех ответах из ста, по крайней мере, упоминают юмор. Это хороший инструмент, если только это не насмешка. Грань очень тонкая: дети любят повеселиться, но терпеть не могут, когда над ними насмехаются. Они же очень уязвимы, задеть их ничего не стоит. Некоторые ученики годы спустя пишут, что помнят мои слова, о которых я сам уже забыл.

«Помните отличную фразу? «Учителя делятся на два типа: те, кто говорит детям — и те, кто говорит с детьми».

20:05
Скрипка, галстук и маленькое чудо

«Когда я в детстве отказывался заниматься музыкой, папа вспоминал одну актерскую сплетню. Знаменитый советский скрипач — не будем называть его имени — в детстве должен был играть шесть часов в день, а играл всего два. Перепробовав все способы заставить ребенка заниматься музыкой, мама нашла тот, который срабатывал всегда. Она вставала на подоконник и говорила: «Сынок, играй! Иначе я выброшусь из окна». Так вот: есть разные способы повысить мотивацию. Но ни в одной школе мира я бы не хотел видеть тот, который я описал. Тот, что сочетает эффективность с травматичностью».

Разговор с сооснователем «Новой школы» Никитой Мишиным подарит мне еще одно определение слова «образование», которое мне захочется оставить на память. Лет десять назад сложно было даже представить, что обеспеченные люди однажды будут вкладывать внушительные средства в образование — настолько эта сфера была лишена романтики. Теперь появились конференции и школы, созданные предпринимателями, — и никому это уже не кажется необычным.

Я встречаю Никиту Мишина у расписания, которое он скрупулезно изучает. Мой собеседник регулярно посещает уроки, чем изрядно заставляет нервничать педагогов. «Зачем я хожу на уроки? — переспрашивает меня Мишин. — Мне всегда было интересно посмотреть, как опытный учитель выстраивает диалог с ребенком. Впервые встретившись с взрослым человеком, можно в течение пяти минут перебрать несколько разных тем и понять интересы собеседника. С ребенком такое не пройдет. И меня всегда восхищало искусство нащупать тональность диалога со школьником. Потому что именно тогда возникает урок, который можно назвать «маленьким чудом».

Если преподаватель — это издающий звук камертон, то свою тональность Мишин «нащупал» благодаря учителю географии. «Это было скорее уроками отношения к жизни и мужского поведения, — говорит Мишин. — Представьте: 1983 год, в школе на 700 человек работают всего 4 мужчины. Мы едем в летний лагерь труда и отдыха в Краснодарском крае, где нашему учителю географии нужно ежедневно посещать местный сельсовет. И я слышал, как он говорил: «Они хотят, чтобы я надевал галстук. А я их терпеть не могу». И вместо галстуков он носил ковбойский шейный платок, повторяя: «Я лучше к ним три

раза схожу, чем надену галстук». Мы, мальчишки, не то чтобы понимали, что происходит, но ощущали, что в этих словах проявляется чувство собственного достоинства. И это тот ориентир, на который надо равняться».

Несколько лет назад к Мишину подошел его сын с вопросом: правда ли, что Ромул и Рем были чернокожими? В ответ на недоумение молодой человек показал сайт, на котором была сенсационная информация о расовой принадлежности основателей Рима. «Вот для этого и нужно образование, и в этом цель существования школы, — говорит мне Мишин. — Важно понимать, что и зачем ты ищешь. Я глубоко убежден, что аналитические способности и критическое мышление не развиваются без определенного набора знаний. Зная годы правления и контекст эпохи Ивана Грозного, ты можешь свободно рассуждать о его правлении. Зная, как выглядят Ромул и Рем, ты можешь легко определить, где написана ложь. Умея считать, ты не позволишь себе быть обманутым банкирами во взрослой жизни. В конечном счете, **образование — это одна из колонн, которая не позволяет человеку чувствовать себя потерянным**».

20:20
Выход в реальный мир

Мимо меня в коридоре проходит группа людей. Они изучают окружающую обстановку с таким видом, словно собираются купить здание целиком. Причем прямо сейчас. «Экскурсия, — кивает на них куратор школы Анжела Елисеева. — Сейчас мне снова задали вопрос: «Вот вы создали такое пространство. А потом дети выйдут в ужасный внешний мир, и что будет дальше?» Если честно, я просто не вижу в этом проблемы. Мир не обязательно должен быть ужасен. Дальше эти дети найдут пространство, которое им подходит. Или создадут его сами».

О реальном мире Анжела знает больше многих: несколько лет она вела в Воронеже группу трудных подростков, а в Москве почти год работала с детьми из детского дома. «Дети чувствуют, насколько ты «настоящий», — говорит Елисеева. — И если у тебя есть внутреннее неприятие ребенка или ты воспринимаешь ваше совместное время как «просто работу», он никогда тебе не раскроется. Например, подростки в детских домах не верят вообще никому. Ты приходишь к ним в первый раз, и у тебя есть примерно десять минут, чтобы доказать, что ты их друг. У нас, взрослых, постепенно уходит такое умение мгновенно «считывать» людей. За годы работы в детских домах я научилась главному: **чтобы понять и принять любого человека, нужно увидеть его в деле**. Поэтому нужно вначале найти с детьми совместное дело, а потом сделать его вместе».

В разговоре с одним преподавателем английского в Петербурге я услышал фразу: «Когда ребенку ничего не интересно, это ненормальная ситуация. Детям *всегда* что-то интересно». Вопрос «Помогите, ребенок ничем не увлекается» задает мне в программе каждый третий родитель. «Очень важно через доверительную беседу «вытащить» из детей их интересы, — соглашается Анжела. — А если их нет, рассказать вначале про свои. И тут стоит использовать собственный опыт: например, мои личные негативные переживания помогли мне лучше проживать проблемы детей. Я однажды замещала урок в школе, где были трудные подростки, и один мальчик прямо на уроке достал мяч и начал бить им о пол. Нельзя же сказать: «Убери мяч!», потому что тогда ты порвешь тонкую ниточку, существующую между тобой и ребенком. Я подождала, пока он закончит, а затем начала расспрашивать, чего они все хотят от жизни. Тут же откликнулась «протестная группа» — дети сказали, что им вообще ничего не

нужно. Сдать бы ЕГЭ на минимальный балл, а дальше они спокойно пойдут работать на автомойку. Но я знала, что это — ответы безысходности: «Я не знаю, что мне выбрать, поэтому не выбираю ничего». Ты начинаешь задавать вопросы: а когда были маленькими, чего хотелось? И постепенно дети начинают раскрываться. **Странно, не правда ли? Работаешь со взрослыми, и у них всегда куча нерешенных вопросов, с которыми они готовы обратиться за помощью. А с ребенком нужно добиться, чтобы он позволил решать его проблемы**».

С того случая прошло четыре года, и со своим трудным классом Анжела общается до сих пор. «Самые сложные ребята всегда были моими любимчиками, — говорит Елисеева. — Потому что это подростки со своей жизненной позицией, которые выдерживают свои границы. Мне всегда казалось, что такие дети смогут добиться большего, потому что у них есть свое мнение — и нет человека, который бы смог это мнение у них отнять. Потому что дети очень часто сталкиваются со взрослыми, которые не спрашивают об их потребностях, вместо этого навязывая им свои. Бывают взрослые, для которых детские проблемы вообще несущественны. И мне кажется, что ровно в этот момент дети перестают таким взрослым верить. В моей жизни был человек, который на равных выстраивал со мной отношения. Этот руководитель детской организации помог мне удержать свой внутренний стержень. И я убеждена, что каждому ребенку нужен человек, который ориентировал бы его своим примером. Показывал, что можно быть счастливым человеком во взрослой жизни, что дальше у ребенка все получится. Просто самое главное — это искренне и не фальшиво верить в детей, попытаться их услышать и понять. Потому что только так мы можем вернуть их доверие к нам».

20:30
Что нам теперь делать?

В Москве окончательно наступил вечер, а в Лос-Анджелесе, где сейчас живет сэр Кен Робинсон, — всего половина одиннадцатого утра. Я пытаюсь уложить в голове услышанное за этот день, и мне нужен, очень сильно нужен взгляд со стороны человека, с которым ты как будто говоришь на одном языке.

Сэр Кен встречает меня калифорнийским загаром и фирменными растянутыми английскими гласными в речи. Даже солнечный климат не способен поменять настоящего британца, который всегда шутит с каменным лицом. Я долго рассказываю Робинсону о том, что услышал в школе, а потом спрашиваю: как же, по его мнению, выглядит идеальный урок? «Главное — помнить о разнице между обучением и образованием, — говорит мне Кен. — Обучение — это процесс приобретения навыков и познания окружающего мира. Дети это просто обожают. Да чего там, это суть человеческой природы: мы все хотим узнать больше о том, что вызывает у нас интерес. Полтора года назад у меня родилась внучка — и это самый прекрасный ребенок, который когда-либо появлялся на свет. Она абсолютно поражена окружающим миром и стремится его изучить. Так что **обучение — это дар, который нам дан при рождении. Образование — намеренное программирование этого процесса.** Это организованная система, основанная на идее, что без помощи взрослых многие вещи окажутся для детей слишком сложными. Но если школы — это группы людей, которые собираются вместе, чтобы учиться друг у друга, то возникает вопрос: почему же обожающие узнавать об окружающем мире создания начинают испытывать к образованию отвращение? Именно в том пространстве, которое должно помочь им учиться? Чем больше я об этом думаю, тем более нелепой мне кажется фраза «не получить образования». Это как завалить тест на определение темперамента. Так что проблема не в детях, а в системе».

Разговор с Кеном Робинсоном

За несколько дней до нашего разговора Робинсон выступал в Калгари и Нью-Йорке, где в каждом зале собралось по несколько тысяч человек. Обеим группам Кен задал одинаковый вопрос: кто из вас обнаружил свой талант во время учебы в школе? В обоих случаях люди в аудитории просто расхохотались — решив, что Робинсон шутит. «Хорошо, теперь я задам другой вопрос. У кого из вас был учитель, который повлиял на вашу жизнь?» — спросил Робинсон. Руки подняли все. «Вот она, разница между отношениями и системой», — сказал им Кен.

«Обучение — это твои взаимоотношения с преподавателем, — говорит мне Робинсон. — Проблема в том, что для многих учителей уроки — это просто работа. С таким же успехом они могли бы трудиться официантами в столовой. Мне нравится фраза «Цивилизация — это гонка между образованием и катастрофой». Я думаю, что она довольно правдива. **Поэтому я говорю — перед тем как улучшать систему образования, давайте вначале честно ответим на вопрос: для чего она нам нужна?** И я чувствую, что ответ нужно найти срочно. Большинство детей не понимают, зачем идут в школу, — ведь

«так нужно». Иначе ты не получишь аттестат, не поступишь в вуз и не найдешь хорошую работу. Никто не говорит ученикам вдохновляющих речей о том, почему они должны провести 12 лет в школе, а это, между прочим, больше, чем тюремный срок за убийство. К десяти годам дети начинают задумываться: какое преступление я совершил, чтобы здесь оказаться? Сколько еще времени мне предстоит здесь провести? Школа превращается в сферу жизни, которую нужно перетерпеть — как пубертат. Поэтому для любых изменений так важны отношения между учителем и учеником. На самом деле все остальное можно вообще убрать».

В процессе написания этой книги я наткнулся на пост в социальной сети, в котором молодая учительница просила совета у более опытных коллег. Как быть, если в классе тридцать человек и нет дисциплины, а выгонять никого не хочется? Отсаживать тех, кто мешает вести урок? Разговаривать с каждым? Наказывать? Больше всего меня порадовали комментарии, многие из которых сводились к одной мысли: нужно вести урок так, чтобы все тридцать учеников следили за тобой не отрываясь. «Когда я говорю про взаимоотношения с педагогом, я имею в виду триединство: материал, учитель, ученик, — говорит Робинсон. — Моя роль как преподавателя — увлечь, заинтересовать школьника взаимодействием с материалом. Часто люди путают этот процесс с прямыми указаниями: «Я знаю этот предмет и расскажу тебе о нем. Просто заткнись и слушай». Некоторым ученикам это нравится. Скажу больше: есть предметы, которые лучше всего учить именно таким образом. Но опытный учитель — это как опытный музыкант, врач или шеф-повар в ресторане. У него всегда наготове целый ассортимент идей и техник. **Искусство обучения — в том, чтобы знать, что сработает сейчас с этой конкретной группой людей.** Вот почему нужно время, чтобы стать классным учителем: ты постепенно понимаешь, что уместно сделать именно в этот момент. Это не значит, что преподаватель должен каждый раз заходить в кабинет с итальянской музыкой, бубенчиками и заготовленными шутками. Но он должен знать, как вызвать интерес людей. Для меня **хороший учитель — тот, у кого помимо знания материала наготове множество инструментов для взаимодействия с аудиторией. От развлечения до инструкции**».

В школе сэр Кен Робинсон обожал французский, потому что учитель в те годы был для него настоящей ролевой моделью. И наоборот: Робинсон терпеть не мог немецкий, потому что на уроках преподавателя ему каждый раз хотелось наложить на себя руки. «Дети гораздо лучше усвоят материал, если они будут

вовлечены в процесс, — говорит Робинсон. — Но я считаю большой проблемой, что мы становимся одержимы только одним видом знаний. Понимание, *как* делать те или иные вещи, не менее важно, чем знание о предмете. Вот мы с вами сейчас общаемся через континенты с помощью гаджетов. Кто-то должен знать, как сделать эти штуки. Ведь вся история человечества — это история претворения идей в жизнь. Наше знание эволюционировало через *узнавание*. Но дети в школах не проводят время за созданием чего-либо, они тратят его на переписывание информации с доски. Учитель может сказать свои ученикам: «Существует такое понятие, а теперь сами исследуйте его глубже». Я видел детей, у которых был убит интерес к окружающему миру, и через самостоятельные проекты они возвращались к жизни. Ведь мы, люди, по своей природе социальны и стремимся к сотрудничеству. Прямо сейчас наша жизнь зависит от тех, кого мы даже не знаем. И при этом наша система образования наполнена конкуренцией, а дети сидят за партами, вместо того чтобы работать в группах. Хорошие учителя понимают, что образование — это социальная система и детям нужно учиться друг у друга».

Не так давно Робинсон провел в Лондоне лекцию с ироничным названием: «Почему танцы важны не меньше математики». После этого журналисты из BBC спросили его: «Неужели он на полном серьезе так считает? Сколько выпускников школ станут танцорами?» «Совсем немного, — ответил Робинсон. — А сколько выпускников станут математиками? Я общаюсь с топ-менеджерами и инженерами Кремниевой долины, и они не используют ничего из пройденного на уроках математики в школе. Так почему мы маринуем детей тем, что им не потребуется в будущем? Ведь мы учим математику, потому что нам в жизни понадобится базовое знание предмета. Но точно так же нам в жизни понадобится базовое владение своим телом».

Робинсон говорит, что система образования сама создает проблемы, которые учителя не могут решить. «Я посещал множество американских школ и видел, как дети теряют интерес к предметам и у них начинаются социальные конфликты. Как затем они ходят на работу с нарастающим чувством неудовлетворения, а потом обращаются к врачам за лекарствами, чтобы с этим чувством справиться, — говорит Кен. — **Если вы сфокусируетесь на вопросе «Зачем?» и хороших учителях — все поменяется, потому что без достойных педагогов не получится ничего.** Вот почему ваша книга важна — она показывает, чем отличаются хорошие учителя. Великий

преподаватель вовлекает, у него высокие ожидания, он стимулирует и информирует. И он знает, как подобрать к вам ключ в этот самый момент».

Я не могу не спросить у автора самой популярной лекции в истории конференции TED (на момент написания этих строк выступление Кена Робинсона посмотрели больше 64 миллионов человек), что же он думает о гаджетах. «Думаю, что противостоять технологиям — это все равно что отрицать электричество: бессмысленно, — говорит Робинсон. — Гаджеты постепенно будут проникать во все сферы нашей жизни. И глупо отрицать, что есть куча способов использовать их во благо. Но… в отличие от книги или фильма, ты не знаешь, куда ребенка заведет использование смартфона. Уже за пять минут он может оказаться где-то в совершенно другом мире, и у этого есть токсичная сторона. Дети в подростковом возрасте неизбежно проходят через стадии принятия, оценивания и поиска своей идентичности. Социальные сети могут ударить по самому больному: дети могут столкнуться с онлайн-травлей и шеймингом, а потом страдать от нервозности и депрессии. Это не вопрос, нужно ли использовать гаджеты, это вопрос — как их использовать. Технологии сами по себе нейтральны. Это как оружие — оно убивает, когда им пользуются люди. Когда мы запрещаем детям играть на шоссе, мы о них заботимся. Желание взрослого забрать в определенный момент у ребенка телефон для меня такое же проявление заботы, а не покушение на права человека. Обучение новому языку требует практики, присутствия здесь и сейчас. Это невозможно с постоянно приходящими на смартфон уведомлениями. Ведь ты как учитель отвечаешь за то, чтобы мы довели что-то до конца. Я сам не беру телефон в спальню. Потому что у меня такая же зависимость, как и у всех остальных».

Кен Робинсон говорит, что **одна из проблем современного образования — в том, что мы инфантилизируем детей, не осознавая их способностей.** «Свобода — это не просто отсутствие ограничений. Часто креативность проявляется благодаря управляемым ограничениям — и это доказывают сами дети, когда мы предоставляем им ответственность за свои действия и возможность придумать правила, — рассказывает мне Кен. — Важная часть образования — сделать так, чтобы дети думали своей головой. Посмотрите на ситуацию с Брекзитом. Столько людей выступили со своим мнением, хотя даже не понимали, за что они борются. Вы знали, что на следующий день после голосования за выход из ЕС самым популярным запросом в британском «Гугле» было «Что такое Европейский Союз?». У меня

есть знакомый, хозяин небольшой цветочной лавки — он привозит цветы из Голландии и продает их в Англии. Я спросил его: «Что думаешь о Брекзите?» — «Мы всей семьей очень волнуемся. Ведь тогда цветы будут задерживать где-нибудь в Роттердаме, а в таких случаях два-три дня — и они завянут. Это будет концом нашего бизнеса». — «А ты голосовал за выход из ЕС?» — «Да, проголосовал». — «Но зачем?» — «Я просто не верил, что это действительно произойдет». Вот почему нам требуется критическое мышление. **Креативность рождается из умения размышлять над вопросом с разных сторон и навыка отличать правду ото лжи.** Мне кажется важным для образования, что дети с раннего возраста получат возможность высказывать свое мнение о тех или иных вещах. Это часть процесса познания мира. Но еще важнее, чтобы учитель поощрял желание детей больше узнать об этих вопросах — так, чтобы их взгляды были основаны на понимании того, о чем они говорят».

Больше шести лет я изучал, как работает наше внимание в социальных сетях — и почему одними текстами мы делимся, в то время как другие оставляют нас равнодушными. После двух лет посещений школьных уроков в разных странах мира я пришел к парадоксальному выводу: **хороший урок и хороший пост в социальных сетях устроены совершенно одинаково.** Больше того, мы увлекаемся и изучаем что-то с удовольствием и интересом ровно по тем же причинам, по которым выбираем любимую книгу или любимый фильм.

Как журналист, я знаю, что сегодняшняя задача автора состоит из трех пунктов: привлечь внимание, удержать внимание и… заставить поделиться текстом. У хорошей публикации (той, что мы сохраняем себе на память и с гордостью публикуем у себя на странице) есть два пункта: мгновенный эмоциональный отклик читателя и его идентификация. Ощущение, что это «про нас», — фундамент любого успешного текста и залог того, что мы увлечемся содержанием.

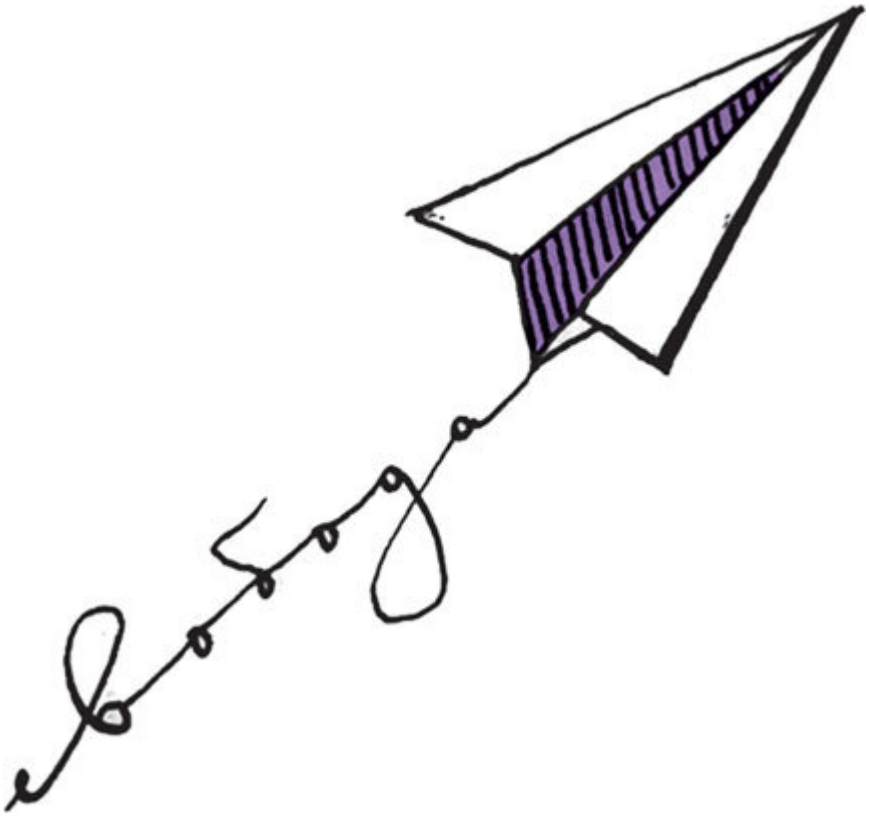
Хороший урок (тот, на котором дети увлекаются предметом) устроен ровно по такой же схеме. И в процессе разговора с Робинсоном мне даже пришла в голову теория трех треугольников. **Обучение — это ребенок, школа и родители. Урок — это ученик, учитель и предмет. Образование — ухватывающая внимание эмоциональная реакция, идентификация, и… самостоятельное изучение.**

Мы говорим с Робинсоном уже больше часа, и последние несколько минут его телефон разрывается от звонков. «Это моя жена, мы должны были с ней поговорить. Если она сейчас подаст на развод, я дам ей ваш номер и домашний адрес», — зловеще

предупреждает меня Кен. «Слушайте, расскажите о своих преподавательских приемах», — говорю я быстро в ответ, чтобы перевести тему. «Секрет один: наркотики. Много, много наркотиков, — не меняясь в лице, говорит Кен. — Мы размешиваем их в воде и раздаем перед началом лекции зрителям. Аудитория только выглядит заинтересованной — на самом деле у людей затормаживается нервная система, и целый час они просто не могут двигаться». Это, конечно, многое объясняет, но явно не все.

Видя, что я не удовлетворен услышанным, Робинсон продолжает: «У меня очень простые инструменты работы с аудиторией: мне просто самому интересно то, о чем я рассказываю. А это тяжело симулировать. Не важно, сидит ли передо мной 6 человек или 10 тысяч. Мне важен контакт — те самые взаимоотношения, о которых я говорил в начале нашего разговора. Когда я захожу в аудиторию, я не говорю что-то людям, *я говорю с людьми*. И стараюсь, чтобы сказанное мной было им близко. А еще я часто начинаю с шутки. Так аудитория расслабляется, а когда люди смеются — они слушают внимательно. Но это не техника, я просто родился в большой семье в Ливерпуле. Жители этого города невероятно смешные, иначе выжить в этом городе невозможно. Словом, когда стоишь перед аудиторией, нужно сделать так, чтобы сказанное тобой стало для людей важным и интересным. То самое триединство: контент, люди и спикер».

Телефон снова начинает звонить, и по озабоченному взгляду Робинсона я понимаю, что ему нужно ответить. «Последний вопрос: зачем нам сейчас нужна школа?» — почти кричу я. «Мы учимся друг у друга. А обучение — это социальный процесс, — говорит мне Кен. — **Весь мир состоит из взаимодействия друг с другом, и мы сами зависим от других. Нам нужно объединяться, чтобы познавать**. Нам нужно создавать глобальную сеть, чтобы показывать опыт и делиться тем, что мы поняли. Да, есть вещи, которые можно сделать онлайн. Но вы сами прекрасно знаете: все меняется, когда ты находишься с кем-то в помещении и чувствуешь энергию людей. Я думаю, что школы нужны. Просто не те, что есть сейчас. Нам нужно не избавляться от учебных заведений, а делать лучше — и примеры у нас есть. Есть другие школы».



21:45
Последний звонок

Моя школьная учительница геометрии как-то раз объяснила мне, почему перед доказательством теоремы рисуется пустой треугольник, а после — закрашенный. Потому что вначале у тебя еще светлая голова, а в конце появляется слишком много мыслей. Нечто подобное я испытываю в школе, спускаясь по опустевшим лестницам и проходя по таким же опустевшим коридорам. Как уходящий вдаль разговор прохожих, школа замирает, но не перестает жить. Это не остановившееся сердце, это глубокий вздох перед следующим днем.

Несколько лет назад школьный учитель из Голландии Стефан Каспер выиграл ночь в музее наедине с произведением искусства — его кровать установили в паре метров от «Ночного дозора» Рембрандта. Я почти понимаю, что он испытывал. Мне пора уходить, но я обхожу все помещения так, словно по очереди проверяю комнаты перед продажей семейного дома. Странное чувство, когда вдруг понимаешь, что здание живет своей жизнью. Когда вместо одиночества ты испытываешь невероятное единение времени и места. Владимир Погодин сравнил это с кожей — стены словно оберегают что-то живое внутри. Я знаю, что он имел в виду. Школа — это люди. Это всегда люди.

Я видел занятие, на котором десятиклассники говорили, как за год их изменили уроки литературы. «Я прятался от проблем, долгов по учебе и обязательств, оправдываясь глупостью, нехваткой времени и плохим самочувствием, — это было начало моей небольшой инициации не только в литературе, но и в жизни», — сказал старшеклассник Матвей. Тот самый Матвей, который в начале года объяснял Анастасии Серазетдиновой, в каком гробу он видел русскую классику, теперь на моих глазах рассказывает о том, как провел каникулы в компании с Раскольниковым. **«Я не всегда был с литературой, зато литература всегда была со мной»**, — сказал он. «В такой эволюции и состоит мой личный успех как преподавателя, — скажет мне Настя. — **Ведь главное, чтобы ребенок встретился не с тобой, учителем. Главное — чтобы он встретился с самим собой**».

Я видел, как в школе устроили день, когда преподаватели ходят на уроки друг друга, а потом по очереди делятся собственными наработками. Сначала застенчиво, потом все смелее, они будут рассказывать о придуманном для учеников

квесте, когда ровно в восемь вечера в чате «Телеграма» появляется вопрос от учителя. И первый, кто напишет на него ответ, получает заветную пятерку. Но открытием этот эксперимент станет для преподавателя. После первого же вопроса ученики попросят давать им задания, для решения которых они будут сидеть и размышлять, а не «гуглить» ответ. Ведь *думать куда интереснее*.

Наконец, учителя будут рассказывать о своем эксперименте: без всякого объяснения они раздадут детям лист бумаги, клей и вырезки текста с определенными словами. Ребенок сам должен будет понять, как все это расположить и связать с пройденной темой. Фрагмент задачи, о смысле которого нужно было догадаться, сработал куда лучше в подробностях прописанных условий.

И я видел, как учителя загораются, с жаром обсуждают идеи друг друга и внезапно понимают, что они не одни, что у каждого есть своя личная копилка идей. Как у повара, врача или музыканта — вереница заготовок, каждую из которых ты можешь применить в нужный момент. И я думаю, как правдивы слова о том, что едва ли не самое важное для учителя сегодня — видеть другой опыт и делиться своим.

Как потрясающе просто использовать гаджеты в качестве образовательного инструмента — публикуя личные находки, приемы, примеры. И вдруг из разных точек, как Солнечная система, выстроится глобальное сообщество. То, которое создаст новые школы, без ожиданий, что кто-то даст им для этого указания. Сообщество, которое изменит все, что нам сегодня не нравится в школах.

Наивно? Два года назад я бы подумал именно так. Но я кое-что видел за время, проведенное в поездках по стране с «Другой школой». Как люди после книги возвращаются к заброшенному образованию, создают свои школы, пробуют, экспериментируют и используют идеи и инструменты, которые в конце концов наталкивают их на что-то новое. Как говорил Стив Джобс в самом знаменитом ролике Apple: «Только безумцы, которые наивно полагают, что могут изменить мир… в конце концов его и меняют». Монологи всех встреченных мной людей не оставляют сомнений в правдивости этих слов: **весь мир состоит из взаимодействия, и мы сами зависим от других. Нам нужно объединяться вместе, чтобы познавать и делиться тем, что мы поняли**.

Я подхожу к стене, у которой 14 часов назад началось мое путешествие. Теперь на ней развешаны детские фотографии преподавателей — черно-белые портреты, взятые из невидимых

школьных фотоальбомов. Встретиться с самим собой? Кажется, только сейчас, в свои 33, я пришел на эту встречу и знаю, что нужно сказать. Потому что тем самым человеком, который покажет, что можно быть взрослым и счастливым и научиться проживать каждый миг, — стал для себя я сам.

Рядом лежит маркер, и я подхожу к уголку стены, где написанные мной слова будут видны не сразу. Но я буду знать, что они там — хотя бы на несколько часов. Буква за буквой, я начинаю писать письмо самому себе. В детство.

Так, как мог бы обратиться ко мне человек, который меня знал. Так, как теперь я знаю себя.

Саня, привет.

Надеюсь, это письмо застанет тебя на даче, где ты сейчас занимаешься математикой или сидишь за печатной машинкой в своих самодельных очках из проволоки.

Угадал?

Если ты сейчас там, я тебя сразу попрошу кое-что сделать. Подойди к бабушке с дедушкой, попроси их сесть вместе и сфотографируй. Знаю, знаю, ты и так с ними каждый день, целый месяц этого короткого лета, а дедушка не дает тебе покоя уравнениями (пропусти мимо ушей все его фразы, что тебе понадобится математика, — поверь, она тебе не нужна! Скажи ему, что хочешь больше читать, пусть чаще видит тебя с книжками). У тебя осталось несколько кадров в твоем фотоаппарате? Сделай, пожалуйста, их совместный портрет. Просто поверь: так надо. Пусть у тебя будет эта фотография — где они вдвоем и счастливые. Потом тебе будет ее не хватать.

И еще кое-что. Проведи несколько дней с дедушкой в разговорах. Помнишь, как он на каждый твой вопрос: «А это возможно сделать?» — всегда отвечал: «Конечно»? Помнишь, что он ни разу не сказал тебе, что что-то может не получиться? Ты мне сейчас не поверишь, если я тебе это скажу, но это будет главным его подарком тебе. Чувство уверенности, что все и всегда выполнимо.

А пока — поговори с дедушкой, и неважно о чем. Он скоро начнет многое забывать и все чаще будет молчать. У тебя в запасе не так много времени.

Запомни несколько мелочей, которые для тебя сейчас кажутся привычными. Как выглядит дача. Как ты бегал под дождем и пел песни. Как вы всей семьей делили одну клубнику на много частей — ту, что бабушка и дедушка берегли для тебя (ты вообще заметил, что они никогда не едят ягоды, за которыми ухаживают полгода?). Вот тебе, кстати, информация из будущего: дедушка на самом деле любит сладкое, просто всю жизнь отдавал конфеты тебе и бабушке. Не спрашивай меня, знала ли об этом бабушка, я

так и не успел этого спросить. Просто когда у тебя появятся деньги, привози дедушке конфеты. Тайком, чтобы никто не видел. Пусть это будет его личный запас.

Я тебя еще кое-что попрошу сделать. Ты зря дневник свой забросил. Записывай все, что чувствуешь, — сиюминутные эмоции, мысли, впечатления. Поверь, довольно скоро (куда раньше, чем ты думаешь) это будет казаться кадрами из кинофильма, в котором играл кто-то другой.

Знаешь, там, откуда я пишу, времени стало меньше. Все время кажется, что ты чего-то не успел, не сделал, не сказал. Поэтому не бойся говорить тем, кто рядом, о том, как они на тебя повлияли. И не пугайся, что постепенно действительно близких людей будет становиться меньше — пока не останутся только самые важные, настоящие. Так надо.

Ну ладно, ты же о будущем хочешь узнать, да? Вот прямо сейчас вернись за мраморный столик, переставь каретку печатной машинки, заправь новый лист (их там куча лежит в шкафу в комнате, я же помню) и на секунду остановись. Готов? Ровно так выглядит твое будущее. Честно. Ты даже не представляешь, как тебе повезло знать, чем ты будешь заниматься в жизни. А еще больше повезло даже не задумываться о том, что все могло быть иначе.

Смотрю на тебя и думаю, как забавно. Ты сейчас такой веселый и, как сказала твоя учительница английского, «коммуникабельный». Но только ты и я знаем, как тебе одиноко внутри. Ты зачем-то думаешь, что никто и никогда не примет тебя настоящим, поэтому нельзя показывать свою грусть. Это неправда, Сань. Как бы я хотел тебе сказать, что все однажды изменится. Ты безумно влюбишься и будешь любим самым удивительным человеком на свете (случится это неожиданно и куда позднее, чем ты думаешь), и вещи будешь делать невероятные, и даже группу свою музыкальную соберешь. Песни запишешь — те, что сейчас сочиняешь для себя и издаешь в виде картонных дисков. Представляешь? Все, что ты задумал, сбудется.

А еще у тебя сын родится! Вот он, рядом со мной сейчас сидит, маленький совсем.

Я знаю, какими сложными будут следующие несколько лет. Наверное, самыми сложными в твоей жизни. И мне жаль, что рядом не будет никого, кто тебя поймет и услышит, когда тебе это действительно будет нужно. Почему-то эти люди появятся в твоей жизни гораздо позже. Но они появятся, это я тебе обещаю.

Наверное, поэтому я так хочу успеть сказать тебе главное: дальше все будет лучше, так что поменьше переживай. Поверь, абсолютное большинство вещей, которые с тобой случатся в

следующие несколько лет, не будут иметь значения уже пару месяцев спустя.

Саня, и еще: с мамой и папой поменьше ссорьтесь, а то вам всем будет друг перед другом стыдно. Вообще, если сможешь — прости своих родителей. Это тебе поможет стать для своих детей человеком, которого никогда не было у тебя самого.

А теперь последнее. Ты мне, конечно, не поверишь, но в тридцать ты снова вернешься в школу. Правда, совсем не так, как думаешь. Будешь ходить на уроки и встречать удивительных преподавателей. Окажется, что школа может быть совсем, совсем другой. Но это потом, сейчас даже представить это невозможно.

Прости меня, что не успел с этим письмом вовремя.

А с другой стороны… Напиши я его раньше — кто знает, мы могли бы никогда не встретиться.

Обнимаю,

Твой я

— Конец —

Письма самим себе в детство

От кого: *Кирилл Медведев*

Дружище,

я не буду настаивать на маршруте, который я прошел — или от которого хотел бы тебя уберечь.

Вместо этого я поделюсь с тобой «узелками на память». Мыслями о том, что стоит сделать.

Учись принимать родных и близких. Узнай у своего дяди, как варить борщ. Расспроси свою прабабушку о ее молодости и запиши ее рассказы.

Не просто восхищайся тем, как мама воспитывает тебя и сестру, а спроси, как она это делает.

Кстати, мама права: перестань обижаться на других. Смысла в этом занятии ноль. Вот прямо сейчас, пока читаешь эти строки, прекрати это делать.

Знай, что извиняться и быть вежливым — не одно и то же. И что есть разница между помощью и потаканием.

Обрати внимание на огромное количество добра и любви вокруг тебя. Пойми, что с такой поддержкой ничего плохого в жизни случиться не может.

Ты уже сейчас думаешь, что не надо ничего планировать в долгосрочной перспективе. И ты прав. Жизнь окажется богаче и мудрее.

Научись смело просить о помощи, не стесняясь своего неумения и незнания.

Не бросай французский язык. Пораньше начни учить английский и читай книги в оригинале. Кстати, если не хочешь читать книжку — не читай ее.

Я тебя удивлю, если расскажу, что в занятиях спортом есть невероятное очарование. Им можно заниматься для удовольствия, а не потому, что «так надо». Вообще, людям можно говорить «нет». Этим ты никого не обидишь. А если обидишь, то это не значит, что это плохо. Потому что в жизни будут встречаться манипуляторы, которых нужно остерегаться.

У тебя всегда есть право не конкурировать ни с кем. Помни об этом.

Как говорит твоя сестра: если мимо пролетел дорогой автомобиль, в котором красивая женщина куда-то торопится, — возможно, она торопится к своему психотерапевту. Понимаешь, что я имею в виду? Не надо пытаться искать в своей жизни уникальные проблемы и думать, что у других людей проблем нет.

Иногда останавливайся и делай паузу. Особенно в те моменты, когда кажется, что никаких возможностей сделать эту паузу нет. Как только жизнь будет казаться устроенной сложно, как только возникнут мысли, что нужно от чего-то отказываться, — ровно тогда отложи все и подумай, что из этого временно, а что настоящее.

Не суетись. И ни о чем не сожалей.

Просто делай выводы и никогда не откладывай принятие решений.

* * *

От кого: *Анастасия Серазетдинова*

Дорогая Настасья, привет!

Ну ты как там? Пурга за окном небось? А ты все так же лежишь на диване, задрав ноги, и мечтаешь стать студенткой иняза МГУ? Ой, да брось! Все равно английский ты не выучишь. Пока. Но надежда будет настойчивой. А сопки так же видно в твое окно? Ты знаешь, я бы многое сейчас отдала, чтобы на них еще раз взглянуть. Ты там насмотрись как следует. И на Берингово море насмотрись. И стеклышки морские в карманы побольше напихай, пусть будут. Ты потом взахлеб будешь рассказывать о Севере людям: «А я с Чукотки, ага. Не-не, белые медведи не ходят под окнами. Школу вот лопатой откапывали. Входную дверь, ага».

Еще с папой говори побольше, вот прям наговорись. Это невозможно, конечно, но ты попробуй. А то не успеешь. Потом частенько будешь вспоминать его слова: «Ты только в учителя не иди, тяжело это». Каждый раз. Тебя только папа Настасьей называть будет в жизни. Вот так. Цени.

И постарайся вообще наслаждаться моментом. Останавливайся и выдыхай. А твое чувство справедливости никуда не денется. Тебя даже из университета выгонят однажды. Несправедливо. Но ты только выиграешь от этого.

Так же не бойся рисковать, и правду говорить не бойся, и людям «спасибо» говори так же. Они тебе всегда ответят добром. Всегда. Даже когда ты так не считаешь.

Твой северный характер тебе поможет. Греть людей-детей поможет, которым непросто и холодно. Вообще, с детьми тебе повезет. Их будет много и разных. И ты их будешь любить. Поэтому не переставай шутить, прям вот не стесняйся. Детям тепло от этого будет. Сохрани в себе хулиганский пыл, не

стесняйся быть собой.

Никогда не стесняйся. И береги себя, дорогая!

Обнимаю.

* * *

От кого: *Юрий Подкопаев*

Юра, привет!

Понимаю, что ты не поверишь, что это на самом деле пишу тебе я (просто чуть старше).

Но я все равно напишу.

Ты совершенно правильно поступаешь, слушая себя, а не кого-то еще. Занимайся и дальше тем, что приносит тебе радость и удовлетворение, что могут оценить окружающие тебя люди.

Я сегодняшний очень рад тому, что у тебя тогдашнего получилось отстоять перед всеми свой выбор (работу в школе).

Хотел дать тебе пару советов, к которым ты можешь и не прислушаться.

Расставляя приоритеты и распределяя время, не забывай свою семью. А еще здоровье и отдых. Больные одинокие педагоги еще никого не сделали счастливым.

Подтяни английский! И поддерживай на этом уровне дальше.

Найди себе стажировку за границей хотя бы на полгода. А лучше — на год. Где-то, где тепло, красиво и полезно.

Не отказывайся от классиков: перечитай Ушинского, Сухомлинского, Соловейчика, Дьюи. И не только те места, где они совпадают с Амонашвили и Тубельским.

Ты абсолютно правильно делал, что всегда работал как минимум в двух местах, — со стороны можно увидеть действительно важные вещи. Продолжай так поступать и дальше.

Делай разминку. Я сейчас не только про спортивные занятия (хотя и здесь делай, не забивай).

И не забывай, что ты блестящий учитель, у тебя прекрасные ученики и коллеги!

* * *

От кого: *Евгения Шпакова*

Здравствуй, Женя!

Пишу тебе из будущего. Такого далекого, что даже точную

дату указать страшновато))

Ничего не бойся и не переживай. Все эти трудности сделают тебя сильнее, устойчивее к критике и всякой другой фигне, которая иногда встречается в жизни. Ты двигаешься в нужном направлении. Во взрослой жизни тебе будет проще, чем сейчас. У тебя даже муж будет! И дети!

А еще хочу сообщить тебе немного странную вещь — ты будешь работать учителем! Самым настоящим учителем в школе! И тебе это даже будет нравиться.

Доверяй себе, ты все делаешь правильно. Не пугайся ошибок — без них ты не станешь собой. Удача на твоей стороне!!!

Евгения Андреевна

* * *

От кого: *Владимир Погодин*

Письмо самому себе, которым был когда-то, большой соблазн начать с предостережений и подстилания соломки. А значит, встать в позицию гуру, который знает о твоем будущем, поэтому чем-то лучше. Так не хочется. Будущее — штука, которая зависит от тебя. И не хочется, чтобы ты зависел от будущего.

Ты знаешь, очень хорошо жить в настоящем. Я помню, когда ты звонил девочкам нашего класса по очереди, чтобы узнать, что нам задали по математике, и честно не знал что. Каждый раз. Вместе с тем все, кому ты звонил, прекрасно понимали, что ты звонишь не только за этим. И честно отвечали, что задали, а потом можно было поговорить. Про настоящее. Чтоб ты знал, телефоны я помню до сих пор.

Жить в настоящем — это чаще всего не бояться. Или если бояться — того, что прямо здесь и теперь. Я порой жалею, что надолго утратил эту способность, когда подрос. И вернул ее, когда начал наконец заниматься тем, для чего предназначен. Вернее, возвращаю.

Ты и я знаем, для чего мы предназначены. В чем мы действительно раскрываемся так, что мурашки по коже, и чувствуешь себя настоящим до последней клеточки. Жизнь входит в тебя, и ты входишь в жизнь. Иногда я признаюсь другим, что жалею, что не пришел к этому раньше. Хотя чувство внутри более сложное, оно больше сродни радости, что это случилось, чем жалости об упущенных годах или возможностях. Все к лучшему, я все время это вижу и чувствую. И ты видишь, я уверен.

Я с огромным удовольствием поговорил бы с тобой. И

послушал. Помню, какие интересные вещи приходили тебе в голову и их не с кем было обсудить. Детство часто напоминает сон, после которого проснешься — и ты как бы взрослый. Хочу, чтобы ты знал: мое детство не закончилось после того, как я стал взрослым. Оно продолжается и сейчас. Я чувствую тебя внутри, и это удивительно приятное чувство. Именно ты даешь мне возможность оставаться настоящим собой. Я счастлив, что чувствую контакт между нами.

Трудно завершать письмо, как будто что-то забыл сказать. А с другой стороны — мы ведь и не расстаемся. Так что до встречи. Когда-нибудь ты это напишешь. И встретишься с собой — мысленно и чувствами. Мысли и чувства завертятся в выбор, и мы пойдем дальше — чуть больше вместе, чем раньше. Счастливого нам пути. Каждый миг чувствую: наш путь стоит того, чтобы его идти.

* * *

От кого: *Евгения Рябова*

Женька, привет!

Трудно начать. Пишу тебе я, Женька-большая. Называться Женька-взрослая не хочу, не такая уж я и взрослая.

Женька. Помню, тебе понравилось, как звучит «Евгеньсанна». Ты знаешь, а ведь теперь тебя постоянно так называют! Евгения Александровна. Иногда, правда, Елена и Владимировна, но это исправляется. А один раз даже назвали «Евгения Александровна Петровна». Издержки профессии.

Думала долго, что могу тебе сказать. Ух, Женька! Сколько всяких приключений тебя ждет! Как бы мне хотелось, знаешь, хоть чуть-чуть еще раз подглядеть или нюхнуть их, самую капельку! Смело в них впутывайся и ничего не бойся. И никого не бойся. Ты, я знаю, вообще-то отважная и смелая, иногда даже слишком, но вдруг кааак начнешь обращать внимание на глупости! И пугаться. Слушай, люди часто что-то говорят и как-то смотрят страшно, потому что они просто так говорят и смотрят. Потому что у них мозоль или настроение плохое. Или они вообще про другое говорят! А ты — верь в себя. Верь себе. Слушай себя. Чем раньше ты это начнешь делать, тем скорее я этому научусь. Так что дерзай, пожалуйста, а? Вот поверишь ли ты мне, если я скажу, что ты как-то раз взяла и перестала рисовать? Совсем. На несколько лет. Представляешь?? Потому что одни очень хорошие люди, художники, посмотрели на твои рисунки и начали

сетовать, что, мол, неправильно всех учат рисовать. Ты взяла и испугалась. Женька, милая, ничего не бойся! Ты, знаешь, такая хорошая. Правда-правда! Верь себе. Хорошо? А я верю в тебя. И слушаю тебя.

Я правда тебя слушаю и радуюсь, когда слышу. Я не забываю твои мечты. Я смотрю на небо. Я откусываю горбушку свежего хлеба на улице. Я забочусь о котиках и стреляюсь вишневыми косточками, когда ем вишню. Я громко хохочу и стараюсь не пропускать качели (правда, тут взяли моду и стали делать качели только для детей, представляешь? Кто-то решил вдруг, что только дети качаются, поэтому я не во все влезаю, но стараюсь!).

В общем, я чего тебе сказать хочу. Спасибо. Спасибо, Женька! Ведь это из-за тебя у меня есть то, что мне нравится. И мне нравится то, что есть. Понимаешь? У нас сейчас в письмах принято ставить улыбочки. Вот представь еще, что тут везде стоят умильные улыбочки*

Так, ладно, расписалась! Надо заканчивать, да? Тогда слушай, еще важное должна сказать: береги себя. Пусть ты сейчас поморщишься и посчитаешь это лишним — слушай: если тебе кажется, что ты устала, — это значит, что ты устала. Отдохни. Обязательно отдыхай! Это нормально. Спать 8 часов — нормально и хорошо. Это не трата времени.

Еще не ленись писать дневник, мне так интересно его будет читать! Хоть вспомню, как там чего было. Не ленись, ладно?

Ну и… Все? Было б здорово, если б ты прочитала это письмо. Обнимаю тебя, моя маленькая храбрая Женька! Помни, ты у меня чудесная!

P. S. Слушай, еще важное… не выпускайте кошку Грушу гулять ночью на даче.

* * *

От кого: *Виктор Симаков*

Привет, пишу из будущего и постараюсь не мучить тебя нотациями. Хотя знаешь, за эти несколько лет — мгновение по меркам Вселенной — я кое-что все-таки понял. Далеко не все.

Сразу огорчу. Твои романтические представления о мире не то что разобьются, но жизнь их изрядно дополнит, а где-то опровергнет. Ни Гюго, ни Лермонтов, ни Гессе, ни кого ты еще читаешь — они не знают жизни, в которую ты попадешь. Многое из того, во что ты искренне веришь сейчас, окажется глупым и ненужным. Даже то, что кажется тебе возвышенным.

Мне кажется, многое из того, во что ты веришь, тебе навязано. Может, стоит больше прислушаться к себе самому? Покопайся там, внутри. Там интересно.

Это нормально, что мы меняемся со временем. Неизменный человек вызывает больше вопросов, чем тот, кто меняется. Пусть даже становится своей противоположностью.

И мир рядом с тобой меняется. Намного скорее, чем тебе хотелось бы. Я тебе, например, готов подробно рассказать, на что не стоит тратить деньги — оно появится бесплатно в постоянной доступности.

Вот что очень важно: стоит быть посмелее. Я сейчас не только о девушках. Смелость вообще привлекательна. Как этому научиться? Я не знаю. На одноклассниках тренируйся. На взрослых. На одноклассницах, в конце концов. Да, снова: забудь свои романтические иллюзии.

Я не скажу тебе, в чем смысл жизни. Прошло столько лет, а я до сих пор не знаю. Я знаю: все сложится и тебе нечего бояться. Вообще ничего никогда не бойся. Большинство проблем и трагедий через много лет представляются мимолетными и неважными.

Тебе не раз будет больно. Вставай и иди дальше. Боль проходит, любая.

Покрась волосы в фиолетовый, пока не облысел. Когда полысеешь, будет поздно.

И учи как-нибудь языки, что ли. Хотя я до сих пор не понимаю, как это делать.

Обнимаю. Ты классный. Ну, в твои годы, по крайней мере.

* * *

От кого: *Тимур Малкаров*

Салют!

Я знаю цвет и имя медвежонка, с которым ты спишь, знаю, что означает «встреча на лапке», и знаю единственную песню, которую вы крутите, когда играете в карты во дворе.

Теперь, когда ты понял, что мне можно доверять, к делу. Ты, в общем-то, совсем неплохо справился со своей жизнью, но если ты меня сейчас внимательно послушаешь, ты выиграешь как минимум пару сотен часов у тревожных мыслей перед сном.

Цени то, что имеешь. Ты и представить не можешь, насколько тебе в жизни повезло. Пусть успехи других станут для тебя мотивацией, а не поводом для зависти.

Знай себе цену, но не заносись. За римскими военачальниками стоял специальный раб, который напоминал им, что они всего лишь смертные. У тебя такого нет, так что потрудись сам себе об этом иногда говорить.

Не переживай по пустякам и не расходуй эмоции зазря. Злость может дать тебе большую силу, заставить вдохновенно работать сутки без отдыха, но «чрезмерное ее употребление» измучает тебя и высушит хуже алкоголизма. Используй ее умеренно и по делу.

Превыше всего цени свою семью и настоящих друзей. Тебе повстречаются горлопаны, которые будут лупить себя кулаком в грудь, клянясь в вечной дружбе, а потом исчезнут при первых же признаках проблем. И только семья будет тебя защищать и поддерживать в любой ситуации.

Кудри стриги вовремя, но не давай себя обкорнать. Тогда ты будешь похож на древнего римлянина, а не на сумасшедшего ученого. Бороду отпускай, как только начнет расти нормально.

Ну и подарок в стиле «Назад в будущее». Это, возможно, не очень честно, но раз есть возможность, почему ею не воспользоваться. В 2015 году собери все сбережения, что есть, займи сколько сможешь и заряди на победу «Лестера» в АПЛ. Советы — это, конечно, очень здорово, но советы и толстая пачка денег — еще лучше.

* * *

От кого: Юлия Вешникова

Юлька моя, привет!

Ты нашла это письмо, Господи, какое счастье!

Я знаю, ты обожаешь тайны и волшебство, ты раскопала этот клад под кленом во дворе, когда пошла прятать свой очередной «секретик» под цветное стеклышко.

Не будем терять времени, читай внимательно. Запоминай!!

Во-первых, все, что здесь написано, — правда. Во-вторых, это мое послание тебе от меня из будущего, а я — это ты, только взрослая. Так бывает. Понимаешь?! Все то, о чем ты сейчас мечтаешь и во что веришь, — ПРАВДА!!! Никого не слушай, ты не фантазерка, просто ты на самом деле очень особенная и таких, как ты, вокруг совсем мало, это большая-большая редкость. Ты — драгоценность!! Самое настоящее сокровище! Ты ищешь волшебную палочку, но ты сама волшебница, понимаешь?! Я не шучу. Помнишь, как ты играла с билетами и автобусами? А с

ручками от коробок передач по дороге в школу? Ну? Все же получалось, да? Так это и есть самое настоящее волшебство, только маленькое.

Верь себе, своему сердцу, не позволяй другим людям управлять тобой и твоей жизнью. Даже твоей любимой маме!

Никому.

Если только почувствуешь малейшие сомнения, уходи. Если нельзя уйти, прячься в себе, не впускай. Лучше одиночество, чем неправильные друзья или родственники. Они незаметно исказят рисунок твоей души, и тебе придется потом долго возвращаться к себе, поверь, я знаю, что говорю.

Надеюсь, тебе сейчас не больше семи лет. Вот что, дождешься зимы, проси маму снова поехать в то самое любимое место, на горку, как в прошлом году. Уговори ее во чтобы то ни стало. Придумай что-нибудь, ты же умеешь. Поезжайте рано утром. Когда будешь кататься, смотри в оба. Туда должен прийти мальчик лет четырнадцати с друзьями. Не знаю, как он будет одет, но почему-то уверена, что ты его УЗНАЕШЬ! Он очень симпатичный и очень ловкий и весёлый. У него, скорее всего, будут пластиковые короткие лыжи, которые ты так хочешь, но боишься. Подойди к нему, заговори с ним. Он удивится, конечно. Скажи ему, что ты знаешь, что в детстве он очень хотел игрушечный пулемет, поймать больших лещей и мечтал стать пожарным, а потом радистом на корабле. Это будет такой ваш тайный пароль. Он тебе поверит, он никому об этом не рассказывал. Попроси его дать покататься. Пусть он тебя научит. Если не лыжи, проси санки или картонку, с собой на горку ничего не бери! Вы подружитесь, он станет твоим другом. Его должны звать таким Именем. Послушай, это очень важно! Это самое главное в твоей жизни, понимаешь?! Он тоже должен тебя УВИДЕТЬ. Доверься ему. Оставь свой телефон, ему можно. Он дождется, когда ты вырастешь!

Просто поверь мне сейчас.

Если тебе больше семи, вот тебе адрес. Поезжай по нему, это рядом с метро. Езжай одна, не бери никого с собой. Найди его. Звони в дверь, дождись из школы или из института, если не прогуливает. Расскажи ему про это Письмо, скажи, что это такое вселенское волшебство и он твой суженый. Не бойся, он не станет над тобой смеяться, он поверит тебе, он верит в чудеса и в любовь, он почувствует, он ВСПОМНИТ, он всегда будет тебя оберегать и любить.

Все. Больше ничего. Все остальное не важно.

Да, на всякий случай, у тебя шрам над правой коленкой — ты неслась на велосипеде с горы и улетела через руль, наткнувшись

на камень. И тебе каким-то невообразимым образом вонзилась в ногу сломанная спица. Помнишь, тогда никто не поверил, что все было именно так? Я знаю, это правда.

Еще? Иди домой, у тебя под подушкой лежит енот с каучуковой мордочкой, твой трофей, который ты выпросила у мамы, отняв у троюродной сестры предполагаемый подарок на день рождения. Ей еще потом пришлось подарить страшную обезьянку, потому что еноты в магазине закончились. Есть?

Мало? В левом ящике туалетного столика, в глубине за шкатулкой в старой косметичке початая пачка «Столичных», которые ты случайно нашла после маминых гостей и спрятала, а теперь, когда никого нет дома, примеряешь себя, «курящую», перед зеркалом. Об этом вообще никто не знает, кроме нас с тобой.

Теперь поверила? Вот!

Никогда не кури, выброси эту дрянь. И никогда не допускай никакую дрянь в свою жизнь, потому что ты — прекрасна!

Знай, все будет хорошо в любом случае, даже если ты не найдешь это Письмо. Только долго и сложно.

И ничего не бойся!

Люблю тебя, Юлька!

Я, то есть ты, только взрослая

* * *

От кого: *Артем Упоров*

Тема, привет!

Ты даже представить себе не можешь, как мне хочется с тобой поговорить, сколько всего мне хочется тебе рассказать и насколько о многом — расспросить.

Я знаю, что ты весь состоишь из сомнений: ты увлекаешься то одним, то другим, то третьим. Ты хочешь стать врачом, учителем, директором, летчиком, водителем автобуса и актером одновременно. Тебе никогда ни на что не хватает времени, ты суетишься, пытаясь оправдать чьи-то ожидания, ты нервничаешь, когда в мире вокруг тебя хоть как-то нарушается гармония, а нарушается она постоянно.

Тема, притормози, выдохни немного, оглянись по сторонам, вдохни полной грудью, успокойся. Делай то, что тебе хочется делать. Не слушай никого слишком внимательно. Не трать время на то, чтобы кому-то что-то доказать. Просто лови свою волну, иди своей дорогой, цени свои мысли и береги свое здоровье.

Я тебя очень прошу: не суди людей, которые делают что-то не по-твоему, а лучше лишнюю книжечку почитай, иди погуляй или просто потупи с одноклассниками.

Все у тебя будет хорошо, если полюбишь самого себя, поверишь самому себе и в свободную минутку поговоришь с родителями, потому что никто и никогда больше не будет настолько твоим, как они.

Я тебя обнимаю, будь счастлив прямо сейчас.

* * *

От кого: *Дмитрий Зеливанский*

Здравствуй, мой дорогой Дима!

Если я расскажу, что ждет тебя в будущем, — ты не поверишь. И испугаешься. Поэтому не буду. Жизнь тебя ждет интересная и насыщенная. Могу дать три совета, хотя ты же все равно сделаешь по-своему.

Первое — научись получать удовольствие от процесса. Жить в удовольствие. У тебя впереди будет много результатов, куча всего получится, но ты очень много потеряешь, если не научишься кайфовать от жизни как таковой, просто так, потому что ты есть.

Второе — относись спокойнее к ошибкам и провалам. Не ошибаться можно только лежа на диване, а это не про нас с тобой — ошибок будет много. И третье — заинтересуйся собой. В мире нет ничего и никого интереснее тебя. Я знаю, ты не поймешь, о чем я. В то время у вас такое считалось крамолой. Самое главное, что у тебя есть, — это ты сам, твоя индивидуальность, твоя жизнь: она только твоя и нужна прежде всего тебе. Изучай себя, открывай себя для себя, научись меняться, научись говорить себе правду о себе как можно скорее. Поменьше обращай внимания на других и их мнение о тебе. Это придаст уверенности и сил. А они потребуются. Держись, все получится!

P. S. Знаешь, оказывается, что и ближе к 50 жизнь может «только начинаться». Не так легко, как в 18, 20, 30… но что нам трудности, да?

Письмо самому себе

#письмосебе — для вашего письма себе в детство, которым вы можете поделиться с другими

#другаяшкола — для того, чтобы поделиться своими преподавательскими находками **Большое спасибо**

Замечательным редакторам Тате Кальницкой и Любе Романовой

Михаилу Кларину и Юлии Вешниковой, без которых этой книги бы не было

Учителям, ученикам и директору «Новой школы» Кириллу Медведеву за то, что терпели назойливого журналиста все 9 месяцев

Моей жене Василисе за фразу на обложку и идеи, которые помогли мне в процессе **Книгу оформили**

Иллюстрации — **Варвара Аристакесян, Александра Асорей Риаль, Ангелина Васильева, Тимофей Ковалишин, Мария Колончина, Светлана Королева, Станислава Леонова, Юлия Мишутина, Диана Огай, Екатерина Рыбакова, Александра Солобаева**

Больше иллюстраций здесь

Фотография на обложку книги предоставлена факультетом журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова

Коллаж и обработка фото на обложке — **Иван Александров**

* * *

ЛУЧШИЕ КНИГИ О БИЗНЕСЕ С ЛОГОТИПОМ ВАШЕЙ КОМПАНИИ? ЛЕГКО!

Удивить своих клиентов, бизнес-партнеров, сделать памятный подарок сотрудникам и рассказать о своей компании читателям бизнес-литературы? Приглашаем стать партнерами выпуска актуальных и популярных книг. О вашей компании узнает наиболее активная аудитория.

ПАРТНЕРСКИЕ ОПЦИИ:

- Специальный тираж уже существующих книг с логотипом вашей компании.
- Размещение логотипа на супер-обложке для малых тиражей (от 30 штук).
- Поддержка выхода новинки, которая ранее не была доступна читателям (50 книг в подарок).

ПАРТНЕРСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ:

- Рекламная полоса о вашей компании внутри книги.
- Вступительное слово в книге от первых лиц компании-партнера.
- Обращение первых лиц на суперобложке.
- Отзыв на обороте обложки вложение информационных материалов о вашей компании (закладки, листовки, мини-буклеты).

ЛОГО
ЛОГОТИП ВАШЕЙ КОМПАНИИ НА ОБЛОЖКЕ
КНИГА О БИЗНЕСЕ
КНИГА О БИЗНЕСЕ
ЛОГОТИП НА КОРЕШКЕ
ПОЛЕЗНЫЙ И ИНТЕРЕСНЫЙ ТЕКСТ О ВАШЕЙ КОМПАНИИ ДЛЯ КЛИЕНТОВ
ТЕКСТ ДЛЯ КЛИЕНТОВ НА ОБЛОЖКЕ

У вас есть возможность обсудить свои пожелания с менеджерами корпоративных продаж. Как?

Звоните:
+7 495 411 68 59, доб. 2261

Заходите на сайт:
eksmo.ru/b2b